

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Сборник материалов

Киров
2017

УДК 821.161.1.09(082)
ББК 83.3(2)я431
Р326

*Печатается по решению Научного совета
Вятского государственного университета*

Ответственный редактор – Е. О. Галицких, доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы и методики обучения ВятГУ

Научный редактор – В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ВятГУ

Рецензенты:

Т. А. Золотова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики МарГУ;

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии ВятГУ

Р326 Региональная литература: проблемы изучения и функционирования [Текст] : сборник материалов / сост. и науч. ред. Е. О. Галицких, В. А. Поздеев. – Киров, 2017. – 191 с.

ISBN978-5-98228-140-1

Тексты статей представлены в авторской редакции.

За качество и достоверность предоставленных материалов ответственность несут авторы.

УДК 821.161.1.09(082)
ББК 83.3(2)я431

ISBN978-5-98228-140-1

© Вятский государственный университет
(ВятГУ), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Национальное своеобразие и идентичность в региональной литературе

<i>Лицарева К. С.</i> Региональная литература: тенденции и перспективы.....	5
<i>Поляков О. Ю.</i> «Региональное» как имагологическая проблема.....	10
<i>Маслова А. Г.</i> «Ты человек, и сим ты именем гордись...»: нравственные заветы Е. И. Кострова.....	14
<i>Черниговский Д. Н.</i> Об изучении вятского периода жизни и творчества А. И. Герцена в литературном и историческом краеведении.....	22
<i>Прокуратова Е. В.</i> Влияние конфессионально-этнических особенностей на формирование севернорусских литературных центров XVIII–XX вв. ...	28
<i>Богданова Л. А., Овченкова О. Ю.</i> Из творческого наследия Г. Е. Верещагина: первые поэмы на удмуртском языке.....	41
<i>Загвоздкина Т. Е.</i> А. С. Грин на страницах вятской печати.....	51
<i>Клековкин Д. А.</i> Отражение критики утопических социалистических идей «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского в рассказе А. С. Грина «Приключение Гинча».....	58
<i>Быкова Е. В., Валова О. М.</i> От художественного творчества к репортажу: традиции и новаторство в вятском рукописном молодежном журнале «Конкордия».....	64
<i>Поздеев В. А., Возмищева К. А.</i> Сатира в вятской периодике 1930–1940-х гг.	73
<i>Юферева Я. А.</i> Вятский епископ виктор островидов в воспоминаниях О. Волкова (период заключения в соловецком лагере особого назначения, 1928–1929 гг.).....	86
<i>Трушкова И. Ю., Михеева Г. А., Титова Е. И.</i> Отражение этнической идентичности в творчестве писателей Кировской области во второй половине XX в.	91
<i>Поздеев В. А.</i> Старейшина вятских писателей (о творчестве В. А. Ситникова).....	96
<i>Федяева Т. А.</i> Будущее как ретроспекция прошлого: о романе А. А. Лиханова «Оглянись на повороте».....	101
<i>Галицких Е. О., Ершова Е. С.</i> Тема исторической памяти в творчестве Елены Наумовой: диалог автора с читателями.....	107
<i>Ануфриев А. Е.</i> Лирические сюжеты Надежды Мохиной.....	113
<i>Метелева О. А.</i> Прецедентные имена собственные в поэзии Аглаи Соловьевой.....	121
<i>Корякина В. Л., Федянина О. Н.</i> Речевая среда прошлого: устаревшие слова в повести И. А. Шишкина «Хлыновцы».....	130

РАЗДЕЛ 2. Региональная литература: проблемы изучения и популяризации

<i>Проскурнина Н. Ю.</i> Литературное краеведение в школе: региональный опыт изучения	139
<i>Полякова О. А., Полякова М. О.</i> Проблемы преемственности и обновления региональной литературы: творческий опыт поддержки начинающих писателей и поэтов редакцией газеты «Я расту»	144
<i>Кобелева Е. А.</i> Популяризация вятской книги и авторского чтения (из опыта работы руководителя «арт-центра» библиотеки имени А. И. Герцена Галины Кустенко)	151
<i>Молитвина О. П.</i> игровое пространство в творчестве Л. А. Кассиля как основа культурно-образовательной деятельности музея писателя	159
<i>Тупицына Н. А.</i> Мы гордимся своими писателями-земляками! (Литературное краеведение в школе)	174
<i>Галицких Е. О.</i> У нас в гостях писатель Ирина Дружаева	180
Решение всероссийского семинара «Региональная литература: проблемы изучения и функционирования»	188
Список авторов	189

РАЗДЕЛ 1. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К. С. Лицарева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье затронуты вопросы, связанные с терминологической неопределенностью понятия "региональная литература". Предпринимается попытка выявить типологические особенности региональной литературы и вятской литературы. Намечаются перспективы развития данного явления.

Ключевые слова: региональная литература, литературное краеведение, вятская литература, литературоведение, национальная литература.

*Не сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.
Держись, родимая, держись
И не спеши расстаться с телом.
Крепись, душа! В России жизнь
Всегда была нелегким делом.*

Н. Зиновьев [1]

Известно, что отечественная литература создала особый тип человека, опираясь на русские реалии. Этот тип имеет глубинную онтологическую определенность, очень устойчивую и трудно изменяемую, он тесно связан с понятием Русский мир, который отличается полиэтничностью, поликонфессиональностью и полисемантической. Но если Русский мир – это люди, ощущающие свою вовлеченность в особое образование, то понятие «регион», «региональный» имеет более определенную и научно разработанную семантику, хотя трактуется неоднозначно, а иногда и противоречиво.

В политико-правовом смысле слова регион – это административно-территориальное образование, а шире – территориальные образования без администрирования, например, географическая территория; межгосударственная территория; историко-культурный ареал, природно-климатическая зона и т. д. Иногда под регионом понимаются или обширные территории, охватывающие целые континенты; или несколько соседствующих друг с другом субъектов Российской Федерации, характеризующиеся особенностями исторического развития, географического положения, природных ресурсов и т. д.

В географии «регион» – это территориальный комплекс, состоящий из флоры, земли, фауны, населения и т. п.

В экономике «регион» – это сложное соединение многочисленных звеньев производственных систем и социальной инфраструктуры, объединенных единой территорией, хозяйственной организацией и соответствующими управленческими структурами.

В культурологии «регион» – специфическое культурное образование, в основе которого общее историческое и нравственное развитие, а также это – синоним особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мироощущением.

В политологии «регион» – это часть территории одной или нескольких соседних стран с более или менее однородными природными, экономическими, социально-политическими и культурными условиями.

В Указе Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в РФ» «регион» – это часть территории РФ, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. При этом «регион» – может совпадать с границами территории субъекта РФ, а может объединять несколько таких субъектов.

В литературоведении – региональный или областнический. Термин условный, применяемый для определения произведений писателей, которые

изображают определенную местность (чаще сельскую) и характеры людей, ее населяющих. Этот термин активно используется в английской филологии, например, для обозначения некоторых романов и повестей Томаса Гарди. В США региональную литературу принято называть «литературой местного колорита». Подобные определения есть в итальянском, французском литературоведении, а в немецком и австрийском такая литература получила название «литература родной стороны».

Работы по изучению региональной литературы в отечественной науке появились в последней четверти XX века. К региональной литературе относятся произведения, созданные в одной местности и отразившие ее уникальность, к сожалению, в работах по теории литературы данный вопрос изучен слабо. Принято еще выделять литературу «национальную», и тогда иерархически региональные литературы входят в национальную. Определение «региональной литературе» дает «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001), а вот в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) содержится словарная статья о «местном колорите» как «воспроизведении в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа, языка, свойственных сугубо определенной местности или области» [2]. Сходными с этими терминами можно назвать веризм, костюмбризм, «зональная литература», риджионализм, веритизм и другие. Близкий по смыслу терминологический ряд объединяет главное качество: географическое и социальное описание определенной местности.

Необходимо отметить, что литературным краеведением и учеными-литературоведами т. н. «вятская литература» или литература писателей Вятки/Кирова исследована подробно и системно. Хотя часто слышатся упреки местных писателей, что со стороны прогрессивного филологического сообщества их творчеству уделяется мало внимания. Это заблуждение. Доказательством служат две, безусловно, знаковые книги – это «Энциклопедия земли вятской», т. 2 «Литература» (1995) и «Феномен Вятской земли в оте-

чественной литературе» (2013). Среди видных исследователей региональной литературы Кировской области, внесших заметный вклад в изучение данной проблемы, необходимо назвать: Н. П. Изергину, Г. Н. Шершневу, В. В. Харчева, Т. Е. Загвоздкину, К. Г. Бронникова, Л. Н. Лузянину, В. А. Поздеева и других. Продолжают и развивают литературоведческие традиции изучения нашей региональной литературы А. Е. Ануфриев, Е. О. Галицких, Д. Н. Черниговский, О. А. Полякова, А. Г. Маслова, а нынешний семинар еще одно доказательство живого и постоянного интереса к «местному колориту», желание осмыслить, классифицировать, сопоставить и вписать нашу региональную литературу в национальную русскую словесность. Особое внимание уделяется вопросам так называемого «вятского менталитета», его формированию, особенностям, бытованию и сопряженности с русским национальным сознанием. Пожалуй, самым доминирующим в творчестве писателей и поэтов нашей области является природный компонент, отсюда интерес к поэтическим особенностям изображения природы вятского края, вятских образов и мотивов.

Эта «вятская особинка» отражается в изображении образа Вятской земли, и Вятской провинции, и образов вятчан в литературных произведениях XVIII–XXI веков.

Несомненным достоинством литературоведческих работ по региональной литературе стало стремление к исторической достоверности и своеобразному летописанию истории вятской литературы, а также обоснованный и справедливый подход к изучению произведений, с одной стороны, в сравнении, с другой, – во «встраивании» региональной и национальной литератур (например, вятский период А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, или вятские образы, мотивы в творчестве Н. А. Заболоцкого, В. Н. Крупина и т. д.) Подробно разработана проблема и социальной составляющей, которая включает особенности характера (образы Ваней-вятчан, константы вят-

ского характера и т. д.), этнической принадлежности, сферы быта, культуры, морали т. п.

Однако кардинально и резко изменившаяся ситуация в российском обществе и в литературном процессе в конце XX века ввела и региональную литературу в эпоху тяжелых испытаний, заставивших на многие традиционные и устоявшиеся истины смотреть по-иному.

Во-первых, это высокие цены на книжную продукцию и разрыв связи между писателем и читателем.

Во-вторых, непростое положение в книгоиздательском бизнесе.

В-третьих, осознание того, что региональная литература, в большинстве своем, если положение вещей останется прежним, не будет финансово успешной и широко известной. Здесь вступают в силу рыночные правила. И дело не только в отношении государства или местной власти, но и, к сожалению, в падении художественных критериев, в нивелировке, «заземлении» писательства как творчества и как профессии.

В-четвертых, разрыв традиции, преемственности между старшим, средним и молодым поколением писателей. Причин здесь несколько и чаще всего это причины психологического и мировоззренческого характера.

Уверена, что печатные книги не исчезнут, но, тем не менее, региональная литература должна активнее осваивать современные технологии, интернет, ориентироваться не только на вечное и несуетное, но и на целевую аудиторию. И все же главное – кропотливо работать над совершенствованием текста. И разумеется, помнить, что ученые-литературоведы доказали существование феномена Вятской земли в отечественной литературе, остается только продолжать запечатлевать его в новых произведениях нашей вятской словесности.

Примечания

1. Литературная газета. 28 декабря – 3 января 2017. № 51–52; с. 7.
2. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 217.

«РЕГИОНАЛЬНОЕ» КАК ИМАГОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «региональное» в аспекте проблем рецепции и репрезентации национальных образов, определяемой в т.ч. оппозициями «периферия – центр», «национальное – локальное». В историко-теоретическом обзоре представлений о «региональном» раскрыты механизмы имагологического функционирования автообразов периферийных субъектов, а также показана значимость региональных образов как средства выявления и сопоставления типологически общих моделей представления национального.

Ключевые слова: имагология, национальный образ, периферия – центр, «региональное», локальный автообраз, стереотип.

Имагология, изучающая рецепцию и репрезентацию национальных образов в системе культуры, возникла как отрасль сравнительного литературоведения, которая в качестве исходного методологического положения избрала антиэссенциалистскую трактовку национального образа как «нарративного тропа». В её понятийном аппарате, помимо терминов «авто- и гетерообраз», «стереотип», «клише», «имагема» и др., важное место занимает система бинарных оппозиций, отражающих концептуальные обобщения учёных относительно национальных образов: «своё/чужое», «север/юг», «запад/восток, «периферия/центр». Понятие «региональное» включается в последнюю дихотомию, компоненты которой связаны системными отношениями. Каждый центр, как отмечает известный нидерландский имаголог Й. Леерссен, имеет своё «гравитационное поле», которое ослабляется к периферии, и кроме того, могут существовать дополнительные «пространства притяжения», которые, хотя и находятся на периферийном уровне, также могут оказывать влияние на центр [1; с. 278]. Отношения «центр – периферия» реализуются в разных масштабах: национальное – региональное; национальное (транснациональное) – глобальное; микро- – макрорегиональное. В системе культуры, в т. ч. литературы, оппозиция «центр – периферия» мо-

жет, в соответствии с трудами русских формалистов, рассматриваться в соотношении канона как ядра системы и периферийных феноменов – от авангарда до литературных фактов и явлений, утративших свою актуальность. При использовании полисистемного подхода видение литературы усложняется: она представляется как целостная структура, состоящая из подсистем (отдельные региональные литературы как подсистема национальной литературы, национальная литература как подсистема европейской или мировой словесности) (см.: 1; с. 279–280).

Понимание регионального компонента в литературе отличается вариативностью: нередко его рассматривают как всю литературную продукцию, публикуемую в отдельных государственных субъектах (федеральных землях, штатах, провинциях, областях, графствах и т. д.), однако чаще всего под региональной литературой понимают произведения, посвящённые той или иной местности, удалённой от центра. Такого рода регионализм восходит к античной традиции, противопоставлявшей городскую и сельскую цивилизации и запечатлённой, в частности, в трудах Вергилия и Горация.

В Новое время, в особенности в XIX–XX вв., «идиллическая репрезентация» провинции начала выполнять имагологическую функцию. Автообраз периферийного субъекта начал служить субститутутом национального образа, или «наднациональным образом», в терминах Й. Леерссена, и одновременно средством выражения местного колорита, экзотизации локального текста культуры. В такой функции выступают образы провинции, созданные Марселем Паньолем, Жаном Жионо (Прованс), Э. Басана (Галисия), Т. Гарди (Уэссекс) и др.

В современной литературе функция региональных образов усложняется, особенно в местаисторических повествованиях, дающих возможность сложной реконструкции прошлого, его мифологизации (роман Г. Свифта «Водоземье»), хотя, безусловно, в произведениях современного неореализма миметическое изображение образов периферии, бытописание вновь начинают играть существенную роль.

Для имагологической науки региональные образы важны не только как репрезентанты той или иной этнической идентичности (или, например, национального мифа), но и как средство сравнительного изучения некоторых существенных типологически общих моделей представления национального. В качестве примера можно привести исследование Й. Леерссена, который рассматривает три самостоятельных корпуса национально-культурных стереотипов (образы кельтского запада, сельской Германии и отдаленных неосвоенных местностей), выраженные в различных видах искусства [см. подр.: 2, с. 43–44]. Так, характеристика кельтского пространства в литературных и литературно-критических текстах всегда включает особый акцент на удаленности от магистральных путей прогресса: таковы Бретань в романе О. де Бальзака «Шуаны» и в сочинении Э. Ренана «Поэзия кельтских народов», Уэльс в работе М. Арнольда «Об изучении кельтской литературы», шотландские высокогорья в романах В. Скотта «Уэверли» и «Роб Рой». К этим репрезентациям Леерссен применяет теорию хронотопа М. М. Бахтина: в них создается особая пространственно-временная система, в которой физическое время изменяет свой ход — движется медленно либо останавливается вовсе.

В западноевропейской культуре второй половины XX в. одним из ведущих мотивов является противопоставление урбанистического и сельского укладов жизни (эта оппозиция воплощена, в частности, в немецких фильмах «родного места», рассказах З. Ленца, «региональных» романах датской литературы, произведениях английского писателя Р. Уильямса и др.), причем провинциальная действительность во всех случаях изображается за границами прогресса, вне динамики. Здесь так же, как и при изображении кельтских окраин, периферийное положение закономерно ведет к аллохронии, «иновременности» [1; с. 291].

Наконец, в приключенческих романах XIX в., написанных Р. Киплингом, Г. Р. Хаггардом и А. Конан Дойлом, представлены экзотические, неисследованные местности на периферии империи, где также изменен ход времен, где можно встретить «ожившее прошлое» (ритуальные формы и др.).

Таким образом, в трех приведенных примерах отчетливо прослеживается оппозиция «центр-периферия». Центр связан с современностью, на периферии действует «безвременное время». Данная оппозиция может конституировать национальные образы и выявляться в имаготипических структурах разных уровней. Анализ, проведенный Й. Леерссеном, показателен и в методологическом плане: имагологу порой недостаточно изучения кросс-культурных образов в рамках бинарной схемы («как А видит В»), более показательными могут быть противопоставления в нескольких имагологических рядах («как А видит В, С видит D, Е видит F»), благодаря чему выявляются константы и варианты, образующие «грамматику кросскультурной репрезентации» [1; с. 294].

Таким образом, изучение регионального компонента литературы в сравнении с «центральной» даёт возможность не только выявить его идейно-тематическое или жанровое своеобразие, но и проанализировать соотношение различных имагологических комплексов в системном виде, представить локальные автообразы в компаративном плане, сопоставив их друг с другом и с национальным макрообразом, установить генерализованные схемы репрезентации имагологических категорий.

Примечания

1. Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / Ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam; N.Y., 2007.

2. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.

**«ТЫ ЧЕЛОВЕК, И СИМ ТЫ ИМЕНЕМ ГОРДИСЬ...»:
ПРАВСТВЕННЫЕ ЗАВЕТЫ Е. И. КОСТРОВА***

Аннотация. В статье исследуется нравственный идеал человека, созданный в поэзии уроженца Вятской земли Е. И. Кострова, анализируются образы идеального правителя, мецената, священнослужителя, полководца, поэта, государственного служащего, подчеркивается, что духовно-нравственные заветы поэта XVIII века не потеряли актуальности и в XXI столетии.

Ключевые слова: Е. И. Костров, русская поэзия XVIII века, жанр оды, духовно-нравственный потенциал классической литературы.

Ермил Иванович Костров – поэт XVIII столетия, уроженец Вятской земли. Талант Кострова был оценен многими передовыми деятелями – его современниками (М. М. Херасковым, А. В. Суворовым), Екатериной II, утвердившей его в должности штатного стихотворца при Московском университете, а также ближайшими потомками (А. С. Пушкиным и В. К. Кюхельбекером [2]). Е. И. Костров сравнивался современниками с великим греческим певцом Гомером (в связи с переводом Костровым гомеровской «Илиады»), а для классической эпохи, стремившейся возродить дух античности в культуре, это было очень высокое и достойное сопоставление. Костров, как отмечают исследователи его творчества, чутко улавливал эстетические веяния времени, он талантливый и самобытный поэт, переживший «творческую эволюцию, отразившую основные этапы развития русской литературной культуры второй половины XVIII века» [1, с. 28].

Ермил Иванович Костров, родившийся в 1755 году в селе Синеглинском Слободского уезда Вятской провинции (сейчас село Синегорье Нагорского района Кировской области), получивший начальное образование в

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-50062

Вятской духовной семинарии, учившийся в Московской славяно-греко-латинской Академии и затем – на философском факультете Московского университета, был замечен как искусный стихотворец. Он, как один из лучших учеников, был оставлен при университете и получил должность штатного стихотворца. Наверное, для человека, обладающего посредственным талантом, это было бы неплохо, но Ермила Кострова, поэта истинного дарования, необходимость выполнять «официальные» заказы тяготила, и должность «штатного стихотворца» стала, по свидетельству современников Кострова, причиной трагедии талантливейшего поэта, рано ушедшего из жизни (прожил он всего 41 год).

Жизнь одаренного человека, как известно, трудна во все времена, но для потомков важно другое: для нас важно то, что оставил поэт, важны его произведения, его творческое наследие, важны те нравственные заветы, которые провозглашал он в своем творчестве.

Е. И. Костров – поэт эпохи классицизма, когда в поэзии не принято было выражать свою личность, когда высокая поэзия была в первую очередь государственным делом и служила гражданским идеалам. Как штатный стихотворец при Московском университете Костров создал немало одических произведений «на случай». Жанр оды призван был поддерживать интересы императорской власти, прославлять достижения монархии, укрепляющей мощь Российской державы, и в этом направлении Костров следовал за открытиями своего предшественника и кумира Михаила Васильевича Ломоносова. Еще Ломоносов определил важнейшие темы русской оды: тема России связана в одическом жанре с прославлениями бескрайних российских просторов, с верой в великое будущее русского народа, тема идеального монарха неотделима от надежды на то, что абсолютная власть мудрого правителя направит Россию по пути просвещения, благоденствия и процветания. Эти темы звучат и в поэзии Ермила Кострова, посвятившего многие из своих произведений Екатерине II.

Государственные идеалы, провозглашенные в XVIII веке, не кажутся нам устаревшими. В одах Кострова утверждается всеобщий идеал жизни государства, уподобленный золотому времени человечества. В этом государстве нет насилия, коварства, злобы, монарх является покровом и защитой для всех гонимых и притесняемых. Костров создает идеальный образ государя, с которым ассоциируется Екатерина II. Такой идеал мы видим, например, в оде 1780 года, написанной на День Восшествия на престол Екатерины:

Сколь Царь превыше земнородных,
Являет сан его и власть;
В разумных Тварях и свободных
Державствовать его есть часть:
О бремя лестно, но тяжело!
Несносно иго, но весело!
Владыка всем, и всем он друг:
Зреть связь вещей, премены, следства,
Предвидеть сокровенны бедства,
К сему великой нужен дух... [3, с. 45].

Быть правителем огромного государства – великая честь, но это и серьезнейшее бремя ответственности за все, что совершается под властью монарха. Такое же бремя ответственности лежит и на тех, кто занимает государственные должности. В одах, посвященных Московскому главнокомандующему генералу-фельдмаршалу Захару Григорьевичу Чернышеву, утверждается идеал государственного служащего, имеющего честное сердце и заботящегося о торжестве правды, о борьбе с несправедливостью и благе зависимых людей:

От всех тебе, от всех подобный дух имущих
И честность любящих сплетается венец;
Но взор людей неблагодарных
И сильных в хитрости, коварных

От взора твоего спеша стремится прочь;
Где правда стрелы быстро мечет,
Там злобна грудь стена трепещет.
И что виной тому? Бежит от света ночь [3, с. 131].

Упоминается, что Чернышев управлял Могилевым, и этот город уже
возвышен им:

Тобою правимый град счастлив Могилев.
Чрез время краткое тобою
К блаженству, радостям, покою
Уже восстать, востечь, возвыситься успел <...>
Где были терния колючи
И мрачные носились тучи,
Там розы днесь цветут,
Там чистый блещет свет ... [3, с. 131–132].

Распространено было в XVIII веке меценатство, и в произведениях, посвященных людям, заботящимся о развитии культуры и просвещения в России, утверждается идеал человека, способного расточать щедрость на тех, кто в нуждается в помощи. Костров посвящает известному меценату Ивану Ивановичу Шувалову идиллию Каллидор, в которой музы ведут диалог и воспевают Шувалова:

Он благи Ея и Матерни щедроты,
И кротость мирную, любезныя доброты
Ходатайствует всем, кого Судьба теснит,
Кто зависти стрелой низвергнувши лежит,
От смертных гонит прочь несчастья суровы,
И рушатся пред ним свирепых зол окопы;
Где луч его очей, там бедствий тает лед,
Печали мгла бежит, его где блещет свет... [3, с. 137]

Все это актуально в наши дни, потому что и в современном мире мы все желаем того, чтобы люди, находящиеся у власти, помнили о той ответственности, которая лежит на них, помнили о людях, нуждающихся в их защите и покрове, заботились о благе тех, кто от них зависит. Вновь возвращаются в нашу жизнь и идеалы благотворительности, меценатства. В целом в одах Кострова утверждается вечная идея торжества света над мраком, добра над злом.

Восхваляются в одах Кострова и деяния в области просвещения и науки. Так, он пишет «Оду на день открытия общества любителей учености при Императорском Московском Университете». В оде говорится о счастливых днях России, в которой «воздвигнуты Минерве алтари», курится «фимиам наукам», Костров, как и Ломоносов, призывает юношей стремиться к наукам, способствующим благу отечества. Как представитель века рационализма, Костров в своих произведениях восхваляет разум, мудрость. «Там мрак, где мудрых нет!» – эта афористичная фраза становится рефреном станса, посвященного митрополиту Платону.

Конечно, в 80-е годы XVIII столетия пафосные торжественные оды «на случай», в которых необходимо было следовать определенным традициям, повторять на разные лады одни и те же темы и мотивы, не могли удовлетворить талантливого поэта. Лучшие авторы второй половины XVIII века стремились преобразить жанр оды, и недаром Костров с восторгом воспринял появившееся в 1883 году новаторское произведение Гаврилы Романовича Державина, посвященное Фелице – Екатерине II.

Большая свобода в разработке одической темы возникала у поэтов, когда они обращались не к монархам, а к другим своим современникам, прославляли «случаи», или жизненные эпизоды, не связанные с высшей государственной властью. Обращаясь к анализу этих произведений Ермила Кострова, мы видим не просто следование высоким образцам предшественников, мы видим личностный взгляд поэта на человека и его жизненное пред-

назначение. По этим произведениям мы можем судить о мировоззрении Кострова, его представлениях о мире, Боге и человеке.

Среди адресатов поэзии Кострова полководец Александр Васильевич Суворов, поэты Гаврила Романович Державин, Михаил Матвеевич Херасков, священник Платон – митрополит Московский и Калужский, и др.

Наряду с идеалом монарха, государственного деятеля, мецената, воссоздаются в стихах Кострова образы идеального священника, идеального полководца, истинного поэта.

В оде, адресованной Александру Васильевичу Суворову, утверждается идеал полководца, любящего отечество, способного избрать верную тактику боя, равнодушного к нуждам своих солдат, до тонкостей овладевший наукой побеждать:

Что сих побед вина? герой наш мало спит:
Исполнен к отчеству любви и к богу веры;
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы [3, с. 148].

Обращаясь к священнику Платону, Костров подчеркивает его способность бороться со злом силой Божественного слова:

О Пастырь! Кто, как Ты, средь мирной брани воин?
Кто более Тебя венца сего достоин? [3, с. 170]

Священник несет Божественный свет в мир, способствует торжеству истинной веры:

Пред ним строптивых полк трясется,
Пред светом исчезает мрак,
И дух и сердце их мятется,
Толь лучезарный видя зрак.
Ярится, зверствует, скрежещет,
Отчаивается, трепещет;
Но муж, излив чистейший глас
Учений светлых, многоплодных,
В сердцах их каменных, безводных,
Сторичный возрождает класс [3, с. 163].

В стихах, обращенных к поэтам-современникам, воссоздается образ идеального поэта. Безусловно, основной ценностью для поэта была слава отечества, любовь к родной земле и родному языку. Именно эти заслуги своего современника Гаврилы Романовича Державина прославляет Костров в «Письме к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы»:

Что, ревностию ты пылая
И все пути изобретая,
Стараясь вознестъ природный наш язык.
Он важен, сладок и обилен,
Гремящ, высок, текущ и силен,
И в совершенствии его твой труд велик [3, с. 114].

Уже здесь формируется образ поэта, знающего свое предназначение, которое состоит не в простом рифмовании слов и не в расточении пустых похвал высшим мира сего, а в совершенствовании русского языка, открытии новых возможностей русской поэтической речи. Об этом предназначении писателя будут говорить и А. С. Пушкин, и Л. Н. Толстой, и представители модернистских течений в XX веке. Этот завет поэта XVIII столетия остается актуальным и в нашем, XXI веке.

Еще одна важная черта поэта-современника не ускользнула из внимания Кострова, обращавшегося к Державину:

Минерве ты сообразуясь,
Свое спокойствие на жертву муз несешь,
Отечества драгого слава –
Твоя утеха и забава,
В завидном для мужей ты подвиге течешь...[3, с. 115]

Здесь подчеркивается, конечно, любовь к Отечеству, а также и такая черта поэта, как постоянная неуспокоенность, то есть неравнодушие, соучастие к проблемам, непосредственно не связанным с личной жизнью поэта, умение разделить чужую боль, то, что А. С. Пушкин назвал в известном своем стихотворении «Пророк» «духовной жаждой». Неуспокоенность души – важнейшая положительная черта любого человека и уж, конечно, необходимое свойство поэта, о котором будут писать все русские авторы, а первым обратил на это внимание Костров.

В оде «На день рождения его превосходительства Михайла Матвеевича Хераскова», известного поэта, долгие годы занимавшего должность директора Московского университета, Костров воссоздает образ человека, заслужившего своими трудами бессмертную славу. Среди многочисленных добродетелей адресата – умение использовать каждую минуту краткой земной жизни для блага отечества и окружающих людей, способность управлять своими страстями. Вот как пишет поэт о последнем качестве:

Твой ум страстей валы и вихри в бурном споре
Владычеством своим покоит и мирит [3, с. 127].

В своей поэзии Е. И. Костров выступает против праздности, лицемерия, лжи, создает образ человека, которым можно гордиться. В оде, посвященной М. М. Хераскову, звучит гимн человеку:

Ты человек, и сим ты именем гордись;
Оно велико и почтенно,
Коль с добродетелью сопряженно,
Доволен буди им, собой его возвысь [3, с. 125].

В целом можно отметить, что Е. И. Костров завещает читателям сохранять в себе лучшие человеческие качества, среди которых на первом месте – любовь к Отечеству и служение людям. Творчество Кострова содержит огромный нравственный потенциал и утверждает ценности, сохраняющие свою актуальность во все времена.

Примечания

1. Бронников К. Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. М.: Прометей 1997. 80 с.
2. Лузянина Л. Н., Поздеев В. А. Личность и творчество Е. И. Кострова в литературном сознании (конец XVIII – первая половина XIX века) // Феномен Вятской земли в отечественной литературе. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 174–181.
3. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1802.

Д. Н. Черниговский

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВЯТСКОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. И. ГЕРЦЕНА В ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

Аннотация. Статья представляет собой очерк изучения вятского периода жизни и творчества А. И. Герцена в литературном и историческом краеведении.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Вятка, вятское историческое и литературное краеведение.

А. И. Герцен провел в вятской ссылке два года и семь месяцев (с 19 мая 1835 г. до 29 декабря 1837 г.). Это был важный период идейно-художественного формирования великого писателя, мыслителя и общест-

венного деятеля, отразившийся в его ранних произведениях и в его шедевре русской художественно-документальной прозы «Былое и думы». Между тем краеведческое изучение вятского периода в жизни Герцена началось сравнительно поздно, а именно с начала 1920-х гг. Связано это было с тем, что Герцен для российской власти в дореволюционный период являлся фигурой враждебной. И хотя Вятская городская дума уже в 1914 г. обсуждала возможность увековечить пребывание писателя в Вятке памятной доской, но установлена она была только после революции [1].

Первая краеведческая работа о жизни и деятельности Герцена в Вятке появилась в 1923 г. Мы имеем в виду статью «Герцен в вятской ссылке» [2] выдающегося историка П. Н. Луппова (1867–1949), в то время руководителя архивной службы Вятской губернии [3]. В статье были намечены основные направления вятского краеведческого герценоведения. В частности, Луппов, опираясь на архивные источники, был первым исследователем вопроса о служебных обязанностях Герцена как вятского губернского чиновника. Кроме того ученый коснулся и вопроса о круге общения Герцена в Вятке.

В 1940 г. кировский литературовед К. В. Дрягин (1891–1950) продолжил дело Луппова, выпустив сборник отрывков из произведений и писем Герцена, в которых отразилась вятская ссылка [4]. Книга, подготовленная Дрягиным, в частности интересна тем, что, в ней исследователь, уделив большое внимание окружению Герцена в Вятке, высказал любопытную гипотезу, согласно которой прототипами героев романа «Кто виноват?» (1846) Дмитрия и Любоньки Круциферских, были вятские друзья писателя учитель Андрей Ефимович Скворцов и его жена Полина, урожденная Тромпетер.

В 1962 г., когда праздновался 150-летний юбилей со дня рождения великого писателя, вышла брошюра кировского историка В. А. Соболева (1912–1971) «А. И. Герцен в вятской ссылке. Исторический очерк». Соболев достаточно подробно, опираясь на факты, описанные предшественниками, и на собственные изыскания в Государственном архиве Кировской области

(далее ГАКО. – Д. Ч.), пишет о службе Герцена в Вятке, о его работе в статистическом комитете, о его деятельности по организации Выставки естественных и искусственных произведений, о его участии в ревизии государственных имуществ и в открытии губернской библиотеки. Кроме того Соболев делает обзор литературного творчества Герцена в Вятке и характеризует ближайший круг его друзей в ссылке, это А. Л. Витберг, А. Е. Скворцов и Полина Тромпетер, Кузьма Беляев. Поднимает Соболев и вопрос о месте жительства Герцена в Вятке, указав на дом, расположенный на углу Копанской и Казанской улиц.[5]. Однако это было ошибочное мнение, разделявшееся в то время кировскими краеведами. К сожалению, эта ошибка нашла отражение и в «большом» герценоведении: автор новейшей биографии писателя в серии «Жизнь Замечательных Людей» И. А. Желвакова указывает на дом на Казанской улице как на место жительства Герцена в Вятке [6].

В 1970 г. видный кировский краевед Е. Д. Петряев (1913– 1987) посвятил вятскому эпизоду в биографии Герцена главу «Подснежные друзья» в книге «Люди, рукописи книги» (Киров, 1970). Автор сумел расширить и углубить сведения о круге друзей и знакомых писателя в годы вятской ссылки, создав их яркие и запоминающиеся портреты. Это и купцы В. К. Аршаулов, К. В. Беляев, Машковцевы, Репины, а также чиновники А. И. Казимирский, Н. М. Мейер, В. Я. Титов, Г. К. Эрн и др., а также ссыльные К. Беттигер, С. А. Додашвили, И. Х. Мамацашвили, К. В. Шапалинский. Поднимает Петряев и вопрос о вятских корреспондентах герценовского «Колокола» и об обстоятельствах переиздания речи Герцена на открытии вятской публичной библиотеки в 1862 г. в Вятке и Петербурге. Отметим, что глава «Подснежные друзья» публиковалась Петряевым позднее в книгах «Литературные находки» (Киров, 1981) и «Живая память» (Москва, 1984).

Много занималась историей пребывания Герцена на Вятской земле профессор Н. П. Изергина (1927– 2009). В своих монографиях, написанных в жанре литературного краеведения, она особое внимание уделила анализу

произведений Герцена, написанных в Вятке и отражению в творчестве писателя вятских впечатлений [7]. Кроме того, Изергина более подробно, чем ее предшественники, рассмотрела вопрос об общении Герцена с В. А. Жуковским во время его приезда в Вятку. В конце 90-х гг. Изергина занималась также «вопросом о домах, в которых А. И. Герцен жил в Вятке» [8].

Большой вклад в дело изучения жизни Герцена в Вятке внес историк архитектуры А. Г. Тинский (1920–2006). В 1970-е гг. ему удалось установить, что мнение о том, что Герцен и Витберг жили в доме на пересечении улиц Копанской и Казанской ошибочно [9]. Вторым открытием Тинского в те же годы явилось обнаружение чертежей дома Леушиной, в котором Герцен и Витберг проживали вместе до того момента (март 1836 г.), когда к последнему приехала семья, и обжитой дом на улице Московской пришлось сменить на более просторный дом Жмакиной, стоявший на Спасской улице. Таким образом, Тинскому удалось установить точное место и внешний вид дома Леушиной, который, к сожалению, не сохранился [10, 11]. И наконец, третье открытие Тинский совершил уже в 90-е гг.: ученому удалось найти дом, где Герцен жил в апреле 1837 г. Это дом купца Машковцева, где ныне располагается Кировская государственная областная научная библиотека им. А. И. Герцена [12], в которой в 2010 г. в открыт Мемориальный Кабинет писателя.

Из работ о жизни Герцена в Вятке, созданных в новом веке, расширяющих круг уже известных фактов и имен, отметим прежде всего статью известного кировского журналиста и краеведа Т. К. Николаевой «Театральные страницы в жизни А. И. Герцена» (2002) [13]. В данном исследовании рассматривается вопрос о месте театра в жизни писателя и, в частности, рассказывается о его участии в спектаклях на вятской любительской сцене. Заслугой Николаевой является открытие в ГАКО формулярного списка создателя любительского театра вятского почтмейстера А. И. Казимирского, об общении с которым Герцена писал еще Е. Д. Петряев. Заслуживает внимания

догадка Николаевой о том, что Казимирский жил в сохранившемся до наших дней доме «...на улице Дрелевского рядом со служебным корпусом областного художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых», где Герцен «бывал у него в гостях» [13].

Внимания заслуживают и публикации историка Т. А. Дворецкой. В статье «“Закоснелый сармат” и другие (Польское окружение А. И. Герцена в Вятке)» (2004) [14] уточняются и углубляются представления о связях писателя с сосланными в Вятку поляками. Эта тема чрезвычайно важна, поскольку Герцен обращался к ней как в раннем произведении «Три встречи», так и в «Былом и думах». В работе Дворецкой высказывается обоснованное предположение, что названный Герценом в мемуарах «закоснелым сарматом» поляк был Адам Римша, офицер, сосланный в Вятку, хороший знакомый писателя. Во второй статье «Вятские учителя-поляки современники А. И. Герцена» (2007) Дворецкая рассказывает о еще одном ссыльном поляке, И. А. Верниковском, который будучи учителем вятской гимназии, общался с писателем, и был упомянут им в «Былом и думах» [15].

Упомяну здесь также статью «Природа Вятского края в восприятии А. И. Герцена (по материалам переписки с Н. А. Захарьиной)» (2013), принадлежащую автору этих строк. В статье отмечается, что зарисовки вятской природы, содержащиеся в письмах к невесте, стали хорошей школой для Герцена как мастера лирического пейзажа в его художественной прозе [16].

Наконец, в 2012 году, к двухсотлетию со дня рождения писателя, вышла в свет монография известного кировского историка профессора М. С. Судовикова «Герцен: сюжеты вятской жизни», которую по праву можно назвать вершиной вятского краеведческого герценоведения. Книга содержит наиболее полный рассказ о жизни Герцена в Вятке, о его служебной и литературной деятельности, о круге его общения, о квартирах, в которых ему довелось жить в губернском городе. Важным достоинством книги Судовикова заключается то, что ее героем становится не только Герцен, но и Вятка 1830-х гг. живая и

многоликая. Исследователю удалось воссоздать атмосферу провинциального города, создать яркие запоминающиеся портреты тех его жителей, кто был связан с Герценом дружбой или служебными отношениями. Отметим, например, объективный портрет губернатора К. Я. Тюфяева, которого в литературе о Герцене рисовали исключительно черными красками. В книге опубликовано множество документов, связанных с пребыванием Герцена в Вятке, что придает ей неповторимый аромат истории и превращает ее в настоящий справочник по теме «Герцен и Вятка». [17].

Итак, на этом мы завершаем краткий и, конечно, неполный обзор краеведческих работ о вятском периоде в жизни Герцена. Но необходимо отметить, что деятельность по изучению этой важной и интересной темы продолжается. Центром краеведческого герценоведения стала Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена, под эгидой которой регулярно проводятся Герценовские чтения. Эта научная конференция, в этом году проводившаяся уже в одиннадцатый раз, давно приобрела всероссийский статус. Кроме того библиотека издает ежегодный научно-популярный альманах «Герценка: Вятские записки», в котором публикуются материалы, посвященные пребыванию великого писателя на вятской земле.

Примечания

1. Судовиков М. С. Герцен: Сюжеты вятской жизни. Киров, 2012. С. 235– 243.
2. Луппов П. Н. Герцен в вятской ссылке // Вятская жизнь. 1923. № 2. С. 44– 65.
3. Жаравин В. С. П. Н. Луппов – руководитель архивной службы Вятской губернии // <http://gaspiko.ru/html/lupпов>
4. Дрягин К. В. Вятская ссылка Герцена // А. И. Герцен в Вятке. Киров, 1940. С. 3– 55.
5. Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке. Исторический очерк. Киров, 1962. С. 15.
6. Желвакова И. Герцен. М., 2010. С. 80.
7. Изергина Н. П. Писатели и вятский край. Киров, 1976. С. 51– 73; Изергина Н. П. Писатели в Вятке. Киров, 1979. С. 40– 54.

8. Изергина Н. П. К вопросу о домах, в которых А. И. Герцен жил в Вятке // Седьмые Герценовские чтения: тез. докл. к чтениям. Киров, 1997. С. 4– 7.
9. Петряев Е. Д. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1966. С. 248.
10. Планировка и застройка города Вятки в XVII– XIX веках. Киров, 1976. С. 114.
11. Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 87– 95.
12. Тинский А. Г. Апрельская квартира А. И. Герцена // Вятка: Моск.-Вят. лит.-краевед. журн. 1997. № 3. С. 52– 56.
13. Николаева Т. К. Театральные страницы в жизни А. И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002. С. 115– 125. Текст статьи Т. К. Николаевой цитируется по его публикации в сети Интернет: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number3&ELEMENT=gerzenka3_4_5
14. Дворецкая Т. А. «Закоснелый сармат» и другие (Польское окружение А. И. Герцена в Вятке) // Герценка: Вятские записки. Вып. 7. Киров, 2004. С. 87– 91.
15. Дворецкая Т. А. Вятские учителя-поляки современники А. И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Вып. 12. Киров, 2007. С. 136– 142.
16. Черниговский Д. Н. Природа Вятского края в восприятии А. И. Герцена (по материалам переписки с Н. А. Захарьиной) // Феномен Вятской земли в отечественной литературе: колл. монография. – Киров, 2013. С. 65–75. См. также переработанный вариант этой статьи: Вятский край в восприятии А. И. Герцена // Литература в школе. 2015. № 9. С. 13–17.
17. Судовиков М. С. Герцен: сюжеты вятской жизни. Киров: О-краткое, 2012.

Е. В. Прокуратова

ВЛИЯНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЦЕНТРОВ XVIII–XX ВВ.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования старообрядческой литературной традиции, сложившейся на территории Коми края в XVIII–XX вв. На примере рукописно-книжного и литературного наследия крестьян-старообрядцев верхней Вычегды

(современный Усть-Куломский район Республики Коми) рассматриваются этноконфессиональные и культурные факторы, оказавшие определяющее воздействие на формирование, сохранение и развитие самобытной литературной традиции, испытавшей влияние древнерусской и старообрядческой письменной культуры.

На примере литературных текстов, созданных местными коми (вычегодскими) книжниками, оцениваются жанровые формы литературного наследия поздней рукописной традиции (апокрифы), а также методы и приемы работы местных авторов с созданными ими текстами. В статье оценивается степень оригинальности письменной традиции коми старообрядческих книжников, а также связи и взаимодействия с ведущими старообрядческими книгописными и литературными центрами XVIII–XX вв.

Ключевые слова: коми крестьяне, старообрядчество, апокрифы, книжная и литературная традиция, редактирование.

Севернорусская старообрядческая литература является неотъемлемой частью русской национальной культуры, без знания которой представления о литературной традиции XVII–XX вв. было бы неполным. Религиозная идеология последователей «старой веры» оказала определяющее воздействие на формирование письменных традиций местного населения Русского Севера, распространение грамотности среди его жителей. К подобным явлениям можно отнести старообрядческие письменные традиции, сложившиеся в Республике Коми в местах компактного проживания коми крестьянского населения.

Старообрядческая культура, распространенная среди жителей Коми края в конце XVIII–XX вв., способствовала сохранению традиций допетровской Руси – жизненных устоев, патриархальных семейных отношений, а также определенной консервации устоявшихся литературных канонов и жанровых разновидностей, закрепившихся еще в древнерусской и ранней старообрядческой письменности.

Рукописно-книжная традиция коми старообрядцев развивалась под определяющим воздействием старообрядческого наследия крупных севернорусских книжных и литературных центров, располагавшихся на территории

Русского Севера – Поморья, Каргополья, Мезени, Пинеги, Северной Двины, – воплощая и развивая их духовные традиции [7; 19]. На формирование духовного наследия местного населения, а также на их самосознание повлияла не только старообрядческая идеология в целом, но и собственная специфика жизнедеятельности и бытового уклада, и в первую очередь двуязычный характер культуры жителей Коми края, проявившейся в использовании коми языка в бытовой разговорной практике и церковно-славянского и русского языков в религиозной жизни и литературной деятельности.

Культурный центр, возникший в бассейне р. Вычегда (современная территория Усть-Куломского района Республики Коми), представляет собой самобытную традицию, сформировавшуюся благодаря взаимодействию различных этноконфессиональных и этнокультурных процессов [3; 15; 22; 23]. С середины XVIII в. в бассейне р. Вычегда утвердилась «старая вера» благодаря переселению старообрядцев из Соликамского, Чердынского (Пермской губернии) и Тобольского (Тобольской губернии) уездов, которые обосновывались на р. Тимшер, склоняя к своей вере местных жителей. В середине XVIII в. в верхневыхегодских селениях Вочь, Помоздино, Керчомья укореняется «глухая нетовщина» спасовского согласия. В конце XIX в. на верхней Вычегде (села Мыелдино, Усть-Нем) появляется своеобразное религиозное движение, получившее название «бурсьыласьяс» – певцы добра, в религиозно-обрядовой жизни имевших ряд близких черт с русскими мистическими сектами (пророчества, видения и пр.). С основателем этого религиозного движения Степаном Артемьевичем Ермолиным связано возникновение своеобразной рукописной традиции на верхней Вычегде, известной, прежде всего, переводами на коми язык литургических текстов, Псалтыри, духовных стихов [8, с. 218–221].

Книжное наследие жителей Усть-Куломского района представляет собой позднюю письменную традицию конца XVIII–XX вв., которая распространилась среди крестьянского населения и достигла своего расцвета в са-

мом конце XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство рукописных книг, бытовавших среди вычегодского населения в XIX–XX вв., представляет собой тексты богослужебной направленности, необходимые для совершения культовой практики местными наставниками, выполняющими функции духовных отцов. При этом в книжной традиции вычегодских крестьян получают распространение старопечатные и рукописные книги. Старопечатные издания представлены следующими книгами: Октоих (Вычегод. п-15), Миная служебная на март-август (Вычегод. п.-13), Канонники (Вычегод. п-3, 10), певческие книги (Вычегод. п-6, 7, 15), Святцы (Вычегод. п.-4), Молитвослов (Вычегод. п-9), Псалтырь (Вычегод. п-5), Акафист Иоанну Предтече (Вычегод. п.-11). Среди сборников четьего характера «Слово о священстве Иоанна Златоуста» (Вычегод. п.-2), Киево-Печерский патерик (Вычегод. п.-12), Новая скрижаль (Вычегод. п.-1).

Наряду со старопечатными изданиями широкое распространение среди вычегодских староверов получили рукописные книги богослужебного характера XVIII–XX вв., созданные местными книжниками. Большинство подобных сборников написано в подражание печатному тексту, многие рукописи выполнены небрежным полууставом и почерком, подражающим письму кириллических книг. Среди книг XX в. можно встретить сборники, написанные гражданской скорописью, в ряде случаев выполненные шариковой ручкой. Некоторые рукописи выполнены полууставом, подражающим поморскому письму. По большей части богослужебные рукописи обеспечивали повседневную религиозную жизнь местных жителей: в них переписаны утренние и вечерние молитвы, избранные акафисты, каноны – «Акафист Пресвятая Троице» (Вычегод. р.-12), «Канон Пресвятая Богородице» (Вычегод. р.-12), «Канон ангелу христово хранителю» (Вычегод. р.-12), «Канон Чудотворце Николае» (Вычегод. р.-12), Молитва преподобному Зосиме (Вычегод. р.-12), «Акафист Рождеству Христову» (Вычегод. р.-13), «Акафист Святому Иоанну Предтече и Крестителю Господень» (Вычегод. р.-19); «Акафист Пре-

святой Владычице нашей Богородице» (Вычегод. р.-19). Сборники конца XIX – начала XX в. оформлены в виде рукописных кодексов, в то время как современные рукописные книги представляют собой ученические тетради объемом от 12 до 100 листов.

Среди вычегодских рукописей XX в. встречаются рукописные тексты, написанные в школьных тетрадях на двух языках – русском и коми – молитвы, песнопения, жития, слова, поучения, апокрифические сочинения, духовные стихи. Нередко под одним переплетом объединяются тексты строго богослужебной направленности и сочинения с художественным началом – жития, апокрифы, духовные стихи.

В рукописях нередко можно наблюдать параллельное написание текстов на двух языках. Например, в одном из сборников богослужебной направленности представлена молитва ангелу хранителю на русском языке – «Пресветлый ангел мой Господень...» (Вычегод.р.-6, л. 1–2) параллельно с аналогичной молитвой на коми языке – «Югдыс югьд ангел менам Господлен...» (Вычегод.р.-6, л. 2 об. – 3 об.).

В других случаях использование русского языка присутствует лишь в названиях сочинений, входящих в состав рукописи. Так, в рукописном сборнике из частного собрания, написанном в середине XX в. на листах из школьной тетради, представлен апокриф «Хождение Богородицы по мукам» на коми языке, известный в русской традиции. В рукописном сборнике заголовков текста с указанием на источник написан по-русски – «Хождение Богородицы по мукам из Вологодского источника», само же сочинение выполнено на коми языке (начало: «Пресвятая Богородица кайис Елеонской гордö...») (Вычегод.р.-33 (э)).

Среди вычегодских сборников встречаются рукописи XIX–XX вв., полностью написанные на коми языке (Вычегод.р.-2, 3, 4). Например, в одной из книг второй половины XX в. содержатся следующие тексты на коми языке: апокрифические произведения – «Богородицалён кулом» («Успение

Богородицы») (Вычегод.р.-3, л. 2 об. – 8 об.), «Богородицален бордём» («Плач Богородицы») (Вычегод.р.-3, л. 10 об. – 14), «Христос ученикъяс дінас вичкобсь петэ...» («Христос к ученикам из церкви выходит») (Вычегод.р.-3, л. 21 об. – 22 об.); тесты богослужебной направленности – «Молен-те Енлы» («Молитва Господу») (Вычегод.р.-3, л. 8 об. – 10), «Слава, Вылсья» («Слава, Всевышний») (Вычегод.р.-3, л. 14 об. – 18 об.), «Бёрд да шогси грешнй лолй» («Плачь и страдай, моя грешная душа») (Вычегод.р.-3, л. 19 – 21 об.). В другом сборнике вычегодских книжников второй половины XX в. также представлены апокрифы и молитвы на коми языке: «Богородицалён кулём» («Успение Богородицы») (Вычегод.р.-4, л. 1–3 об.); «Надейчи лолй менам...» («Надейся, душа моя...») (Вычегод.р.-4, л. 3); «Молитва грешницалён крест кок улын» («Молитва грешницы кресту») (Вычегод.р.-4, л. 3 об. – 4).

Отдельного внимания заслуживает книгописная деятельность талантливого крестьянского писателя Ивана Степановича Рассыхаева (1878-1968), проживавшего в с. Усть-Кулом Республики Коми. Коми крестьянин Рассыхаев объединил в себе и книголюба-собиранителя, и переписчика, и редактора, и мемуариста.

И.С. Рассыхаев включает в свои рукописные сборники молитвы на коми и русском языках (НМ РК Тек.р.-81), обращается к мемуаристике на русском и коми языках («Летопись», содержащая наблюдения над явлениями природы, начиная с 1849 года и кончая 1941 г.) (НМ РК Тек.р.-78), делает переводы фольклорных произведений (сказка про Ивана Царевича в пересказе на коми языке (НМ РК Тек.р.-77), произведений русской и зарубежной литературы – сокращенный пересказ на коми языке повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», Марка Твена «Принц и нищий» (НМ РК Тек.р.-77).

Особое место в рукописном наследии И. С. Рассыхаева занимает автобиографическое сочинение «Дневныя записки», представляющее собой не

просто дневник, последовательно фиксирующий события из жизни автора, а литературно оформленное мемуарное сочинение. «Дневные записки» написаны по большей части на русском языке с небольшими вкраплениями текста на коми языке, последняя часть дневника выполнена на коми языке. И. С. Рассыхаев восстанавливает свою родословную, фиксирует значимые события в жизни своей семьи, включая бытовые подробности [10; 5, с. 22–23].

И. С. Рассыхаев проявлял интерес и к естественным, и к гуманитарным наукам, стремился познакомить своих земляков с русской и мировой литературой. Большое место в его библиотеке занимают литургические тексты, а также жизнеописание и труды отца Иоанна Кронштадтского. В свои сборники И. С. Рассыхаев помещал и собственные компиляции из географических и исторических сочинений своего времени, народные приметы, сведения по астрологии. Он составил зырянско-русский словарь, сделал описание усть-куломского Петропавловского собора, сопровождаемое рисунками [6, с. 29–33].

Общая ориентация вычегодских книжников на культуру и литературу предшествующих столетий проявилась в интересе местных авторов к памятникам древнерусской книжности и литературы. Среди текстов художественной направленности наибольшее распространение в вычегодской рукописной традиции получили апокрифические сочинения [1; 2; 13; 14] на коми языке. В единичных списках представлены «Видение Григория блаженного ученика преподобного Василия Нового о Страшном Суде, пришествии Христовом», «Мытарство блаженной Феодоры», «Плач Адама» [24].

Особое место среди коми апокрифических сочинений занимают апокрифы, рассказывающие о деяниях Богородицы. В рукописных сборниках XIX–XX вв. можно встретить списки следующих апокрифов: «Успение Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Плач Богородицы». По большей части они восходят к известным апокрифическим текстам, распространенным в русской традиции.

В рукописной традиции вычегодских книжников XX в. апокрифы переписывались наряду с богослужебными текстами, по сути, они становились

частью богослужебного обряда. Об этом свидетельствует и тот факт, что рукописи с подобными текстами становятся неременным атрибутом поминальных обрядов, их берут с собой для совершения песнопений и чтения назидательных текстов. Кроме того, нередко апокрифические сочинения переписывались наряду с духовными стихами, находящимися, как известно, на стыке устной и письменной традиции.

Среди апокрифических текстов, подвергнутых редакторской переработке, можно выделить апокриф «Успение Богородицы» на коми языке [9; 16; 17]. Коми апокриф об успении Богородицы в настоящее время известен в трех списках XX в. из Вычегодского собрания НБ СГУ (Вычегод.р.-3, 4, 5), два из которых сохранились полностью, третий – фрагментарно.²

Сопоставительный анализ списков коми апокрифа показал, что в данных текстах встречаются лишь небольшие фонетические, грамматические и лексические разночтения, не затрагивающие содержательный уровень. По всей видимости, источником коми апокрифа стал русский апокрифический текст об успении Богородицы, известный коми книжникам по сборникам постоянного состава и входящий в старопечатные Минеи-Четии, бытовавшие в книжной традиции вычегодских крестьян [12, с. 25–26]. Старообрядческий книжник взял за основу коми апокрифа русский минейный текст, читающийся под 15 августа: «Месяца августа в 15 день. Успение пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии»: Сказание о безсмертном успении пресвятыя Богородицы, собрано от святых отец и достоверных списателей» (Тек. п. 3, л. 473 об. – 478 об.)³, который можно отнести ко второй распространенной в древнерусской книжности редакции (по А. И. Кирпичникову) [11, с. 191-249; 18, с. 20].

По сравнению с русским текстом, коми апокриф об успении Богородицы отличается, прежде всего, меньшим объемом. Но сокращения в объеме не

² НБ СГУ. Вычегод.р.-3. Сборник. XX в. (серед. – втор. пол.). 4°. 22 л.; Вычегод.р.-4. Сборник. XX в. (серед.). 4°. 4 л.; Вычегод.р.-5. Сборник. XX в. (серед.). 4°. 2 л.

³ НБ СГУ. Тек. п.3. Минеи Четьи. Вильно. XVIII в. 2°. 961 л.

привели к обеднению текста: апокрифический текст становится емким, эмоциональным, наполняется новыми художественными деталями.

Представим развитие сюжета в коми апокрифе. Экспозицией повествования служит рассказ о том, как Богородица ходила молиться на Елеонскую гору и просила Господа о переселении ее в иной мир. В коми апокрифе присутствует прямая речь, передающая слова Богородицы к Христу: «Пиией менам, дай дона пиёй, ысти меным асыд дона велёдчысьястё, менёй мёдны. Ме косья муны тайё мирысь мёд мирё» (Сын мой, дорогой сын, отправь ко мне своих дорогих учеников проводить меня. Я хочу уйти из этого мира в другой мир⁴). Природа отвечает молениям Богородицы, как бы сочувствует ей: «Став пуясыс вывсянис копрасисны. Богородицалысь молитвасё кылісны да» (И все деревья клонились, когда слышали молитву Богородицы).

Внезапное появление архангела Гавриила служит завязкой дальнейшего действия. Он приносит райский цветок и просит передать его Иоанну Богослову, чтобы тот положил его в изголовье Богородицы после ее смерти. Также архангел передает бумагу, извещающую апостолов о предстоящем преставлении Богородицы. После этого все апостолы собираются на облаке, на котором они прилетают к Богородице для прощания с ней. После преставления Богородицы появляется сам Христос и уносит душу своей матери на небеса.

О смерти Богородицы узнает «неверный царь», образ которого отсутствует в русском апокрифе и вводится в текст коми книжником. Он отправляет воинов расправиться с телом Марии: «Мунёй пё дай пөгубнитёдёй. Кылё чурка вайём нылос и нувёны, Богородицаос пыдди встречайтёны» («Идите и погубите ее. Слышно, что несут блудницу (девку, которая родила незаконнорожденное дитя), а встречают вместо Богородицы»)⁵. В этот момент райский цветок выпадает из гроба и появляется каменная стена, после чего воины бросились на возникшую преграду, и все ослепли. Обратившись

⁴ Перевод коми апокрифа «Успение Богородицы» на русский язык выполнен Г. Д. Осиповой.

⁵ Здесь и далее цитаты приведены по списку Вычегод. р.-3.

к Христу, воины прозревают, остальные же – гибнут. «Неверный» царь сам набрасывается на гроб Богородицы, но невидимый ангел отсекает ему руки. Царь просит апостолов о помощи. После молитвенного обращения к Христу и исцеления «неверного царя», он присоединяется к апостолам и вместе с ними несет гроб. Этот эпизод прощания с Богородицей является кульминацией повествования.

На прощание с Богородицей последним приходит апостол Фома и обращается к апостолам с просьбой помочь увидеть преставившуюся Богородицу: «Ме пö уже несчастной, ме пö уже недостоен. Иус Христослысь кулöмсö ни лолземсö эг аддзыл. Богородицалысь чистой телöсö эг аддзыл» («Я,- говорит – уже несчастный, уже недостойный. Не видел ни смерти Иисуса Христа, ни воскресения. Не видел чистого тела Богородицы»). Апостол Петр заводит Фому в пещеру, где находится тело Богородицы, но они не обнаруживают тела – осталась только белая пелена. Данный эпизод можно считать второй кульминацией коми апокрифа.

Примечательно, что коми книжник соединяет известные евангельские события об апостоле Фоме, сомневающегося в воскресении Христа, с рассказом о его неверии в смерть Богородицы и прибытием за ее душой Иисуса Христа.

Богородица предстает перед Фомой, явившись на облаке: «Фомаой, Фомаой, ме вöд тани. Менсьым радостьöс шог печальö энö беркөдой. Ме пö тiянöс син вывсьым ог и воштылы. Аслам пийлы ёнджыка понда келмысьны» («Фома, Фома, я ведь здесь. Не переверните мою радость в печаль. Вы постоянно (всегда) перед моими глазами (я не спускаю с вас глаз). Я буду еще сильнее молиться своему сыну»). Этот эпизод служит развязкой сюжета. В конце повествования (в эпилоге) сообщается, что апостолы еще трое суток пели песнопения, после чего разошлись по своим странам.

По сравнению с русским минейным апокрифическим текстом сюжет коми апокрифа практически не изменен, событийная канва осталась прежней. Редакторская работа коми книжника выразилась в сокращении отдельных эпизо-

дов (мотивов), прежде всего пространных монологов и диалогов (диалог Богородицы с Иоанном Богословом). В то же время можно наблюдать введение новых диалогов, придающих тексту особую эмоциональность, появление новых персонажей (неверный царь), не заявленных в тексте-источнике, а также художественную разработку концовки (эпизод об апостоле Фоме).

Коми книжники были знакомы с сюжетом древнерусского апокрифического сочинения об успении Богоматери, интерес к которому был обусловлен, прежде всего, особым почитанием образа Богородицы в среде вычегодских крестьян – носителей православной старообрядческой традиции, а также занимательностью сюжета апокрифического сочинения об успении Марии. Вычегодский книжник пытался передать известные ему факты упрощенным языком, понятным его читателям – крестьянам первой половины – середины XX в.

Таким образом, вычегодские книжники, создавая рукописные книги в XIX–XX вв., не только переписывали богослужебные тексты и сочинения художественной направленности на русском языке, но и создавали на родном (коми) языке оригинальные сочинения (культовой, историко-литературной, мемуарной направленности), творчески перерабатывали известные в русской традиции сюжеты. Письменное наследие крестьян верхней Вычегды можно рассматривать в качестве самобытной рукописной традиции, принадлежащей не только к обрядовой сфере, но и располагающей интересными образцами литературных текстов, созданными местными авторами в конце XIX – начале XX вв. При этом на литературную традицию вычегодских книжников существенное влияние оказала старообрядческая культура, распространенная среди носителей коми языкового сознания, а также религиозная идеология носителей «старой веры», способствующая общей ориентации ее последователей на письменное наследие предшествующих эпох, литературные жанры и формы древнерусской и ранней старообрядческой письменной культуры.

Примечания

1. Адрианова-Перец, В. П. Апокрифы [Текст] / В. П. Адрианова-Перец // История русской литературы. Т. 1. Литература конца XI – нач. XIII вв. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941. – С. 71–86.
2. Апокрифы Древней Руси [Текст] / Сост., предисл. М. В. Рождественской. СПб.: Амфора, 2002. – 240 с.
3. Власов, А. Н. Проблемы бытования традиционной книжности среди населения коми (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета 1986–1987 гг.) [Текст] / А. Н. Власов // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1990. Ч. 2. – С. 19–20.
4. Власова, В. В. История этнографического изучения старообрядческой традиции коми. [Электронный ресурс] / В. В. Власова. – Режим доступа. – <http://www.anti-raskol.ru/pages/695>.
5. Волкова, Т. Ф. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева [Текст] / Т. Ф. Волкова // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1990. Ч. 2. – С. 22–23.
6. Волкова, Т. Ф. Сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» в пересказе усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева [Текст] / Т. Ф. Волкова // Российское государство XVII – начале XX вв.: Экономика, политика, культура: Тез. докл. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 1993. – С. 29–33.
7. Волкова, Т. Ф. Работа Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета по изучению духовной культуры Севера [Текст] / Т. Ф. Волкова, А. Н. Власов // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1997. – С. 3–19.
8. Гагарин, Ю. В. История религии и атеизма народа коми [Текст] / Ю. В. Гагарин. М.: Наука, 1978. – 326 с.
9. Гончарова, Л. В. Апокриф «Успение Богородицы» в переработке крестьян Верхней Вычегды [Текст] / Л. В. Гончарова // Человек и окружающая среда: XXI Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов: Тезисы докл. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2010. – С. 176–177.
10. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева. 1902–1953 годы [Текст] / Вступ. ст. и подг. текста Т. Ф. Волковой и В. В. Филипповой. М.: КМЦ ИЭА РАН, 1997. – 155 с.

11. Кирпичников, А. И. Успение Богородицы в легенде и в искусстве [Текст] / А. И. Кирпичников // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884 г. Одесса, 1888. Т. 2. – С. 191–249.
12. Книжные собрания отдела редкой книги Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета: Путеводитель [Текст] / авторы-составители Е. В. Прокурова, Н. А. Карманова, Г. Д. Осипова; отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2006. – 40 с.
13. Мещерская, Е. Н. Апокрифические деяния апостолов (Новозаветные апокрифы в сирийской литературе) [Текст] / Е. Н. Мещерская. М.: Присцельс, 1997. – 455 с.
14. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы [Текст] / В. В. Мильков. СПб.: РХГИ, 1999. – 896 с.
15. Морозов, Б. Н. К истории книжной культуры Коми края [Текст] / Б. Н. Морозов // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: Сб. ст. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2002. – С. 95–110.
16. Прокурова, Е. В. Рукописи на коми языке в государственных и частных собраниях [Текст] / Е. В. Прокурова // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 8. Материалы междунаро. научно-практич. конф.: «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире» / Отв. ред. С. В. Бандура, А. А. Павлов. Сыктывкар: изд-во КГПИ, 2011. – С. 154–157.
17. Прокурова, Е. В. Рукописная традиция крестьян Верхней Вычегды / Е. В. Прокурова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография [Текст] / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: изд-во УМЦ УПИ, 2014. – С. 139–156.
18. Прокурова, Е. В. Богородичные апокрифы в рукописной традиции крестьян Верхней Вычегды [Текст] / Е. В. Прокурова // Традиционная культура: Научный альманах. 2013. № 3. – С. 20–30.
19. Прокурова, Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов [Текст] / Е. В. Прокурова. СПб: Пушкинский Дом, 2010. – 528 с.
20. Сахаров, В. Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространенные в Древней Руси [Текст] / В. Сахаров // Христианское чтение. 1888. Март – апрель. – С. 305–331.

21. Творогов, О. В. Апокрифические сказания об успении Богородицы [Текст] / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV вв.). Л.: Наука, 1987. – С. 43–44.

22. Филиппова, В. В. Фольклорные традиции с. Керчомья Усть-Куломского района (к изучению микролокальной фольклорной традиции) [Текст] / В. В. Филиппова // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования / Отв. редактор Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2002. – С. 22–27.

23. Чувьюров, А. А. Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук [Текст] / А. А. Чувьюров. СПб., 2003. – 24 с.

24. Чувьюров, А. А. Сон Богородицы в рукописной традиции вычегодских коми: место, семантика, функция [Электронный ресурс] / А. А. Чувьюров. – Режим доступа. – <http://uralistica.ning.com/profiles/blogs/a-chuvyurov-son-bogorodicy-v>.

Список сокращений

Вычегод. – Вычегодское собрание Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

НМ РК – Национальный музей Республики Коми (г. Сыктывкар)

НБ СГУ – Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина университета (г. Сыктывкар)

СГУ – Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар)

Л. А. Богданова, О. Ю. Овченкова

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА:

ПЕРВЫЕ ПОЭМЫ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Удмуртскую литературу принято относить к младописьменным литературам. Первые художественные произведения на удмуртском языке появились в конце XIX века. Основателем удмуртской литературы по праву считают Григория Егоровича Верещагина, хотя профессиональным писате-

лем он не был: более двадцати лет проработал учителем в удмуртских селах, принял сан священника. Но основным его занятием, по мнению многих исследователей, было изучение удмуртского и русского фольклора.

Член Русского географического общества с 1888 года, Г. Е. Верещагин был еще и известным общественным деятелем. В частности, писатель, наряду с В. Г. Короленко, А. Ф. Кони и др., участвовал на стороне защиты в печально известном Мултанском деле, процессе, проходившем в 90-е гг. XIX века над группой крестьян-удмуртов, обвиняемых в ритуальном убийстве.

В истории литературы Удмуртии Г. Е. Верещагин был одним из первых, кто начал создавать оригинальные произведения на удмуртском и русском языках, первым начал переводить произведения классиков русской литературы на удмуртский язык.

Обратившись к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, Г. Е. Верещагин не просто перевел ее, но внес некоторые изменения и уточнения в текст сказки, что в свою очередь привело к изменению жанровой природы произведения. Сказка прежде всего предполагает «установку на вымысел» [12, с. 383], потому, пожалуй, проблемы, поднятые в произведении, какими бы значимыми они ни были (это ни в коем случае не отрицается), несколько заглушаются игрой фантазии. «Золотая рыбка» Верещагина – это сказочная поэма [3, с. 25–44]. Основой произведения становится «остродраматический конфликт» [10, с. 5]. Писатель акцентирует внимание не только на развитии событий, строящихся на все более и более увеличивающемся недостатке героини, но обращается к таким понятиям, как нравственность, совесть, доброта и жестокость, особенно в отношениях с близкими людьми и т. д.

На протяжении всего произведения перед нами предстает и реальная удмуртская действительность (иногда в тексте это приводит к нарушению логики: например, закидывая невод в море, Баймет ожидает выловить, как и раньше, речную рыбу – леща, голавля и т. д.), и реальные люди. В подробностях

воспроизводится быт бедной удмуртской семьи: изба-землянка с лубяной крышей и глиняной печной трубой, старая лодка рыбака, разбитое корыто («Воду нельзя налить, Если наливаешь, бежит»), занятия Пельги («...пряла куделю, Штопала понемножку, Суп и кашу варила. Хлеб и все другое пекла...») и т. д.

Любопытно наблюдать за развитием характеров и взаимоотношениями героев. Баймет и Пельга «жили дружно, Зная свое дело». Все дни их были наполнены трудом и заботой друг о друге. Небезынтересно заметить, что у Верещагина, в отличие от других авторов сказок на этот же сюжет, уточняются некоторые черты характера рыбака, что делает более понятным дальнейшее развитие событий. Баймет, по-видимому, на протяжении жизни в большей степени зависел от Пельги, нежели жена от него. По утрам Пельга будила мужа и отправляла его рыбачить в море. В сложной, непонятной ситуации Баймет не может принять самостоятельного решения, ему необходим совет жены. Нам поначалу даже понятен первый гнев Пельги, уставшей от изнурительной, тяжелой жизни. Она упрекает мужа в нерасторопности и глупости: «Бесполезный ты, Баймет! Как жить с тобой?». Как-то кстати приходится незначительные замечания автора о желании героя отдохнуть, посидеть, полежать. Вот и корыто, на что мелочь, а и то неухоженное. Отправляя мужа к рыбке, Пельга, как ребенку, дает ему подробные советы, расписывая все детали его последующего поведения: надо позвать рыбу; когда она задаст вопрос, правильно ответить, при этом хорошенько поклониться. Неназойливо, но в нескольких эпизодах автор подчеркивает еще одну психологическую деталь: когда Пельга разбудила Баймета и отправила рыбачить, он «немного почесался и вышел»; после того, как жена назвала первое свое желание, «старик немного почесался да вышел»; вновь Пельга объявляет о следующем своем капризе, и Баймет «почесав затылок, снова пошел к морю» и т. д. Некоторая простоватость, и, как уже было сказано, нерасторопность не позволяли герою самому улучшить свою жизнь, эти же качества не позволили ему совладать с женой, когда она совсем обезумела. Если к этому доба-

вить размышления ученых об удмуртской национальной специфике, проявляющейся в семейных отношениях, то можно прийти к выводу о реалистичности семейных сцен в поэме «Золотая рыбка». Верховодство женщины над мужчиной в отдельных жизненных ситуациях в XIX веке еще проявлялось в этнопсихологии удмуртов. «... Это верховодство в гиперболизированном виде могло в определенных условиях выразиться и в том сумасбродстве, какое мы видим в произведениях Верещагина... С другой стороны, сумасбродство Пельги в отношении своего мужа для удмуртской этнопсихологии – явление исключительное. Мужчины-удмурты потому и глубоко доверяли своим женам, что видели в них мудрую терпеливость и рассудительность. Любили их за это и хорошо к ним относились. Такую особенность семейных отношений среди удмуртов Верещагин многократно подчеркивает в этнографических трудах...» [2, с. 216–217].

Здесь, может быть, стоит только добавить небесспорную, но имеющую основание появиться мысль о том, что во многих произведениях Верещагина проявляется его общественная суть: он просветитель и, пожалуй, в большей степени священник, и его прежде всего заботит то, как уберечь людей от греха, как объяснить верующим, что жадность – грех и неблагодарность – грех, гордыня, жестокость, в том числе и по отношению к ближнему – все это порочно и, значит, бесчеловечно. Так волшебная сказка в переводе и обработке Верещагина превращается в нравственно-этическую поэму о добре и зле, о пороке и наказании за него. В то же время при чтении поэмы возникает еще одно размышление: никто не застрахован от проступка или ошибки. Баймет и Пельга жили дружно и в труде многие годы, но возник момент искушения, и Пельга не совладала с «лукавым», за что и была наказана судьбой (или Богом) возвращением «к разбитому корыту». Правда, наказание жестоким не назовешь, героиня просто вернулась к исходной ситуации.

Важно обратить внимание, что еще одним, не менее важным, персонажем сказки является рыбка, случайно появившаяся в жизни стариков, как

будто проверившая их отношения на прочность и исчезнувшая, словно ее и не бывало. В верещагинском тексте у Баймета и золотой рыбки сложились почти приятельские отношения, которые все-таки нельзя определить однозначно: сначала был испуг старика перед странным явлением, затем взаимное доверие и, наконец, исчезновение рыбки. Кстати, интересно снова отметить некоторые уточнения, детали, характерные для поэмы Верещагина и взятые, видимо, писателем из народных верований.

В удмуртской мифологии водная стихия представляет границу реального и ирреального мира. Хотя верещагинское произведение основывается на сказках братьев Гримм и А. С. Пушкина, соответственно, рыбка в море не является находкой удмуртского автора, тем не менее и здесь проявляются некоторые художественные особенности его поэмы. У Верещагина рыбка – представительница того мира, дочь водяного, может быть, как думает Баймет, она заблудилась играючи и дом свой не нашла, потому рыбак и боится ее (у Пушкина есть испуг рыбака, но нет акцента на этом). Если пушкинская старуха, отправляя мужа к рыбке, как будто проговаривает ритуальную фразу «Воротись, поклонись рыбке...», не вкладывая истинного значения в нее; то у Верещагина опять акцентирование внимания: Пельга подробно объясняет Баймету, какие знаки уважения он должен выказать представительнице того мира. Тем страшнее ее последний каприз: быть владычицей водного царства. Любопытно соединение христианского видения мира и языческих удмуртских представлений. В христианстве образ моря нейтрален – в сказках братьев Гримм и Пушкина этот образ не несет дополнительной информации, кроме той, что связана с обозначением общего состояния всей природы в ответ на все возрастающую жадность старухи. У Верещагина происходит совпадение нейтрального и символического образа. Кто же в таком случае наказал старуху: судьба, Бог, дочь Вумурта?..

Все это убеждает нас в том, что Г. Е. Верещагин не стремился копировать пушкинское сочинение. «Сюжет о жадной старухе и чудотворной рыб-

ке, исходящий из творческого наследия немецкого народа, получил свою оригинальную литературно-художественную интерпретацию как у великого русского поэта, так и у первого удмуртского писателя» [2, с. 225–226]. Добавим только к словам известного исследователя, что творческая переработка Верещагиным знаменитого сюжета привела художника к любопытнейшим результатам: изменился жанр произведения и в нем четко проявились черты просветительского реализма, свойственные, кстати, и для других поэм художника.

Еще одна сказочная поэма Верещагина «Богатырская одежда» [4, с. 45–69], по мнению ведущих исследователей удмуртской литературы, написана по мотивам русских сказок. Об этом, в частности, пишет П. Домокош [9, с. 181]. Он считает, что верещагинская поэма основывается на русской народной сказке «Солдат и волшебная рубашка» (существует удмуртский вариант ее под названием «Солдат»). Если обратиться только к исследованиям самого Верещагина, можно назвать целый ряд фольклорных произведений, записанных им в разные годы со слов различных людей, воспроизводящих в той или иной степени детали сюжета будущей «Богатырской одежды». Это и сказка «Бесстрашный дворянин» [5, с. 159], в которой говорится о судьбе солдата, прослужившего 25 лет на царской службе, но так и не увидевшего царя, о состоявшейся встрече царя и солдата, о признании государем солдатского ума, о дальнейших приключениях героя, о женитьбе его на королевской дочери и т. д. В четвертом томе сочинений Верещагина ученым приводятся записи рассказов «Кузьпинёмурт» [7, с. 100], «Кулэм-Убир» [7, с. 115], «Солдат» [7, с. 121] и др., в каждом из которых можно обнаружить важные сюжетные и композиционные приемы, положенные впоследствии в основу стихотворной сказки самого Верещагина. Будучи замечательным знатоком удмуртского народного творчества, Верещагин не мог обойти вниманием народные легенды, сказания, былички и просто рассказы. Как видим, источников, в том числе представляющих произведения удмуртского фольк-

лора, для создания поэмы у писателя было достаточно много. Более того, автор создает текст по законам поэтики удмуртских сказок.

Домокош об этом пишет: «Верещагин так же свободно обращается с темой и материалом, как сам народ, поэтому изображенная в произведении действительность такая же удмуртская, как и действующие лица. Поэма, подобно удмуртским народным сказкам, малокрасочна, тон ее не торжественный, все произведение имеет реалистическое звучание» [9, с. 181]. Действительно, с самого начала поэмы сказочные элементы либо сводятся автором к минимуму, либо переводятся им в пространство родного фольклора. Так, в верещагинском произведении исчезают странствования героя по глухому лесу и появляется обычная солдатская служба, нет у Верещагина превращений богатырей в птиц, нет Змея Горыныча и Елены Прекрасной. Зато появляется достаточно реалистично (по крайней мере, с позиции человека из народа) созданные образы царя и его дочери, злодея-короля, нападавшего со своим войском на царство, которое будет защищать Солдат не только благодаря богатырской одежде, но и помощи обычных солдат (их он просит у царя перед каждой битвой) и т. д.

Интересно, что Верещагин оставляет в сюжете и где-то даже усиливает роль тех повествовательных деталей, которые характерны и для родных писателю фольклорных произведений, отражены в мифологии, психологии и философии удмуртов. В частности, эти детали связаны с созданием образов богатырей. В монографиях П. Домокоша [9, с. 109] и Т. Г. Владыкиной [8, с. 180–186] находим анализ удмуртских легенд и преданий. Ученые сходятся во мнении, что в народных произведениях проявляется негативное восприятие трех явлений реальной жизни: конь, женщина и челн. Именно они могут являться причиной смерти героя. Так, Верещагин добавляет в произведение эпизод встречи Солдата с девушкой-змеей. Мотив, взятый из фольклора (женщина неправильно понимает просьбу мужа, не отправляет ему нужное оружие, тем самым способствуя его гибели), преобразуется в верещагинском

произведении в просьбу девушки отдать ей саблю острием вперед, что чуть не привело героя к гибели: забыв о совете богатыря, он поддается женским чарам и оказывается опутанным змеей, спасение от которой может быть только волшебным – стопудовая дубинка брата первого богатыря. Кстати, здесь же наблюдается еще одна постоянная деталь облика и жизни богатырей из удмуртских легенд. Как замечает Т. Г. Владыкина, «могучая сила героев богатырского цикла во много раз увеличена за счет сверхъестественных возможностей, предопределенных их жреческо-колдовской сущностью или приобретенных с помощью магических предметов или волшебных помощников... Магическая сила богатырей обнаруживается: в способностях к волхвованию и предсказыванию; во владении магическими предметами (...чудесные кони, заговоренные меч-сабля-нож-кинжал); в связи с потусторонним миром...» [8, с. 182]. У Верещагина это – советы-предсказания богатырей солдату, владение богатырской одеждой, способность победить нечистую силу (девушка-змея, скорее всего, является таковой, так как способна мгновенно появляться и исчезать) при помощи мертвой и живой воды и магического оружия. Общение солдата с богатырями способствует приобретению им богатырских качеств: богатырская одежда делает его неуязвимым для врагов, он и в огне не сгорит и в воде не утонет; вместе с жизнью богатыри дарят герою способность перевоплощаться и существовать в различных ипостасях.

Финал верещагинской поэмы (как и все произведение) является одновременно сказочным и реалистичным. Он подобен любому другому сказочному окончанию, повествующему о победе героя над врагами и перспективе его дальнейшей счастливой жизни. В то же время автор вводит в последние строки уточнение: «Никто с ним (с солдатом) Больше не смел воевать». И это свидетельствует не только об особой направленности писателя на реалистическое изображение общественной и государственной жизни (важно достичь не только личного счастья, но и спокойствия в государстве). Здесь Ве-

рещагин верен удмуртскому народному восприятию реальной действительности и художественному ее воплощению в сказочных произведениях. Наряду с фантастикой удмуртская сказка не просто содержит реалистические детали, изображение жизни в ней неприукрашено, бытописательно. Подтверждение этих мыслей мы находим, в частности, у П.Домокоша: «Удмуртская сказка кажется более серой и блеклой, чем сказки и сказочные культуры прославившихся своим фольклором народов. Зная историю удмуртского народа, убеждаешься, что даже во сне трудно представить его жизнь. С отрицательными силами природы и общества между Камой и Вяткой приходилось бороться в более жестких условиях, чем в других местах. Я в этом нахожу одну из причин реалистичности сказок, отсутствия яркой, красочной оболочки, и за исключением отдельных произведений, – отсутствия фантастических эпизодов... Сказки этого народа – подлинная энциклопедия, в них перечислены их боги, предки, герои, друзья и враги, из них мы узнаем о буднях удмуртов, семье, животных, орудиях труда, месте их жизни, реках, лесах, полях, домашнем очаге, о всей их жизни с ее заботами и непрерывной борьбой за кусок хлеба...» [9, с. 114–115].

Одновременно следует отметить позицию Верещагина как писателя и как знатока фольклора. Утопический идеал проповедника и просветителя в какой-то мере слился с народным идеалом. Мечта о социальной справедливости была воссоздана в рамках литературного произведения, опирающегося на сюжеты народных сказок, соответственно, содержащего среди прочих композиционных приемов историческую инверсию [1, с.182–184].

Образ солдата из верещагинской поэмы типичен для народных сказок. Герой низкого происхождения (крестьянин, солдат, бедняк...), проходя через ряд испытаний и достигая цели, таким образом, воплощает веру народа в силы простого человека. Кроме того, «сказка, с одной стороны, изображает превращение низкого в высокое – превращение бедного, простоватого и т. п. в богатого, знатного... с другой стороны, под низкой видимостью... бедняка

показывает истинно героические качества, красоту, высшую мудрость. Превращение низкого в высокое в результате демократической народной идеализации обездоленного является эстетическим законом волшебной сказки» [11, с. 253].

Таким образом, в поэме Верещагина видим творческое обращение с разнородным по своему содержанию и структуре материалом, бережное отношение к устному народному (как русскому, так и удмуртскому) творчеству и, наконец, талант писателя, сумевшего соединить в одном произведении сказочные мотивы и изображение реальной действительности, особенностей быта и общественной жизни народа.

Примечания

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Издание 2-е. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
2. Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 294 с.
3. Верещагин Г. Е. Зарни чорыг. // Верещагин Г. Е. Чагыр, чагыр дыдыке... Кылбуръёс но поэмаос. – Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 25–44.
4. Верещагин Г. Е. Батыр дись. // Верещагин Г. Е. Чагыр, чагыр дыдыке... Кылбуръёс но поэмаос. – Ижевск: Удмуртия, 1984. С.45–69.
5. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 258 с.
6. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 2. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 201 с.
7. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 4. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 201 с.
8. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 356 с.
9. Домокош П. История удмуртской литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 446 с.
10. Ермаков Ф. К. Удмуртская поэма. Историко-литературный очерк. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 200 с.
11. Литературный энциклопедический словарь. / Под общей редакцией В. М. Коженикова и П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

12. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 264 с.

13. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х тт.: Т. 1. – М.: Наука, 1984. – 511 с.; Т. 2. – М.: Наука, 1985. – 463 с.; Т. 3. – М.: Наука, 1985. – 495 с.

Т. Е. Загвоздкина

А. С. ГРИН НА СТРАНИЦАХ ВЯТСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу произведений А. С. Грина, опубликованных на страницах газеты «Вятская речь» с 1908 по 1917 гг. Материалом изучения являются три новеллы писателя: «Третий этаж» (1908), «Игрушка» (1908), «Петух» (1909). Также в статье рассматривается рецензия В. Брусянина «Журнальное обозрение» от 23 января 1910 года, где дается анализ произведения Грина «Колония Ланфиер». Указывается на то, что «Вятская речь» раньше всех откликнулась на первый том рассказов писателя, вышедший в 1910 г. В рецензии Н. А. Падарина отмечается своеобразие художественного мира Грина, особенности его стиля, уникальность психологизма. В статье подчеркивается, что газета «Вятская речь» являлась настоящей энциклопедией вятской губернской жизни начала XX века.

Ключевые слова: писатель А. С. Грин, газета «Вятская речь», новеллы «Третий этаж», «Игрушка», «Петух», своеобразие художественности Грина, познание человеческой души.

Газета «Вятская речь», на страницах которой печатался известный русский писатель, наш земляк А. С. Грин, выходила с декабря 1907 г. по декабрь 1917 г. Создателем и руководителем ее был революционер-народник Николай Аполлонович Чарушин. В газете сотрудничали представители местной либеральной интеллигенции П. А. Голубев, Н. А. Падарин, И. П. Селивановский, Я. Ф. Мултановский и др. «Вятская речь» была ежедневной общественно-политической, экономической и литературной газетой, выходящей в Вятке по программе больших столичных газет, внепартийной и прогрессивной. Она помещала смелые критические статьи на действия центральных и местных властей, за что неоднократно подвергалась репрессиям со стороны губернской администрации.

Газета уделяла большое внимание развитию культурной жизни края. На ее страницах часто появлялись стихи и рассказы и местных авторов, и писателей России: М. Горького, А. Куприна, Д. Цензора, И. Бунина, Л. Толстого, Л. Андреева, А. Грина. Много места было отведено писателям, побывавшим в вятской ссылке: А. Герцену, М. Салтыкову-Щедрину, В. Короленко. «Вятская речь» систематически публиковала обзоры и критические статьи о русской и зарубежной литературе.

На страницах «Вятской речи» в 1908–1909 гг. были опубликованы три рассказа А. С. Грина: «Третий этаж» – 4 мая 1908 г., «Игрушка» – 12 июля 1908 г., «Петух» – 25 декабря 1909 г.

Рассказ «Третий этаж» принадлежит к реалистическим рассказам «эсеровского» цикла писателя. В нем отразились и сочувствие Грина рядовым революционерам, способным на подвиг и смерть, и в то же время усталость и разочарование в террористической деятельности эсеровского движения, к которому он временно принадлежал и сам. Трое повстанцев умирают, отстреливаясь, на третьем этаже дома, окруженного солдатами. Погибая с криком «За свободу!», они в то же время испытывают и страх, и ужас, и сознание бесполезности борьбы, и любовь «к солнцу и теплему ветру», тоску о жизни и счастье. Грин проникает в глубину души обычного рядового человека, увлеченного революционным вихрем, и обнажает сложность и неоднозначность его, «поворачивая... острым и тайным углом».

«Отстреливались и судорожно, беспокойно думали. Растерянно думал Мистер. Наяву грезил Барон. Тяжело и сосредоточенно думал Сурок.

Там, за чертой города, среди полей и шоссежных дорог – его жена. Любимая, славная. И девочка – пухленькая, смешная, всегда смеется. Белый домик, кудрявый плющ. Блестящая медная посуда, тихие вечера. Никогда не увидеть? Это чудовищно!

И Сурок крикнул глухим, перехваченным тоской голосом:

– Да здравствует родина! Да здравствует свобода!..

Как бы говоря сам с собой, ответил Мистер:

– Вот история!.. Кажется, придется сдохнуть.

Он в промежутках между своими и вражескими выстрелами думал торопливо и беспокойно о том, что умирает, еще не зная хорошенько, за что: за централизованную или федеративную республику. Так как-то сложилось все наспех, без уверенности в победе, среди жизни, полной борьбы за существование и политической агитации. Думать теперь, собственно говоря, не к чему: остается умереть. Воспоминание о том, что оружие случайно попало ему в руки, ему, желавшему бороться только с помощью газетных статей, – теперь тоже, конечно, ни к чему.

Барон вздрагивает и затихает, всхлипывая. Еще есть время. Молчать страшно...»

Революция – какое могучее слово! Конечно, он взялся за нее не потому, чтобы верил в спасительность республиканского строя. Нет! Люди везде скоты. Но ведь в ней так много жизни, движения, подъема. О смерти, разумеется, не было и мысли; напротив, мысли все были веселые, полные жизни, сладкие, поэтические мысли. Как все это запутано, сложно! Если бы он не хотел жить, не томился по яркой, интересной, сложной жизни, разве сделался бы он революционером? Да нет же, нет!.. И как сделать, чтобы жить, не умирая, всегда?» [1]

Этот рассказ во многом автобиографический и философский. Грин, подобно Л. Андрееву в «Рассказе о семи повешенных», изображает людей в трагический момент, когда смерть заглядывает им в глаза. И, обнажая их души, показывает в них прежде всего живое человеческое начало. Уже в этом раннем рассказе Грина мы видим стремление его познать загадки человеческой психики.

Возможно, на замысел рассказа «Третий этаж» повлияли и события, происходившие в Вятке в 1905 г., о которых Грин, несомненно, знал. 18 декабря 1905 г. в Вятке произошло вооруженное выступление дружины кре-

стьянского союза, организованное эсерами. Часть дружины, вооруженная винтовками, засела в здании городской водоканализации. Другая часть пошла на выручку первой и, встретившись с посланными властями солдатами, забаррикадировалась в доме Мышкина на Кикиморской улице (теперь ул. Водопроводная, 32). Солдаты окружили дом, завязалась перестрелка. С той и другой стороны были убитые и раненые. Окруженные превосходящими силами солдат и полиции дружинники были вынуждены сдаться.

Сюжет рассказа «Игрушка» типичен для того времени, наполненного казнями и политическим террором. Действие рассказа происходит в провинциальном городском саду, описание которого поразительно воссоздает пейзаж и архитектуру вятского Александровского сада. «В один из прекрасных осенних дней, полных светлой холодной задумчивости, неяркого сияния солнца и желтых, бесшумно падающих листьев, я гулял в городском саду. Аллеи были пусты, пахло прелью, земляной сыростью; в багрянце листвы светило чистое голубое небо. Это был старинный провинциальный сад, изрезанный вдоль и поперек неправильными тропинками; сад с оврагами, густо поросшими крапивой; ... мостиками и ... ротондами. Огромные столетние липы и березы почти закрывали небо; в их влажной сочной тени было так хорошо прилечь, наблюдая маленьких красногрудых снегирей, прыгавших по земле». Герой рассказа видит, как два гимназиста строят игрушечную виселицу для котенка, намереваясь повесить его как государственного преступника. Он останавливает их «игру», но дети ему возражают: почему казнить людей можно, а котят – нет? Грин, как и многие другие современные ему писатели, выступает против политических казней и обозначает тот момент жизни общества, когда терпит крушение чистый мир детства. «Я обратил их в бегство, но был ли я победителем? Нет, потому что они остались при своем ясном и логическом убеждении: если можно людей, то кошек – тем более...

Быть может, впоследствии, когда жизнь ярко и выпукло развернет перед ними свою подкладку, Синицын и Буланов преисполнятся сочувствия к

кошкам и начнут тщательно воспитывать откормленных сибирских котов, но теперь как отказаться от нового романтического удовольствия, приближающего их детские души к непонятному волнующему трагизму современности, захватывающему и интересному, как роман из индийской жизни? «Там» – вешают... И мы... Впечатления детства... Какова их судьба?» [2]

Интересен выбор редакцией третьего рассказа «Петух» (позднее он получил название «Интермедия» и вошел в цикл «Наследство Пик-Мика»), который был впервые опубликован в «Вятской речи» в рождественском номере. И для этого были свои основания. Здесь писатель обращается к области невероятных, загадочных сюжетов; рассказ «околдован причудливой тайной» в духе Э. По. Грин создает таинственную, пугающую атмосферу ночи; героя, которому за каждым случаем человеческой жизни (продажа ночью под дождем женщиной живого петуха за один рубль) видится нечто фантастическое, необычайное, чудесное. Герой, исполняя роль «сатаны на час», мистифицирует бедную женщину, предлагая ей последовательно десять рублей, сто, тысячу, двадцать, тридцать тысяч, но ей нужен рубль – «рубль серебряный, неразменный». Герой рассказа – типичный гриновский герой, человек, чуждый «окружающей его манере жить», стремящийся проникнуть в тайну «сущности явлений». Читателя должен был привлечь мир чудес, мир ирреального, таинственных и роковых сил.

Газеты, выпускаемые Н. А. Чарушиным, и в частности, «Вятская речь» – огромная культурная ценность Вятского края. Сведения, содержащиеся на их страницах, хранят не только местный, но богатейший всероссийский материал.

В номере от 23 января 1910 г. «Вятская речь» опубликовала статью В. Брусянина «Журнальное обозрение», в которой автор рецензирует содержание январских номеров журналов «Современный мир», «Новое слово», «Аполлон» и «Новый журнал для всех», где среди прочих был напечатан рассказ А. Грина «Колония Ланфиер».

В своей статье В. Брюсянин дает подробный обзор столичных журналов и передает вятскому читателю их содержание. Открывается номер журнала «Новое слово» статьей Л. Н. Толстого «О ложной науке»; беллетристика представлена «маститыми»: рассказом Боборыкина «Обреченная», переводами Сенкевича, новыми публикациями Л. Андреева, статьей руководителя журнала И. И. Ясинского «Письма об искусстве».

Декабрьская книга «Аполлона» печатает повесть О. Дымова «Влас», рассказ Г. Чулкова «Тишина», статьи недавно умершего критика И. Анненского «О современном лиризме» и художника русского модерна Л. Бакста «Пути классицизма в искусстве».

Беллетристический отдел январской книги «Современного мира» представлен также весьма интересно. Это новая повесть С. Сергеева-Ценского «Движение», повесть Евг. Чирикова «Плен страстей человеческих». Любопытна статья В. Вересаева «Человек проклят» (о Достоевском). Журнал откликнулся на 50-летие А. П. Чехова статьей Тана «На родине Чехова». Также дается подробный обзор новых книг И. Бунина.

Январская книга «Нового Журнала для всех» открывается, с точки зрения рецензента, прекрасной статьей М. Арцыбашева «Смерть Башкина», посвященной смерти молодого начинающего писателя В. В. Башкина. Упоминается и молодой беллетрист Б. Зайцев, опубликовавший рассказ «Жемчуг», подчеркивается его манера «интимного» изысканного письма.

В журнале приветствуется и «новый академик поэт-беллетрист И. А. Бунин как поэт запустения помещичьих усадеб с вишневыми садами и псовыми охотами». В журнале был напечатан новый очерк А. Куприна из серии «Листригоны»: «Крошечный городок Балаклава и его обитатели в произведениях Куприна превращаются в большую картину жизни морского побережья».

На этом фоне большое внимание автор рецензии уделяет и рассказу А. С. Грина «Колония Ланфиер». О нем Брюсянин писал: «Рассказ А. С. Гри-

на «Колония Ланфиер» читается с интересом. Рассказ написан в тонах западно-европейских новеллистов на занимательные темы с приключениями. Оригинальная фабула рассказа затмевает и попытку обрисовать психологию героя на острове, заселенном преступниками, и быт последних. Интересны картины пейзажа загадочного острова» [3].

Таким образом, репутация беллетриста, которым владеет «страсть к экзотической красоте», закрепилась за Грином уже в 1910-х годах. Этот рассказ Грина был отмечен многими рецензентами. Мнения резко разошлись. Наиболее проницательный критик А. Горнфельд в журнале «Русское богатство» подчеркнул связь этого рассказа «из жизни странных людей в далеких странах» с рассказами А. Грина «из русской современности»: в тех и других писателя интересуют «обнаженные человеческие души» [4]. Именно А. Горнфильду принадлежит определение Грина как «поэта напряженной жизни».

«Вятская речь» раньше всех других газет откликнулась на первый том рассказов писателя, вышедших в 1910 г. (А. С. Грин. Рассказы. Т. 1. – СПб.: Земля. 1910). В рецензии Н. А. Падарина, педагога и литератора, ведавшего в газете литературным отделом, отмечалось, что мир Грина – «мир трагических неожиданных случайностей...» Падариным подробно анализируются два рассказа писателя: «История одного убийства» и «Телеграфист из Мядянского бора». «Стиль, каким написаны рассказы Грина, отличается своеобразной художественностью, вполне отвечающей основному мотиву... – изображению дна человеческой души, всего того, что стоит позади сознания человека» [5].

Таким образом, газета «Вятская речь» являлась настоящей энциклопедией вятской губернской жизни начала XX века и представляла собой уникальное издание.

Писателя А. Грина с творческой интеллигенцией Вятки связывали личные дружеские отношения. В 1913 г., приехав в родной город, Грин на-

вестил отца, лежавшего в больнице, и общался с А. П. Вершининым, драматургом местного театра, Н. А. Падариным, А. А. Гусаковым и другими сотрудниками газеты «Вятская речь».

Примечания

1. Вятская речь. 4 мая. 1908. С. 4.
2. Вятская речь. 12 июля. 1908. С. 4.
3. Брусянин В. Журнальное обозрение. – Вятская речь. 23 января. 1910. С. 2–3.
4. Русское богатство. – СПб., 1919. № 3. С. 145–147.
5. Вятская речь. 24 марта. 1910. С. 4.

Д. А. Клековкин

ОТРАЖЕНИЕ КРИТИКИ УТОПИЧЕСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РАССКАЗЕ А.С. ГРИНА «ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГИНЧА»

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать критические высказывания героя рассказа «Приключения Гинча» Лебедева о планах общественного переустройства, излагаемых в учениях социалистов-утопистов и влияние на формирование образа Гинча философских взглядов Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. С. Грин, рассказ, философские взгляды Грина и Достоевского, социалисты-утописты.

Проблема философских взглядов писателей XIX – начала XX века, хотя и достаточно изучено, но привлекает внимание и современных исследователей. Именно сопоставление разных по общественно-политическим и философским взглядам, по творческой манере, на наш взгляд, дает интересные результаты. Общественно политические взгляды А. Грина нашли отражение не только в общей направленности творчества, но конкретных монологах, диалогах и спорах его героев. Чаще всего, устами своих персонажей писа-

тель вполне ясно и определенно говорит о тех идеях, которые кажутся ему не приемлемыми. Он дает понять в них о своем категорическом несогласии. Его позиция отражается не только в содержательной стороне споров, но и формальные элементы подчеркивают его взгляды, например, очень часто писатель использует сарказм, иронию.

Для анализа взглядов А. С. Грина мы рассмотрим рассказ «Приключение Гинча». Вызовом всем сторонникам социальных утопий и незыблемых общественных догм звучит монолог героя рассказа Лебедева: *«Я почувствовал, что глубоко ненавижу всех этих расколотых, раздробленных, превращенных в нервное месиво людей, делающих харакири, скулящих, ноющих и презренных.*

– Тяжковиды! – шептал я, стиснув зубы. – Яд земли, радостной, веселой, мокрой, солнечно-грязной, черноземной, благоухающей! Что вы хотите, что? Легко жить надо, а не разбивать голову!

– Тяжковиды проклятые! – сосредоточенно повторил я и кликнул извозчика. И от мысли о множестве бесцельных, беспризорных существований, рассеянных по мощному лицу земли в виде уличной пыли, которую ежедневно стирает рука жизни, чтобы ярче блестели румяные щеки дорогой нам планеты, что-то соколиное сверкнуло во мне; я гордо поднял голову и утешился. «Благодарю тебя, боже, за то, что не создал меня таким, как этот мытарь», – задумчиво, серьезно сказал я, сел на извозчика и снял шляпу. Небо выяснилось, пахло смоченной дождем мостовой; над головой ясно и как-то значительно блестели крошечные звезды» [1].

О тех же «тяжковидах» и любимых ими идеях «вечной гармонии» рассуждает и герой «Записок из подполья»: *«Человек любит созидать и дороги прокладывать, это, бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? Вот это скажите-ка! Но об этом мне самому хочется заявить два слова особо. Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит,*

это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание? Почему вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит создать его, а не жить в нем, предоставляя его потом aux animaux domestiques (домашним животным), как-то муравьям, баранам и проч., и проч.

Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. <...>

Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить». [2]

По мнению героев Достоевского и Грина, людей невозможно заставить жить, повинаясь любой, даже самой разумной системе, придуманной самыми умными головами. Для этого человечество слишком любит свободу, и не нужно ему «хрустальное здание», где нельзя будет даже «кукиш в кармане показать».

О состоянии духовного мира героев, подобных человеку из подполья Достоевского и Гинчу Грина очень точно написал Ницше в работе «Так говорил Заратустра»: «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев. Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? – вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его.

Что есть трудное? – так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей.

Братья мои, к чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет вьючный зверь, воздержный и почтительный?

Создавать новые ценности – этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва.

Завоевать себе свободу и священное нет даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом.

Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя.

Как свою святыню, любил он когда-то «ты должен»; теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы добыть себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой добычи.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком?

Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения.

Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит потерявший мир.

Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом верблюд и, наконец, лев ребенком». [3]

Гинч и письмоводитель достигли второй ступени духовного развития: состояние «льва». Они понимают абсурдность всех идей, которые вдохновляют «верблюдов» и избавились навсегда от «горба верблюда», именуемого общественно-политическим сознанием, ориентированным на выдуманные кем-то догматические постулаты, однако не смогли достичь третьей ступени

самосовершенствования, и не стали детьми, не обрели горячие человеческие сердца, чтобы в них жили подлинно человеческие желания любви к людям, к красоте мира и познанию. Но они обладают свободой от навязываемых человечеству «великими умами» утопических идей, смелостью духа и ясностью мыслей.

Грин создавал образ Гинча под большим влиянием идей Достоевского. Проблемы, которые писатели ставили перед собой в «Записках из подполья» и «Приключениях Гинча» одинаковы: даже при светлом уме, желании любить, жить ярко и красиво, – это невозможно для тех, у кого отсутствует горячее сердце, сила воли и смелость в исполнении всех своих стремлений.

Об этих трагических, внушающих симпатию своей жаждой познания истины и душевной неустроенностью людей очень точно сказал Лев Шестов:

«Это и есть область трагедии. Человек, побывавший там, начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать. Все, что дорого и близко всем людям, становится для него ненужным и чуждым. Он еще, правда, связан до некоторой степени со своей прежней жизнью. В нем сохранились еще кой-какие верования, к которым его приучили с детства, в нем еще отчасти живы старые опасения и надежды. Может быть, не раз в нем просыпается мучительное сознание ужаса своего положения и стремление вернуться к своему спокойному прошлому. Но «прошлого не вернешь». [4]

Жить с пустой душой Гинчу становится скучно, хочется ярких переживаний, сильных страстей, но испытать все это с ледяным сердцем невозможно. Невольно вспоминаются строки Лермонтова:

*И ненавидим мы и любим мы случайно
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови. [5]*

Бешеная жажда жизни при холодном сердце определяет особенности характера и поведения Гинча. В нем видишь подпольного человека Достоевского, который каким-то чудом оказался в другом временном измерении. Диалог Лебедева и Марьи Игнатьевны вызывает в памяти разговор письмоводителя с проституткой Лизой из «Записок из подполья» Достоевского.

Письмоводитель и Гинч не смогли найти на «солнечно грязной, черноземной благоухающей» земле счастья, но зато не стали теми «муравьями», которые строят здания идеальных коммун претворяя в жизнь фантастические мечты Чернышевского и Фурье. Подобные проекты осуждены героем Достоевского: *«Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки нерушимое, – муравейник. С муравейника почтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и кончат, что приносит большую честь их постоянству и положительности»*. [6]

«Муравьиной» нивелировке герои Достоевского и Грина не поддаются и остаются яркими индивидуальностями, отрицая все навязываемые человечеству утопические системы и догматические постулаты.

Примечания

1. Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собр. Соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 113.
2. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М.: Наука, 1990. С. 474–475.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избранные произв. В 2 т. Т. 2. М.: Астрель, 2010. С. 29–32.
4. Шестов Л. Избранные работы. М.: Раритет, 1995. С. 24–25.
5. Лермонтов М. Ю. Стихотворения. М.: Худ. Литература. 1989. С. 89
6. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М.: Наука, 1990. С. 475.

**ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА К РЕПОРТАЖУ:
ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ВЯТСКОМ РУКОПИСНОМ
МОЛОДЕЖНОМ ЖУРНАЛЕ «КОНКОРДИЯ»**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о становлении молодежных рукописных журналов, дана характеристика содержательной и иллюстративной частей второго номера журнала «Конкордия», выпускавшегося одноименным молодёжным объединением Вятки в 1914–1915 гг.

Ключевые слова: «Конкордия», альманах, рукописный журнал, молодежный журнал, иллюстрация, фотоиллюстрация, история журналистики.

Рукописные журналы начинают свою историю с ярославского «Уединенного пошехонца» (1786), в котором нашли свое место и статьи нравственно-поучительного содержания, и историко-краеведческие материалы, и литературные работы. В Вятке первым периодическим рукописным журналом стал «Хлыновский наблюдатель» (1826 –1827 гг.).

Выпуск молодежных рукописных журналов в разных регионах России активизируется в конце XIX – начале XX вв. История подобных изданий изучена недостаточно, прежде всего по причине их небольших тиражей. Как правило, существуют единичные экземпляры в местных архивах, музеях, частных коллекциях. Изучением молодёжных изданий в настоящее время занимаются такие исследователи, как Ю. Балашова, Т. Беньковская, М. Бондаренко, В. Возилов, А. Еремин, А. Лярский, В. Рушанин и др.

Рукописные и печатные издания молодежи были довольно частым явлением в стране. Так, А. Еремин отмечает, что в исследованиях и документации различных инстанций от школ до судебно-полицейских органов «существуют многочисленные указания на широкую распространенность рукописных изданий учащихся школьного возраста в конце XIX – начале

XX в.» [3, с. 20]. На рост числа самодеятельных молодежных публикаций повлияло и то, что в 1904 году был отменен запрет на издание при средних учебных заведениях ученических журналов (он был введен министерским циркуляром № 25587 от 13 октября 1896 г.) [9, с. 122]. Особенно активно молодежные издания начали возникать после первой русской революции. Это могли быть газеты и журналы нелегальных кружков, просветительские литературно-художественные альманахи.

В статье Е. Петряева «Рукописная журналистика Сибири и Урала» названы гимназические журналы «Вечера досуга» (Иркутск, 1838 г.), «Опыты» (Чита, 1891 г.), «Братство» (Иркутск, 1903 г.), ученические «Наши думы» (Пермь, 1907–1908 гг.), «Красное знамя», «Центральный листок» (Омск, 1906 г.), «К свету» (Енисейск, 1910 г.), «Восход», «Respublica» (Пермь, 1912–1913 гг.) [10]. Молодежные издания Уральского региона изучаются также в работе В. Рушанина «Журналы и газеты учебных заведений Урала (вторая половина XIX – начало XX веков)». Исследователь выделяет пять периодов публикационной активности учащихся, обусловленных историческими вехами, и отмечает, что с 1859 по 1917 гг. «на Урале вышло не менее 128 ученических изданий» [12, с. 53].

С 1902 по 1903 годы по инициативе учащихся Орловской мужской гимназии выходил журнал «Школьные досуги». Издание включало до пяти тематических разделов и освещало актуальные проблемы, например, вопросы, обсуждавшиеся правительственными Особыми совещаниями, изменения, происходившие в положении социальных слоев, проблему самоубийств среди молодежи, реформу образования, социальные изменения в России, использование иностранного опыта и проч., однако не все темы вызывали интерес и отклик читателей, А. Еремин отмечает, что «важнейшими для авторов и читателей журнала, <...> были размышления о смысле жизни» [3, с. 26–27].

В Шуйском уезде Владимирской губернии существовали гимназические рукописные журналы такие, как «Мирок» (1904), публикации которого,

по словам В. Возилова, «носят неонароднический и общедемократический характер» [2, с. 106]. Позже выходят рукописные журналы «Юные звуки» и «Эхо», оба – в 1918 году. В. Возилов характеризует «Юные звуки» как «типичный литературный гимназический журнал начала XX века» [2, с. 107].

В десятые годы XX века (с 1914 по 1917 г.) силами учащихся Выборгского восьмиклассного коммерческого училища издавался рукописный журнал, размножавшийся на гектографе, «Школьная газета». Ранее в том же училище выходили журналы «На волоске» (1908–1911 гг.), «Товарищеский кружок» (1909), «Первый опыт» (1910) авторами двух последних были 11–13-летние ребята, ученики 2–3 класса. В течение ряда лет во Введенской гимназии издавался сатирический журнал «Недотыкомка» [9].

Известны два номера (за 1918 и 1919 годы) томского журнала «Родная Сибирь». Он издавался литографическим способом ежемесячно группой учащихся томского Алексеевского реального училища и частной женской гимназии и характеризовался как литературно-научный [4, с. 148].

«Своеобразный рекорд, – пишет Е. Петряев, – поставила Вятка: в её средних учебных заведениях в 1906 году выходило почти одновременно десять рукописных журналов» [10, с. 166]. В монографии В. Поздеева «Семинаристы в русской литературе XIX – начала XX в.» указывается, что в 1906 г. «в Вятской семинарии начали выходить рукописные журналы “С натуры”, “Хулиган”, “Осколки”, “Пробуждение”, “Мысли” и др.» [11, с. 45]. В целом рукописная журналистика не утрачивала популярности вплоть до 20-х гг. XX века.

Рукописный журнал «Concordia» появляется в 1914 году как результат деятельности одноименного художественно-спортивного объединения учащейся молодежи Вятки. Причины появления издания кроются в стремлении к самовыражению, в довольно амбициозном желании усовершенствовать окружающий мир. Одной из главных социальных проблем молодежи видится разобщенность, и девизом участников молодёжного объединения становится высказывание Саллюстия: «При согласии малые дела растут» («Concordia

parvae res crescunt discordia maximae dilabuntur» – «согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются»).

Создатели «Конкордии» не были одиноки в подобном видении действительности, например, организаторы «Школьной газеты» Выборгского восьмиклассного коммерческого училища говорили, что школьники должны «быть сплоченными, организованными в единый товарищеский коллектив, объединенный единой целью и совместной деятельностью на благо общества». [8, с. 183]. Утверждалось, что необходимо выходить за рамки учебы, разделяться по возрастам и классам не следует.

Становление «Родной Сибири» также связано со стремлением как-то расшевелить пассивную ученическую жизнь, искоренить «безучастное отношение ко всяким ученическим организациям» [4, с. 148]. Для этой цели создатели журнала решили выбрать новое направление, связанное с укреплением интереса к истории родного края.

В первом номере «Конкордии» (1914 г.), говоря о целях нового издания, авторы заявляют, что одной из задач, «когда вся Россия переживает роковую, злую, но <...> славную годину, когда вся она, как один человек, встала на великий бой» [6, с. 3], является объединение для совместных дискуссий и творчества, чтобы в дальнейшем «иметь возможность и право честно и дельно послужить Родине» [6, с. 4]. Свою роль в деле помощи стране авторы «Конкордии» видят в «малых делах», они пишут, что тыл армии не менее важен, чем фронт, и их задача – развлекать раненых, одевать беженцев, указывать на те области, где возможно или желательно привлечение сил учащихся Вятки.

Редакция «Конкордии» призывала присылать материалы, участвовать в издании, чтобы сделать его по-настоящему журналом учащихся. «Конкордия» становится научно-популярным литературно-художественным альманахом для учащихся Вятки.

В отличие от многих других подобных изданий, «Конкордия» не публиковала произведений авторов, имевших общероссийскую известность, это

была площадка для творческого самовыражения самих гимназистов. В основном, в журнал входили поэтические и прозаические тексты, а отличительной особенностью «Конкордии» стали спортивные комментарии с фотоиллюстрациями.

Так, второй номер «Конкордии» начинается с обращения редакции к читателям, затем следует передовица, в которой авторы напоминают о необходимости посильной помощи Родине. Основную часть издания составляет творчество учащейся молодежи, по большей части это поэтические произведения: «Ина», «*Dulce et decorum est pro patria mori*» («Приятна и сладка смерть за отечество»), «Лес», «К морю», «Тяжелая година», «Тоска», «Былое», «Рассказ раненого», стихотворение в прозе «Смерть розы». Проза представлена рассказами «Торжество правды», «Песня, подобная стону», эссе «Страничка из дневника», повестью «Судьба» (с продолжением в следующем номере). Во второй, меньшей по объему части журнала, дан некролог «Памяти Варламова», в критическом отделе – статья «Уроки “Зари”», завершает издание «Спортивный отдел» с репортажем «Матч на первенство г. Вятки» и статьёй «Легкая атлетика в г. Вятке» [7].

Тематика произведений часто связана с войной, школой, широко представлены патриотические, любовные, назидательные мотивы.

В начале XX века происходит изменения в оформлении и дизайне художественных и литературных журналов. Необходимость параллельного иллюстрирования, встраивание изображения в текст приводит к новым решениям. Такие решения связаны с изменением полиграфического производства: отказ от традиционного набора в одну полосу. Подобные тенденции можно видеть в рукописных журналах. Следуя тенденциям нового времени, знакомясь со столичными журналами особенности оформления находят свои воплощения и в рукописных молодежных журналах.

Художественное оформление журнала «Конкордия» не было единым. В конце номеров указано, что за художественное оформление отвечает

К. Васнецов, к которому можно обращаться для иллюстрирования номеров рукописного журнала.

Оформление журнала отличает использование различных технологий в иллюстрировании. Если в первом номере «Конкордии» большое значение уделялось заставкам, шрифтовым композициям, то во втором – заголовки, первые буквицы и сам шрифт однотипны, что можно объяснить рукописными технологиями. Периодичность выпуска, ограниченные сроки не позволили регулярно сохранять стилистику оформления номеров «Конкордии», но требования художественных тенденций того времени, желание соответствовать столичным образцам, явно прослеживается в тематике и подборе и формах литературно-художественных произведений. Акцент в журнале сделан на литературном творчестве авторов, в репертуаре подбора которого явно выявляется актуализация современных событий. Типологию иллюстраций можно сделать по группам видов искусств: живописные, графические и фотография; по жанрам: пейзаж, бытовой и портрет.

Живописные иллюстрации выполнены в технике акварели, в основном преобладают пейзажи. Обращение к пейзажу не случайно: художник передает настроение лирического произведения с помощью образа природы. Такая тенденция иллюстрирования самостоятельными картинами, не связанными с текстом, появилась в конце XIX века и объясняется распространением пейзажа-настроения, как своеобразного символического смыслового варианта передачи через визуальное вербально. Фоновое настроение, создающиеся через иллюстрацию, самостоятельную картину, позволило формировать новый образный смысл. Но при любом иллюстрировании на странице вербальное главенствует над визуальным, кроме случаев, когда иллюстрация вставляется как самостоятельная репродукция картины на отдельных вкладышах.

Нюанс, который необходимо учитывать при анализе литературно-художественного творчества провинциальной молодежи, это копирование и повторение картин известных художников того времени. Любительские ин-

терпретации, фрагментарность в копировании – особенность художественного оформления молодежных журналов. При выходе всех номеров «Конкордии» можно проследить приоритеты вятской молодежи в живописи через копирование известных пейзажистов конца XIX – нач. XX вв. Особенно излюбленными были мотивы леса и поля И. И. Шишкина, река И. И. Левитана повторяется в свободных интерпретациях. Бесспорно, все иллюстрации представлены в любительском исполнении, при повторении начинающие художники-иллюстраторы этих журналов не понимают принципы воздушной перспективы, особенности тональных плановых отношений в подлинниках художников. Композиционное решение напоминает открыточный вариант.

Цветовое решение произвольное, что еще больше убеждает, что иллюстрирование носит вспомогательный характер. Есть цветные иллюстрации, которые выполнены без оттенков цвета, скупым лаконичным языком. В других репродукциях, наоборот, мы видим не одноцветные раскрашивания внутри контура, как в первом случае, а живописные приемы лессировок и различные оттенки, что особенно отмечается в иллюстрировании третьего номера «Конкордии».

Интересный прием, который получил распространение в начале XX века: использование фотографий для иллюстрирования. Фотография в начале XX века становится очень популярным и модным явлением. Начинает развиваться любительская фотография. Для иллюстрирования используются документальные снимки спортивных соревнований и пейзаж как художественная фотография. Подобный прием в сочетании с графической заставкой используется в стихотворении «Лес». В заставке перед стихотворением в графической технике выполнен миниатюрный пейзаж, построенный на линейном и силуэтном решении. В концовке стихотворения представлена фотография с изображением окраины леса. Фотография оформлена как самостоятельный объект на отдельном сером фоне. Этим объясняется, что изображение не совсем точно иллюстрирует содержание, а демонстрирует самостоятельное видение темы, как своеобразная вставка репродукции картины.

Использование фотографий как иллюстративного материала тема новая для рукописных литературных журналов. Здесь создатели «Конкордии» демонстрируют знание и владение новыми технологиями и показывают свои возможности. Соединение художественной литературы с публицистикой и репортажным жанром обосновывает применение фотографических снимков. Фотография в начале XX века выполняла три функции: документация, сохранение памяти и социализация в культуре [13, с. 133–142]. Все три функции находят реализацию на страницах этого журнала. Документация событий в спортивной рубрике сопровождается фотографиями со спортивных соревнований. О. Бойцова отмечает: «Человек является прототипическим героем любительской фотографии, тем, о ком любительские фотографии рассказывают в первую очередь. Правила чтения подобных фотографий предполагают, что, если на снимке изображен человек, значит, “речь” идет о нём» [1, с. 34]. Это позволяет сохранить историческую память о событиях и конкретных узнаваемых людей, которые мы видим на фотоснимках. Так происходит социализация конкретных событий и людей, конкретных событий. Подписи с комментариями под фотографиями запечатлевают конкретных людей и события, например, «Бекъ “Спорта” выбивает мяч съ “аута”» [7, с. 67] из Спортивного отдела в статье «Матчъ на первенство г. Вятки».

В аспекте коммуникационных механизмов в провинциальной культуре рукописный молодежный журнал как аналог своеобразного зеркала, в котором отражаются события и пристрастия быстроменяющегося времени. Прямое повествование с его визуальными рядами позволяет составить картину провинциальной жизни Вятки, в которой жила молодежь, попытки познать и освоить различные виды художественного творчества.

Примечания

1. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. [Текст] / О. Ю. Бойцова. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. – 278 с.

2. Возилов В. В. Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века [Текст] // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 2. – С. 101-113.
3. Еремин А. И. Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») [Текст] // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – № 10 (111). – С. 18–42.
4. Есипова В. А., Шевцов В. В. Томские самодеятельные журналы в процессах культурной идентификации учащейся молодежи [Текст] // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 5 (43). – С. 147–160.
5. Казеева Е. А. Проблемы образования и воспитания в восприятии орловских гимназистов (на материале рукописного журнала «Школьные досуги») [Текст] // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции. Сер. «Родная словесность в школе и вузе» Тверской гос. ун-т. – 2013. – С. 93–99.
6. Конкордия. Вятка, 1914. № 1.
7. Конкордия. Вятка, 1915. № 2.
8. Ляровский А. Б. «Мы сами создали себе свой мир...»: школьные рукописные газеты и журналы начала XX в. как фактор социализации [Текст] // Новейшая история России. – 2014. – № 2 (10). – С. 179–196.
9. Ляровский А. Б. Школьные рукописные журналы и газеты конца XIX – начала XX века как фактор социализации [Текст] // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – № 2 (22). – С. 117–125.
10. Петряев Е. Д. Рукописная журналистика Сибири и Урала [Текст] / Е.Д. Петряев // Сибирские огни. – 1968. – № 9. – С. 166.
11. Поздеев В. А. Семинаристы в русской литературе XIX – начала XX в. [Текст] / В. А. Поздеев. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – 123 с.
12. Рушанин В. Я. Журналы и газеты учебных заведений Урала (вторая половина XIX – начало XX веков) [Текст] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269). – С. 50–54.
13. Chalfen R. Snapshot Versions of Life [Текст] / R. Chalfen. Bowling Green: Bowling Green State University Popular Press, 1987. – С. 133–142.

САТИРА В ВЯТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1930 – 1940-х гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу и особенностей сатирических жанров в «Кировской правде» 1930-40-х гг. В статье рассматривается история печатных изданий в Вятке, которая представляет собой очень интересную страницу истории политической и культурной жизни. Сатирические жанры в газетной печати отмечены актуальностью и злободневностью, а также представляют собой одни из самых интересных и своеобразных жанров в газетной печати.

Ключевые слова: сатира, сатирические жанры СМИ, «Кировская правда», фельетон.

История печатных изданий в Вятке представляет собой очень интересную страницу истории политической и культурной жизни. Литературная жизнь Вятки в конце XIX – начале XX вв. нашла широкое отражение в таких прогрессивных газетах, как «Вятский край», «Вятская жизнь», «Вятская речь». В них появляются не только информационные, но и разные по жанрам литературно-публицистические материалы. «Нельзя забывать, – писал Е. Д. Петряев, – что газеты служили почти единственной трибуной вятичей и выполняли здесь роль толстых журналов» [1, с. 106–107]. Исследование темы сатирических произведений в вятской периодике начато в статье «Сатирические жанры в вятской периодике начала XX в.» Л. И. Красных и В. А. Поздеева. [2] После революции в 1920–1930-х годах политика в средствах массовой информации резко изменилась. До 1935 г. газета выходила газета «Вятская правда», после этого она стала называться «Кировская правда».

1930–1950-е годы – это сложное время для сатирических публикаций в вятской периодике. Частота публикации статей и очерков сатирического характера на страницах «Кировской правды» непостоянна. Она часто напрямую зависит от политической ситуации в стране и городе, от установок партийных органов, от наличия более важных публикаций и материалов, от темы выпуска газеты. Очевидно, что в случае с «Кировской правдой» публи-

кация сатирических жанров не является главной задачей газеты, она носит второстепенный характер. Например, в 1930–1931 гг., которые были отмечены в целом позитивными успехами СССР в промышленности и сельском хозяйстве и спокойной политической обстановкой, публикация фельетонов, памфлетов, направленных против местных проблем, была достаточно частой. В 1932–1933 гг., когда проходила третья «генеральная чистка» партийных рядов, был пик голода почти на всей территории СССР и подходил к концу первый пятилетний план, тематическая ориентация статей сменилась, и сатире практически не оставалось места на страницах газеты. Похожая ситуация наблюдалась в 1938–1941 гг.: большинство публикуемых материалов было посвящено событиям мировой политики (включая советско-финскую войну), массовым процессам над так называемыми «врагами народа» и увеличению темпов роста промышленности в рамках третьего пятилетнего плана. Сатирические материалы печатались в последнюю очередь, годовые подшивки газет этих лет зачастую содержат не более 10 таких публикаций. Отдельного упоминания заслуживают выпуски «Кировской правды» за 1941 год, переломный как в российской истории, так отчасти и в судьбе сатирических жанров в вятской периодике. Если в номерах за январь-июнь фельетоны и памфлеты не очень часто, но встречаются, то, вполне закономерно, с начала Великой Отечественной войны практически исчезают со страниц газеты. Редкие сатирические публикации представляют собой фельетоны, памфлеты и сатирические портреты вождя фашистской армии и его соратников. Таким образом, перо сатиры обращается уже не против местных чиновников и городских проблем, а против внешней угрозы безопасности нашей страны. Такие тексты, хотя и используют смеховые приемы, подчас окрашены чувством глубокой горечи и боли за судьбу страны, проглядывающим сквозь сатиру. Во время Великой Отечественной войны фельетоны публикуются в небольшом количестве, зачастую лишь в последнем и первом номерах года, выходящих в период новогодних праздников. Тематика их,

однако, только антифашистская. В течение года текстов сатирической направленности практически не публикуется. В 1945 году, когда окончилась война, страницы газеты наполнили материалы, исполненные чувствами радости, ликования. Сатирические жанры вновь остались в стороне, как и в последующие послевоенные годы, отмеченные в целом позитивными сдвигами в жизни граждан страны и нашего города. Количество фельетонов, памфлетов и др. заметок аналогичной направленности, постепенно сходит на нет. Так, в 1949 году был опубликован только один такой текст – безадресный фельетон «Чье это дело?» Л. Михайлова (№ 12 (8983), 18 января 1949 г.)⁶. В нем автор поднимает актуальную для тех времен (и, к сожалению, по сей день) проблему курения среди несовершеннолетних. Ответственность за существование такого явления сатирик возлагает на все общество в целом: на тех, кто продает «очень молодым» людям папиросы в магазине; тех, кто дает «прикурить» ребенку на улице, и тех, кто просто проходит мимо, считая, что это «не его дело». Обращая свою сатиру против всех, кто остается безразличным к такому явлению или даже потворствует ему, Михайлов пишет: «воспитание молодого поколения у нас является общим, всенародным делом». И это так, потому что в интересах каждого гражданина – видеть будущее своей страны крепким, сильным, здоровым.

Таким образом, в целом можно отметить нерегулярность публикации текстов сатирической и юмористической направленности в выпусках «Кировской правды» 1930–40-х гг. и постепенное угасание этих жанров к концу 40-х гг.

Сатирические публикации в «Кировской правде» 1930–40-х гг. в целом не отличаются большим жанровым разнообразием. Зачастую сатира печаталась в рубриках «Маленький фельетон», «Вместо фельетона», «Фельетон». Однако в целом, тексты эти, как и те, что печатались вне каких-либо рубрик, нередко представляют собой не фельетоны, а сатирические комментарии.

⁶ Далее ссылки на «Кировскую правду» с указанием номера, года и автора.

Такая сатира отличается оперативностью, откликается на наиболее нелепые и вредные поступки организаций и их руководителей. Обычно это тексты небольшого объема, зачастую стихотворные; сатирическому комментарию обычно предшествует небольшая справка, в которой содержится информация о событии, которое комментируется. Например, в заметке под названием «Головотяпы из ТПО» (№ 227. 7 октября 1931 г., автор – Д. Ш.) сначала дается краткая справка о том, что ТПО получило новую партию календарей на 1931 год (хотя близится уже конец этого года), а далее идет четверостишие, высмеивающее такое «головотяпство». В сатирическом комментарии «Живое и мертвое» (№ 26. 1 февраля 1930 г.), под авторством Барбарисова, сначала дается краткая справка о том, что рядом с фабрикой по производству бекона расположена свалка, и Горко не препятствует вывозу мусора сюда, несмотря на возникающие антисанитарные условия производства пищи. Далее идет краткий сатирический комментарий этого бездействия Горко («Пусть свалка на бэкон смердит...»), написанный в стихотворной форме. Интересен и другой сатирический комментарий под названием «Прачечная или столовая» (№ 299. 28 декабря 1932 г.), автор которого обозначил себя как В. К. Рабочий лесрабкоопа прислал в редакцию газеты жалобу на заведующего столовой, где обедают рабочие. По его словам, в одном из хозяйственных помещений столовой происходит стирка спецодежды для рабочих, а «в кухне над плитой она сушится». Такое положение дел вызывает законное возмущение автора газеты, который создает совершенно гротесковую картину работы столовой, где «над супом сушатся портянки, белье полощется в котлах». Текст «Слободские квасовары» (№ 60 (3157). 24 марта 1946 г., авторы – П. Васильев и М. Ронов), опубликованный в рубрике «Маленький фельетон», тем не менее также близок к жанру сатирического комментария. Заинтересовавшись объявлением главного бухгалтера Слободского пивоваренного завода Городилова о том, что он «продает квасом крупы 102 килограмма», авторы исследуют «тайну» такой продажи. Для обычного человека

такое объявление о продаже звучит как совершенная бессмыслица (как «продать еловыми дровами венскую сдобу» – иронизируют авторы), однако за ним скрываются вполне определенные товарно-денежные махинации работников завода, которые и вскрывают авторы фельетона.

Некоторые сатирические тексты, опубликованные в годы Великой Отечественной войны в рубриках «Маленький фельетон» и «Новогодний фельетон» (появлялась только в номерах газеты за 31 декабря и 1 января), приобретают черты памфлета. Исполненные патриотического чувства и ненависти к врагам русского народа, сатирики подвергают беспощадной критике фашизм и его лидеров. Так, например, в фельетоне-памфлете под названием «Планомерное отступление» (№ 312 (2011). 31 декабря 1941 г., автор – П. Перовский) обличается политика «планомерного оставления позиций», проводимая германским командованием, представляющая, по сути дела, обыкновенное отступление, а подчас и бегство с занимаемых позиций под натиском Красной армии. Автор развенчивает ту ложь, которую сообщает руководство фашистской армией и, в частности, «вральман Геббельс» немецким гражданам. Орудие беспощадной сатиры направляется Перовским против лжецов и трусов, возглавляющих германскую армию. Если следовать их логике, рассуждает автор, вполне реальным становится существование ежедневного плана «победоносного отхода» немецкой армии, например, на 20 километров, с запланированным оставлением «35 танков, 80 орудий, 215 пулеметов, 50 минометов, 1 200 автоматов, 3 500 убитых и раненых, 1 500 обмороженных». Едкий сарказм сатирика чувствуется и в том, что командующий армией с радостью заявляет, что «войска отступают с неописуемым энтузиазмом». Интересен и другой сатирический текст – «Сон в зимнюю ночь» (№ 1 (2012). 1 января 1942 г.), также представляющий собой скорее некий синтез памфлета и сатирического портрета, чем фельетон («Новогодний фельетон» – рубрика, в которой он был напечатан). Кроме того, автор фельетона пользуется художественными средствами, и текст приобретает

черты рассказа, созданного в традициях лучшей русской сатирической литературы. Сам текст, к сожалению, дошел до нас лишь в неполном виде, однако некоторые выводы о его содержании мы сделать все-таки можем. Главный герой «Сна в зимнюю ночь» – фюрер, предстающий перед нами накануне Нового года. Автор домысливает и мечты Гитлера «пить 7 ноября в Кремле чай с расстегаями», и его раздумья, изображая их в сатирическом ключе. Приходящие фюреру во сне «кровавые палачи истории», такие, как Нерон, Калигула и Наполеон, позволяют сатирику создать глубокую философско-историческую и вместе с тем пронизанную нотами злой иронии и насмешки концепцию этой личности. Жестокие тираны и властители древности, уровня славы и власти которых хочет достичь Гитлер, презирают его, как недостойного мальчишку, «мелкого жулика», «непоследовательного» политика, «влипшего в историю». Цезарь, Калигула, Наполеон и другие критикуют его внутри- и внешнеполитические действия, предсказывая, что он «плохо кончит», затеяв войну со «скифами». В другом фельетоне-памфлете «Дубина» (№ 223 (1922). 19 сентября 1941 г., автор – Л. Чулицкий) острие сатиры обращается уже против всего народа Германии, ведущего захватническую войну. Начиная с комментария того факта, что в Германии стали производить одежду из волокон древесины, автор доходит до рассуждений о немецком народе, об «арийцах» вообще: «мыслей нету и следа в тупых бандитских лицах». Таков приговор сатирика народу, поддерживающему кровавую политику их лидера, людям, ставшими «отменными дубинами» в руках фашистов. Еще один любопытный фельетон-памфлет военных лет, «Под новый год» (№ 1 (2841). 1 января 1945 г., автор П. Петровский), опубликованный 1 января 1945 г., развенчивает неудавшуюся завоевательную политику немецких войск. Герой фельетона, Карл Мюллер, мечтает о встрече Нового года в кругу семьи, за роскошно сервированным столом в одном из дарованных ему фюрером «именьев» в порабощенной России. Но все его мечты – только сон, им никогда не стать явью, на долю германского народа, дерз-

нущего заполучить власть во всем мире, остается только трепетать в страхе, ожидая расплаты. Фашистской Германии, вместе с ее лидером, глаза которого «вылезли из орбит от ужаса», нет выхода, нет пощады. Пришел час расплаты. В этом фельетоне-памфлете звучит как беспощадная, суровая критика политики народа, развязавшего Вторую мировую войну, и язвительная насмешка над такими типичными «Карлами Мюллерами», мечтавшими о счастье и богатстве путем победы в войне, так и мощные патриотические ноты, любовь автора к своему Отечеству и гордость его победами. Перовский предчувствует полный разгром фашистской Германии, который грядет так же неумолимо, как «стрелки часов неумолимо идут к двенадцати», и внутренне торжествует.

Говоря о жанровом своеобразии сатиры «Кировской правды» 1930-1940 гг., следует обратить внимание также на газетную полосу под названием «Перо в бок», появившуюся в 1933 году и печатавшуюся на страницах «Кировской правды» еженедельно. Даже исходя из названия, можно понять, что целью этой специальной рубрики было путем критики или сатиры со страниц газеты исправлять недостатки, существующие в различных сферах жизни общества, указывая организациям Кирова и области на ошибки в их работе. Создатели сатирического отдела просили читателей присылать заметки о плохой работе организаций в редакцию газеты, на имя Антона Головотяпова. Большинство публикуемых в этой рубрике материалов нельзя в полной мере отнести к сатире, это просто жалобы на то или иное замеченное «головотяпство, однако нередко здесь появляются сатирические комментарии без указания авторства (№ 236. 12 октября 1933 г.; № 236. 12 октября 1933 г.; № 251. 30 октября 1933 г.), создатели которых рассчитывают на то, что после их публикации будут приняты меры к устранению осмеянных недостатков. Например, в заметке под названием «Хлопотать не придется» (№ 251. 30 октября 1933 г.) идет речь о коменданте рабочего городка Балыбердине, который устроил во дворе жилого дома настоящую свалку, запре-

тив вывозить мусор ассенизаторам. «Одно хорошо, – иронизирует автор, – много хлопотать не придется»: когда выберут нового коменданта, Балыбердина не придется далеко везти – «он для себя уже место подготовил». Однако с течением времени рубрика «Перо в бок» сходит со страниц газеты.

Несмотря на достаточно пеструю жанровую картину сатирических публикаций, причем нередко печатающиеся вне каких-либо рубрик. К числу таких относится, например, интересный фельетон «Не по адресу» (№ 5 (619). 6 января 1937 г.) за авторством Л. Салтыкова. Автор убийственно иронизирует над «пунктуальностью» и «заботливостью» работников туберкулезного диспансера, которые решили взяться за лечение больного Ильи Павловича лишь спустя два года после его смерти. «Увы, – саркастически отмечает автор, – больной не был аккуратен и не явился ни на рентген, ни на прием к врачу Праздниковой», потому что «переменил место жительство».

Если говорить о тематике сатиры, публикуемой в «Кировской правде» в 1930–40-х гг., следует отметить закономерное преобладание фельетонов и сатирических комментариев, посвященных местным проблемам в здравоохранении: «Не по адресу» (№ 5 (619). 6 января 1937 г.), «Случай с бюллетенем» (№ 148 (1244). 30 июня 1939 г.); в сельском хозяйстве: «Свиная проблема» (№ 223 (3063). 13 ноября 1945 г.), «Курам на смех» (№ 55 (8509). 18 марта 1947 г.); в торговле: «Студент пришел в магазин» (№ 208. 9 сентября 1934 г.).

Так Л. Фельдман в фельетоне «Раздражающее меню» (№ 3 (908). 4 января 1938 г.) живописно обрисовывает нам культуру обслуживания в столовых города Кирова, где предлагаемое посетителям меню совсем не соответствует ассортименту имеющихся блюд. Л. Фельдман уничтожающе иронизирует над теми столовыми и кафе, где существует подобное «очковтирательское меню».

Зачастую сатира изображает глупость чиновников любых постов, расхищение государственной собственности и взяточничество власть имущих,

невыполнение организациями установленных планов производства. Героем одного из таких текстов, фельетона «Удельный князь Бояринцев» (№ 60 (372). 12 марта 1936 г., автор – П. Кропачев) является директор кооперативного хозяйства. Насмешку фельетониста вызывают поистине «княжеские» замашки Бояринцева, придумавшего брать пошлину с проезжающих по территории находящегося в его управлении хозяйства организаций, как делали это удельные князья в период феодальной раздробленности. И таких фельетонов, предметов изображения которых являются злободневные бытовые зарисовки, примеры злоупотребления властью местных чиновников, на страницах «Кировской правды» немало. Однако в силу напряженной внутривнутриполитической обстановки в стране сатира не поднимается выше критики местных организаций и властей, не затрагивает общероссийские темы (исключая войну с Германией).

В-первых, особого внимания заслуживает форма того или иного сатирического текста. Авторы сатирических комментариев и фельетонов начала 1930-х гг. стремятся к стихотворной форме публикаций. К такой стихотворной сатире относится, например, сатирический комментарий под названием «Магараджа из охотсоюза» (№ 32. 9 февраля 1931 г., автор – Нота). Он представляет собой некий «монолог» в стихах председателя охотничьего союза Акатьева, в котором он сравнивается с одним из богатейших индийских царей Махараджей. Автор выставляет образ председателя в ироническом свете; причина постоянных финансовых недостатков, саркастически отмечает сатирик, кроется в том, что «дичины верный покровитель» не утруждает себя обязанностью собирать членские взносы с охотников, превращая находящийся в ведении его охотсоюза район в благодатный бесплатный край. Очевидно, что стихотворная форма выгодно отличается от других публикаций на газетной странице, выделяясь из их ряда и привлекая к себе внимание читателя. Но, тем не менее, примерно с середины 1930-х гг. стихотворная сатира на страницах газеты встречается все реже, уступая место прозаической. Исключе-

ние составляют лишь некоторые фельетоны, опубликованные в годы Великой отечественной войны. Примером этому может служить, например, текст Л. Чулицкого под названием «Крупная неприятность» (№ 229 (1928). 26 сентября 1941 г.), высмеивающий угодническую политику болгарской прессы, печатающей заведомо ложные материалы об успехах германской армии на фронте.

Среди формальных особенностей, опубликованных в «Кировской правде» сатирических текстов, следует также отметить частое использование диалогов, отражающих многообразие точек зрения на поднимаемую автором проблему или воссоздающих коммуникативную ситуацию, иллюстрирующую те несовершенства социального устройства, на борьбу с которыми направлен текст. Так, например, фельетон «Встретились» (№ 288. 16 декабря 1933 г., автор – Виктор) начинается с диалога между двумя приятелями, которые неожиданно встретились в одном вагоне, несмотря на то, что ехали в противоположных направлениях. Сатира автора направлена на тех, кто ответственен за железнодорожное сообщение в этом районе, потому что и для них произошедшее оказалось удивительным «фокусом». Другой фельетон, «Добрые дядюшки» (№ 240(1635). 15 октября 1940 г., автор – С. Захаров) почти целиком строится на диалоге: некто звонит по телефону в различные организации, пытаясь найти техника Ходина. В конце концов оказывается, что Ходин работает «по совместительству» в четырех местах одновременно, получая на каждом из них заработную плату в полном размере. Возмущенный существованием такого явления, автор высмеивает наивное попустительство таких «добрых дядюшек».

Кроме того, фельетонисты часто используют цитаты из документов, связанных с проблематикой текста, подтверждая тем самым фактологическую точность написанного. Так, например, в фельетоне «Чесоточный трактат» (№ 11 (3108). 15 января 1946 г., автор – М. Ронов) сатирик создает точную характеристику некоего исполняющего обязанности старшего ветврача

Лапина лишь цитированием написанного им «научного трактата». Разве может здравомыслящий человек написать в письмо подчиненным что-либо подобное: «По отчету все хорошо – все хорошо прекрасная маркиза с маркизой 4 головы чесотки...»? Создавая этот яркий сатирический образ, чем-то перекликающийся с вписанными М. Е. Салтыковым-Щедриным в историю литературы градоначальниками города Глупова, Ронов высмеивает его поверхностность, глупость и неудавшееся стремление к повествованию в научном стиле. Создатель образа «и.о. ст. ветврача Вл. Лапина», находящегося «в стадии анабиоза», как нам кажется, отмечен печатью настоящего сатирического таланта.

Точность, реальность отраженных в сатире явлений нередко подчеркивается также точным указанием каких-либо величин, например, количества чего-либо или цен. Так, в фельетоне «Студент пришел в магазин» (№ 208. 9 сентября 1934 г.), автором которого указан некий Микро, создается «живописная» картина прилавков студенческого магазина № 15, где продается все, начиная от водки и заканчивая детскими картинками для склеивания самолетов. Однако, авторское удивление и насмешку вызывает то, что никаких действительно нужных для учебы в высшем учебном заведении товаров здесь не найти. Так что даже если вы вздумаете писать о таком положении вещей в жалобную книгу – вам придется «ловить живого гусака и дергать из него перья».

Интересную формальную организацию имеет фельетон «Комсорг женится» (№ 6 (319). 8 января 1936 г., автор – А. Ф.), имеющий подзаголовок – «Повесть в письмах». Текст действительно оформлен в виде четырех писем, которые связывает женитьба комсорга Шабалина и обсуждение этого на страницах «Вятско-Полянской правды», редактором которой является тов. Курмаев. Неисполнение должностных обязанностей, как и пьянство, сходит Шабалину с рук по причине его женитьбы. «Глупая и пошлая переписка», которую высмеивает сатирик, как нельзя точнее характеризует обоих ее участников, которые «стоят друг друга».

Еще одной художественной особенностью, публикуемой в вятской периодике сатиры, является то, что она зачастую определенным образом перекликается с уже существующими произведениями русской литературы. Наиболее распространенным приемом обращения к читательскому опыту аудитории являются цитаты из текстов произведений классиков. Так, например, отрывок из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» цитируется в фельетоне «Фамусов из крайпотребсоюза» (№ 80 (93). 6 апреля 1935 г., автор – Л. Фельдман): «А у меня что дело, что не дело. Обычай мой такой: Подписано и с плеч долой». Такие слова в комедии Грибоедова принадлежат Фамусову, но их, как иронизирует фельетонист, вполне мог бы произносить и его «конкурент» – заместитель начальника торгового управления крайпотребсоюза Вязьмин. Выписав Ленинскому сельпо ноль тонн керосина, он обязал чиновников на местах снабдить им все местные школы и больницы. Меткая сатира Фельдмана направлена против Вязьмина и всех ему подобных чиновников, не привыкших размышлять над разумностью своих решений, девизом которых является фамусовское: «Подписано и с плеч долой».

Иногда вятские сатирики создают тексты, имеющие реминисцентную природу. Так, например, Л. Фельдман написал фельетон «Мастер пустых отговорок» (№ 32 (937). 9 февраля 1938 г.), основная часть которого представляет собой записи из жалобной книги столовой Кировской артели «Рекорд», заведующий которой взял в привычку комментировать эти записи. Причем комментарии эти подчас носят такой характер, что для того, чтобы дать объективную характеристику написавшему их, не нужны больше никакие сведения. Автор высмеивает глупость заведующего, который пишет пустые, невразумительные «отговорки». Такая структурная организация текста напоминает знаменитую «Жалобную книгу» А. П. Чехова. Другой текст, под названием «Рогатки» (№ 56 (1755). 7 марта 1941 г., автор – Игорь Владимиров), являет собой достойное современное воплощение традиции изображения «маленького человека», характерной для русской классической литера-

туры. Сатирик создает историю, где сатира сочетается с некоторой драматичностью, где судьба отца, четыре года не видевшего собственного сына, находится в руках грубых, неспособных откликнуться на беду простого человека, работников Кировского железнодорожного вокзала. Все это придает фельетону, на наш взгляд, черты настоящей, талантливо написанной и имеющей большую художественную ценность публицистики.

Проанализировав эти газетные публикации, можно сделать некоторые общие выводы и проследить тенденции в развитии сатирических жанров за два десятилетия XX в. Во-первых, на страницах «Кировской правды» не так часто, но появляются сатирические материалы. При этом их периодичность не носит систематического характера.

Во-вторых, авторы обращаются к различным сатирическим жанрам, используют стихотворную, но чаще прозаическую форму фельетонов, сатирического комментария.

В-третьих, фельетоны, памфлеты и сатирические комментарии используют различные художественные средства, которые относятся как к публицистике, так и к художественной литературе. Однако, можно заметить, что эти публикации не достигают той высокой художественности, как некоторые образцы отечественной сатирической журналистики XIX – начала XX вв. Сатирические произведения в вятской периодике и их художественные особенности представляют особый интерес, как одна из страниц истории Вятки.

Примечания

1. Петряев Е. Д. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1966.

2. Красных И. Л., Поздеев В. А. Сатирические жанры в вятской периодике начала XX в. // Герценка: Вятские записки: [Научно-популярный альманах]. – Киров, 2002. – Вып. 3. – С. 59–65.

**ВЯТСКИЙ ЕПИСКОП ВИКТОР ОСТРОВИДОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ О. ВОЛКОВА (ПЕРИОД ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В СОЛОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ, 1928–1929 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена анализу образа вятского епископа Виктора в мемуарном романе О. Волкова «Погружение во тьму». Образ священнослужителя является эпизодическим, однако он имеет большое значение для духовного становления писателя. Епископ Виктор выступает в роли духовного наставника будущего писателя, формирует его отношение к гонениям на церковь и определяет как долг Волкова задачу, ставшую главной в его творчестве, – «сердцем запомнить» и рассказать правду о сталинских репрессиях.

Ключевые слова: Виктор Островидов, Олег Волков, Соловецкий лагерь особого назначения, духовенство в заключении, образ священнослужителя.

Писатель Олег Волков познакомился с викарием Вятской епархии, епископом Глазовским, Слободским, Уржумским Виктором (в миру Константином Островидовым) в 1928 г., в период заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Епископ Виктор 18 мая 1928 года был приговорен Особым совещанием при коллегии ОГПУ к трем годам заключения в концлагерь за антисоветскую пропаганду и агитацию, направлен в Соловецкий лагерь особого назначения [3, с. 223–225]. Будущий писатель Олег Волков в 1928 году был приговорен также к трем годам заключения по обвинению в контрреволюционной агитации и тоже направлен в СЛОН [1, с. 110].

Олег Волков и Виктор Островидов в одно время прибывают на Кемский пересыльный пункт в начале лета 1928 года. Однако знакомство их состоялось только в лагере. Эти события нашли отражение в книге воспоминаний Волкова «Погружение во тьму».

Представляет преосвященного Виктора писателю его сосед по камере отец Михаил, как характеризует его Олег Волков, «типичный русский ба-тюшка» [2, с. 76]. Мемуарист отмечает, что в конце 20-х годов представители духовенства составляли немалую часть заключенных Соловецкого лагеря: «Тогда на Соловках находилось в заключении более двадцати епископов, сонм священников и диаконов, настоятели упраздненных монастырей» [2, с. 77]. Наряду с преосвященным Виктором он называет также преосвящен-ного Петра, архиепископа Задонского и Воронежского, и преосвященного Илариона, архиепископа Тульского и Серпуховского.

Портретные характеристики священнослужителей в воспоминаниях Волкова немногочисленны. Автор отмечает лишь некоторые детали внешне-го облика епископа Виктора, при этом подчеркивая обыденность внешности героя, ее простонародность. Тем самым создает контраст между непримеча-тельным внешним обликом и значительным духовным миром. По наблюде-нию Олега Волкова, глядя на вятского епископа Виктора сложно было дога-даться о его высоком сане.

В образе преосвященного Виктора Волков выделяет связь с народной средой: Виктор родом из «лесной деревеньки», в своей скромной одежде владыка походит на «великорусских крестьян со старинных иллюстраций», у него «простонародное, с крупными чертами лицо, кудловатая борода, окаю-щий говор», «от народа же была и речь Преосвященного – прямая, далекая свойственной духовенству мягкости выражений». По замечанию Волкова, «умнейший этот человек даже чуть подчеркивал свою слитность с крестьян-ством». [2, с. 117]

Священнослужители в воспоминаниях Волкова выделяются в общей массе лагерников благодаря своим нравственным качествам как выдающиеся и стойкие люди, наделенные душевной теплотой и умением утешать и все-лять надежду. Именно эти черты позволяли им не только сохранять свое ду-шевное равновесие, но и поддерживать других верующих, т. е. выполнять

свои пастырские обязанности в условиях неволи. Таков и вятский епископ Виктор Островидов.

По мнению А. Сошиной, исследовательницы судеб духовенства в условиях лагеря, епископ Виктор снискал всеобщую любовь именно умением утешать [6]. Дар утешения отмечает в святителе Викторе А. Коскелло в статье «Сопротивлялся наш «владычка» без озлобления» – памяти священноисповедника Виктора (Островидова) [4]. Эту же черту в святителе выделяет и игумен Дамаскин (Орловский), составитель «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века»: «Для каждого встречного у него было какое-нибудь приветливое слово, а часто даже и какой-нибудь подарочек» [5, с. 193].

Епископ Виктор – эпизодический образ, однако он сыграл важную роль в духовном становлении писателя. Вятский епископ принимает на себя роль наставника молодого человека. Он обращается к мемуаристу просто «сыночек», единственный приходит проводить покидающего Соловки после замены лагерного срока на высылку Волкова и благословляет его. Словно предчувствуя, что скитания Олега Волкова не окончатся одним заключением, епископ старается укрепить в нем мужество перед возможными новыми испытаниями.

Роль епископа не ограничивается только духовной поддержкой. Он разъясняет будущему писателю причины гонений на церковь, как сам их понимает. Власти ополчились на духовенство, по мнению священнослужителя, потому что им «нелюба правда Господня»: «Светлый лик Христовой Церкви – помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать» [2, с. 117–118]. Волков разделяет мнение священника о невозможности нравственного процветания в богоборческом государстве: «Если и оспаривалось в разные времена право Церкви на власть в мире и преследование инакомыслия, то никакие государственные установления, социальные реформы и теории никогда не посягали на изначальные христианские добродетели... Вот почему так

ошеломляли и пугали открыто провозглашенные принципы пролетарской «морали», отвергавшие безотносительные понятия любви и добра» [2, с. 10].

Именно Виктор дает молодому Волкову наставление, определившее судьбу будущего писателя – «сердцем запомнить» все увиденное на Соловках. «Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать» [2, с. 118]. Выполняя архиерейское благословение, Олег Волков без надежды на публикацию работал над главной своей книгой-свидетельством «Погружение во тьму».

Дружба с Виктором Островидовым, безусловно, скрашивала для писателя жизнь в неволе. Когда ему вновь будет грозить заключение на Соловки, писатель воспримет это как «счастливый билет», поскольку в лагере осталось немало его товарищей и единомышленников, в том числе и вятский епископ – «там Георгий, отец Михаил, преосвященный Виктор» [2, с. 168]. Однако во время повторного заключения, осенью 1930 года, в Соловецком лагере он уже не застал епископа Виктора, как и многих других знакомых [3, с. 237].

Общение с вятским епископом Виктором и другими священнослужителями, равно как и «обновляющее, очищающее душу воздействие соловецкой святыни», помогли писателю укрепиться в своей вере, безропотно принять свой жребий [2, с. 118]. О времени первого заключения на Соловках он пишет: «Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры. За нее и пострадать можно!» [2, с. 118].

Епископ Виктор входит в целую галерею образов верующих и духовенства в воспоминаниях Олега Волкова. Герои-мученики, герои-священнослужители в «Погружении во тьму» не только историческая правда, но и воплощение духовных идеалов, пример стойкости, добродетели и мужества. С этими образами связывает автор надежды на возрождение не только православной церкви, но и самой России, которая не мыслится им без традиционной христианской морали. Его же долг в деле возрождения родины – сохранить

память о множестве безвинно осужденных, страдальцев за веру, гонимых верующих, как наказывал епископ Виктор, «сердцем запомнить».

Срок заключения епископа Виктора закончился 4 апреля 1931 года, однако его не освободили, а приговорили к ссылке в Северный край, в Коми область на три года. В декабре 1932 года епископ Виктор был арестован и приговорен в мае следующего года к новой ссылке в тот же Северный край. Через год в ссылке преосвященный Виктор скончался от менингита. Был похоронен на сельском кладбище в с. Нерица Усть-Цилемского района Северного края (ныне центр муниципального образования сельского поселения «Нерица» Усть-Цилемского района Республики Коми).

Мощи посмертно канонизированного священномученика были обретыны в июле 1997 года. Затем перенесены в храм святого Александра Невского Свято-Троицкого Макариевского женского монастыря в Кирове. С 2005 года мощи священноисповедника Виктора находятся в Вятском Спасо-Преображенском женском монастыре.

Примечания

1. Волков О. В. Автобиография [Текст] / Олег Волков // Писатели России: Автобиографии современников. – М.: Гласность, 1998. – С. 109–115.
2. Волков, О. В. Погружение во тьму [Текст] / Олег Волков. – М. : Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. – 544 с.
3. Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). Жизнеописание и труды [Текст] / Сост. Л. Е. Сикорская. – М.: Братонез, 2010. – 512 с. + [32] ил. – (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).
4. Коскелло, А. «Сопrotивлялся наш «владычка» без озлобления» – памяти священноисповедника Виктора (Островидова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.pravmir.ru/soprotivlyalsya-nash-vladychka-bez-ozlobleniya-pamyati-svyashhennoispovednika-viktora-ostrovidova/>
5. Священноисповедник Виктор (Островидов), епископ Глазовский, викарий Вятской епархии [Текст] / Сост. игумен Дамаскин (Орловский) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Апрель. – Тверь: Булат, 2006. – С. 174–212.

6. Сошина, А. «Наш путь – смиренная преданность Отцу Небесному»: Исполнение пастырского долга в условиях лагеря [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.solovki.info/?action=archive&id=370>

И. Ю. Трушкова, Г. А. Михеева, Е. И. Титова

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования произведений региональных писателей для изучения этнической идентичности и ментальности населения. Показаны некоторые сюжеты о сохранении традиций и направления трансформации идентичности, ментальности, уклада жизни в индустриальное время в Вятском регионе.

Ключевые слова: региональная литература, крестьянская повседневность, этнокультурная микро-история.

В современный период актуализируются исследования в различных гуманитарных науках при нарастании прозрачности междисциплинарных границ. Определенные примеры такого сотрудничества наблюдаются и на стыке этнологии и филологии.

Региональное измерение являет целое созвездие произведений вятских/кировских писателей, которые в силу своей реалистичности и четкости отражения провинциального бытия предстают источниками по повседневной жизни населения региона, со всеми проявлениями этнической идентичности в ней.

Своеобразие ментальности и этнической идентичности проявляется уже в восприятии «культурного ландшафта». Показательный пример – слобода Дымково. «На пологом берегу Вятки-реки, против областного города рассыпаны домики слободы Дымково. Зимой на белом фоне реки и лугов

курится она высокими дымами труб, летом – окутана зеленым облаком столетних тополей. Выйдешь на городской высокий берег, смотришь на реку – и дивишься поэтичности и точности названия: Дымково.

Весной слободу заливают полая вода, и тогда стоит у каждого крыльца древний друг дымковчан – лодка. И стар, и млад здесь ловки орудуют кто шестом, кто веслами... Но не этим, не живописностью своей знаменито Дымково. А тем, что именно здесь, у дымковчан родилось и пошло гулять по свету глиняное чудо – игрушка лепная, обожженная да расписная» [1; С. 3]. В описании местности выделяются значимые объекты – дома в окружении дающего жизненные ресурсы и угрозу объектам – леса, реки. Они фиксируются рукотворными явлениями – дымком из трубы, посаженными тополями, всегда готовыми лодками т. д. В этом – особенности ментальности и идентичности вятского населения, так четко подмеченные автором.

Показательная черта региональной этнической идентичности – религиозность, в том числе – и у староверов. «Деревенский люд имеет множество добрых качеств. Вера являлась неприменным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу большинства крестьян. Судили о ней по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, по поведению в семье и на людях. Человеку, совершившему бессовестный поступок говорили: «Креста на тебе нет!» И наоборот: «Живет по-божески», – говорили о тех, кто милосерден и советлив. Не только старшие, но и вся община следила за тем, чтобы молодежь не пропускала особенно важные богослужения. Не говоря о хождении в церковь, об усердном и добровольном исполнении христианских обязанностей, набожность крестьян видна и в их частной жизни. Они не сядут за стол не помолясь. Не начнут и не окончат, не перекрестясь, никакого дела. Для большинства крестьян вера служила основой самого их существования, способом жизни. Искренне верующий человек просто не мог плохо хозяйствовать на земле, которую считал созданием Божиим, или отказать в помощи нуждающемуся. Вера начиналась с крещения

младенца и продолжалась до последнего дыхания...» [2; С. 20]. Изустная информация передавалась от поколения к поколению и использовалась местными писателями в своих произведениях.

Известно, что традиции и черты этнической и религиозной идентичности у приверженцев «древнего благочестия» воспроизводились на протяжении XX столетия [3].

Некоторые черты идентичности и ментальности отмечаются в визуальных характеристиках. «Остался от Лесниковых семейный альбом, чудом сохранившийся. Рассыпался корешок, но целы кожаный переплет с медной застежкой и семейные фотографии. Как почти все, сделанное до революционной эры, поражают эти фотографии качеством, спокойным благородством лиц, красотой одежды. Вот и портрет молодого хозяина, гордая осанка, правильные черты лица, короткие темные волосы, аккуратная бородка, открытый спокойный взгляд больших глаз – притягательное лицо. Фотография сделана в Москве, некоторые семейные – тоже в столице, в Сочи, Евпатории, Вятке. Между страниц заложена фотокопия на глянцевой тонкой современной бумаге, здесь он уже сед, осунувшееся лицо, усталые глаза. Это после губчека. После ареста в Иркутске, куда он ушел с армией Колчака. Дальше след Лесникова затерялся в Манжурии....» [4; С. 191].

Так, региональные писатели в своих произведениях достаточно четко, реалистично выявляют черты повседневности вятских жителей в XIX и XX вв., порой не фиксирующиеся в других источниках. Созерцательное восприятие мира, акцент на духовную деятельность характерен ряду этнических культур. Учеными отмечается, что, например, для католиков деятельность, переделывание мира значит больше, чем для православных христиан, отдающих предпочтение созерцательности. «В русской культуре если и есть ориентация на деятельность, то, прежде всего, на деятельность нравственную [5; С.80]. Такие модели идентичности и ментальности выявляются и на Русском Севере, в восточном Поморье, куда входила и Вятская земля.

Постепенно, плавно традиционная ментальность и осознание себя в регионе и за его пределами стало изменяться в годы потрясений XX столетия [6]. Тем не менее, на некий фон, основа, традиционная идентичность продолжала бытовать в утвердившийся социализме, в советский период. Восприятие мира ребенком включает «крестьянский» позитив, связанный с малой деревенской родиной. Так называемое «длинное цитирование» филигранно показывает детали местной, «деревенско-городской» повседневности. «Туда, на починок, где на дальнем конце живет бабушка, нам и надо добраться. По малолетству шаг мой мал, неширок, но все равно я семеню ходко, авангардно, шарю игривым фонариковым зайчиком по снеговому натоπτу – какой же заботливый человек обозначил путнику правильный подход? Не бабушка ли? – порой и ухаю одной ногой в сугробную ямную мякоть по самый пояс, а то и по грудь, нарушив осторожность беззаботного бега... Помощь приходит, когда я уже окончательно поумаялся, сдал силенками, умирился от бесполезной борьбы – за шарфовые хвосты, узлом связанные на спине, за поднятый воротник пальто вызволяют снежного купальщика упорным тягом на пешеходную тропинку, ставят на ноги, обтряхивая с одежды белый прилип» [7; С. 382]. Важные маркеры идентичности – диалектизмы, детские слова-«переделки».

Процесс сращивания города с деревней, манифестированного в качестве одной из приоритетных задач, в конкретной исторической среде проходил с учетом настроений и линий поведения конкретных же людей. Именно молодежи предписывалось совершить прорыв, быстрее освоить «городские» новшества в деревнях и поселках. «Перейдя в седьмой класс, Марина все еще была отличницей с подвернутыми косичками. Кроме того, она училась в музыкальной школе, куда была записана по настоянию Марии Андреевны – человека, далекого от искусства, но от природы наделенного беспредельным чувством собственного достоинства. Мария Андреевна хотела, во что бы то ни стало доказать (кому? возможно, тому же Станиславу Антоновичу), что

ее дочь – ребенок необыкновенный. А поскольку в поселке не было более престижного заведения для детей, то она, недолго думая, сказала: «Будешь учиться в музыкальной».

Прозвучало это как приговор, и черный полированный «гроб» был втиснут в небольшую квартирку четырьмя вспотевшими мужиками. С тех пор Марина была вынуждена почти каждый день ходить на противоположный конец поселка в жуткое место, где протекала вонючая, загаженная до краев комбинатовскими отходами речка Маховица. Девочка со страхом ступала по шаткому подгнившему мостику, рискуя свалиться в зловонную жижу. Миновав опасное место, она направлялась к облупленному мрачноватому одноэтажному дому, где в полуподвале находилась «музыкалка» [8; С. 12–13]. Постепенно, с достижениями и потерями региональная идентичность и ментальность перестраивалась с традиционной, агрикультурной – к индустриальной форме.

Известно, что «1960–80-е гг. были отмечены своеобразной однородностью этнокультурной жизни в СССР в целом и в Приуралье и Кировской области в частности. Видимо, оформившаяся новая общность «советский народ» уже не содержала мотивов для властей для радикализма. Крестьянские, теперь – колхозные, модели культуры все же воспроизводили (как фон?!) какую-то долю этничности, прикрытую новшествами» [9; С. 251].

Реалистично написанные эссе, рассказы и повести региональных писателей, важное преимущество которых – достаточная «вписанность» в действительность, предстают новыми важными источниками для этнологии/антропологии и открывают новые горизонты междисциплинарного сотрудничества для более полного, качественного анализа этнокультурного наследия Вятской губернии/Кировской области.

Примечания

1. Перминова Надежда. Дымковская расписная. – Киров: Изд.-полиграф. предпр. «Информационный центр», 1996. – 144 с.;

2. Мосунов, Б. А. Книгопечатник Лука Гребнев. Повесть и очерки. – Киров: ООО «Типография «Старая Вятка»», 2008. – 150 с.;
3. Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Традиции воспитания детей у старообрядцев в XX – начале XXI вв. (на примере Уржумского района Кировской области) // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона: 2015. Научный альманах. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015 – С. 111–118; Титова Е. И., Трушкова И. Ю. Особенности передачи культуры и мировоззрения старообрядчества молодому поколению в начале XX века на примере Вятского региона. – Вестник гуманитарного образования. Педагогика. Психология. Право. 2016, № 1. С. 116–119;
4. Перминова Надежда. Старинный альбом // Перминова Надежда. Рассказы. Новеллы. Эссе. Повесть. Антология вятской литературы. Том 1. – Киров: ФГУИПП «Вятка», 2001. – С. 191–194;
5. Костецкий В. В. Философические речи. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2000. – 252 с.;
6. Трушкова И. Ю., Балыбердин Ю. А. Трансформации ментальности и этнического самосознания населения Вятской губернии во время Первой мировой войны: история инотерриториальных влияний. Вестник ВятГГУ, 2015, № 5, С. 24–30;
7. Бакин С. В. Зима на починке // Вятский рассказ XX века. Антология вятской литературы. Том 4. – Киров: ОАО «Дом печати – Вятка», 2006. – С. 381–390;
8. Наумова Елена. Серая кошка на белом облаке.- Киров: ООО «Орма», 2008. – 288 с.;
9. Трушкова И. Ю. Национальные меньшинства в Приуралье в XIX – начале XXI вв.: вопросы истории и культурной адаптации. – Киров: «Аверс», 2014, – 396 с. – С. 251.

В. А. Поздеев

СТАРЕЙШИНА ВЯТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(о творчестве В. А. Ситникова)

Аннотация. В статье рассмотрен творческий путь одного из «старейшин» вятской литературы Владимира Арсентьевича Ситникова, произведения которого отразили все основные этапы истории большой и малой родины, проблемы вятской деревни и современные постперестроечные преобразования.

Ключевые слова: творческий путь, повесть, роман, «деревенская проза», В. А. Ситников.

В литературном процессе в Кировской области можно выделить несколько основных этапов становления прозы. [1] Первый этап – становление вятской провинциальной советской литературы начинается творчеством до-революционных писателей, которые еще активно писали, до Рапповских сборников 1920–1930-х годов. Именно в этот период в вятскую литературу вошли новые люди, «призванные» революционными порывами. Они несли идеи преобразования и в то же время изображения жизни в ее «реалистичности». В начале советского времени провинциальная литература выделяется в качестве самостоятельного явления.

Второй этап – это появление «профессиональных» писателей и организации 1930–1940-е годы. Именно тогда появляются провинциальные издательства, а также писатели становятся «профессиональными», то есть их принимают в Союз писателей. Этот этап характеризуется принятием различного рода «регламентирующих» документов, нацеленных на развитие метода «социалистического реализма». Именно проза становится основным полем развития «социалистического реализма» с изображением героя передового рабочего или колхозника, раскрытием идеологически чуждых тенденций как в жизни, так и в литературе, хотя и в поэзии элементы описательности («реализма жизни») становятся основными.

Великая Отечественная война – это особое время для вятской литературы. В этот период в эвакуации были известные писатели и поэты, которые оказали влияние на молодых людей Вятки, желающих писать художественные произведения.

Хорошо известно, что в 1950–1980-е годы в прозе провинциальных авторов появилось множество произведений о проблемах колхозов, строительства, промышленности. Сюжетные перипетии могли быть разные, но, как правило, описывались конфликты между «прогрессивными» и «консервативными» персонажами, «любвные треугольники». Произведения кировских писателей, созданные в эти годы, были также посвящены «актуальным» проблемам военной и послевоенной провинции.

Произведения кировских писателей, созданные в 1950–1990-е годы, чаще всего были посвящены актуальным проблемам провинции. О сельских тружениках, о «незаметных» людях провинциальных городков писали очерки, повести, романы многие известные писатели того времени: Аркадий Филев, Лев Лубнин, Николай Васенев, Юрий Петухов, Алексей Мильчаков, Владимир Ситников и др.

В 1970–2000-е годы в кировской (вятской) литературе безоговорочным авторитетом является Владимир Арсентьевич Ситников (1930 г.р.).

В. А. Ситников посвящает свою повесть «Русская печь» вятской деревне времен Великой Отечественной войны. Этот писатель прошел своеобразную школу очеркиста и публициста: его печатали в 1970-е годы многие центральные газеты и журналы, начиная со «Знамени», «Невы», «Нашего современника», «Правды», «Советской России», «Литературной России» и кончая «Крестьянкой». Опыт публициста позволил В. А. Ситникову подойти к осмыслению происходящего. Толчком, как отмечает автор, послужила повесть Василия Белова «Привычное дело». Он вспоминает: «Не «бывалые аксеновские мальчишки», а мужик Иван Африканович Дрыгин и его однодеревенцы. Ведь такими же были и окружавшие меня вятские мужики, мои однодеревенцы из Малого Кабанова, где я родился и провел детство. Эта книга Белова дала ключ к пониманию дневников моего деда Василия Фаддеевича. Вёл он записи с 1914 года до самой смерти, которая последовала в 1949 году. Сшитые дратвой тетради из оберточной бумаги содержали разгадку к пониманию трагической судьбы русского крестьянства. Под влиянием этих записей появилась «Русская печь», роман-хроника «Эх, кабы на цветы да не морозы», в какой-то мере роман «Свадебный круг».

Задача автора – показать в произведении «как можно точнее, ближе к жизни» те ситуации, о которых он пишет. Маленький герой повести В. А. Ситникова «Русская печь» (повесть во многом автобиографичная) вспоминает дни войны так: *«Я выносил корыто на завалинку и начинал топором рубить в нем самосадные корни, наблюдая, не идет ли почтальонка Вера.*

Я был рад, что теперь у дедушки много табаку, не то что в городе. Там все время я собирал на улицах окурки. У меня даже выработалась привычка рыскать взглядом по сторонам. Увидел окурочек – и в карман. Карманы у меня пропахли табаком. Математик косился.

– Куришь, как извозчик.

Но не мог же я ему сказать, что не курю, что дедушка собранные окурки сушит в печурке, потом получается из самосада и папиросного табака какая-то дикая смесь, от которой он жестоко кашляет.

А здесь вроде и кашель у него прошел. Может, поправится он, исчезнет у него одышка». [2, с. 370]

В. А. Ситников отмечает, что просто писал правду, потому что все его герои и ситуации в романах и повестях были подсмотрены в жизни. Так еще будучи подростком, он во время войны видел, как реагировали на вести с фронта: *«Вера была самый желанный и в то же время самый нежеланный в Коробове человек. Дедушка все ждал, что вот-вот из дому переишлют нам папино письмо. Это будет радость. Тогда и сон тот забудется. Кроме того, Вера могла рассказать о новостях, которые узнала в сельсовете и на почте. Но она могла принести и горестную весть. В зависимости от новостей по-разному вела себя тугощекая, неунывная Вера. Если вести были хорошие – не было похоронных, не сдали наши ни одного города, а наоборот, «потеснили противника», то почтальонка охотно останавливалась у каждой избы. Соломонида приветливо звала ее». [2, с. 370]*

Работая собкором областной газеты «Кировская правда», он не по одному разу объездил все районы области, а их было тогда 60, узнавал о сотнях непридуманных человеческих судеб. Его последующие романы и повести наглядно показывают, как обычная жизнь в деревне, рабочем поселке, в районном городке становится фоном, на котором происходят сложные перипетии человеческих судеб. Эти события для провинциального писателя и читателя кажутся довольно значимыми, актуальными. Интерес провинциального

читателя именно к таким «близким» темам, проблемам, заставлял и заставляет писать то, что было очерчено своеобразными границами провинциального региона.

Л. Н. Толстой писал, что наступит такое время, когда писателю не надо будет выдумывать своих героев. То и дело встречаются такие судьбы и ситуации, что и вправду выдумка ни к чему. Сам, восхищенный яркой необычной судьбой человека, писатель старается передать удивление и радость от этого знакомства. В. А. Ситников говорит о том, что услышанные рассказы, легли в основу многих сюжетов. Например, когда-то писателем была услышана история Женьки Перетягина, так появился рассказ «Женька Перетягин и товарищ Сталин». Но, чаще всего, конечно, писатель использует свою биографию и свое окружение. В этом отношении В. А. Ситников далеко не оригинален: «Жить и писать мне, отмечает автор, помогает то, что я верю в человека, что честность, справедливость, которых он достоин, одержат верх. По своей натуре я оптимист и надеюсь остаться им».

Во многих «посылах» автора чувствуется своеобразный «вятский» патриотизм, «идеализация» местного. Повести «Бабье лето в декабре» показано время, когда многие устремились в бизнес. Героини Симка и Лидия Панагушина, как их характеризует В. А. Ситников, такие «загниголовые», пытаются стать бизнесменами, но попадают в такие переделки, что сами себе не рады. А вот героиня рассказа «Жужелица» Марксина Моисеевна из разряда «жучков», которые, постигнув тайны мимикрии, выдают себя за «полезных насекомых», хотя вред от них несусветный. Близок Жужелице бывший комсомольский активист Афончик, он же Джек Барминсон, приобретший новые моральные «ценности». Но ценности ли это, если благополучие держится на обмане, жестокости и бессердечии. Писатель видит жизнь с позиций простого человека, попавшего в жернова перестройки и постперестроечного времени.

В творчестве В. А. Ситников не использует формальные эксперименты как самоцель. Он против того, чтобы применять любой новый и необычный

художественный прием, если он не позволяет более адекватно отразить глубину и сложность бытийной реальности. Эта традиция во многом перенята более молодыми вятскими писателями, которые сформировались под влиянием творчества В. А. Ситникова. Так из отдельных произведений провинциальных авторов складывалась и складывается картина реальной жизни современной деревни и провинциальных городков.

Примечания

1. Поздеев В. А. Свободный кругозор (статьи о вятской литературе). Киров, 2011. 120 с. – (Народная библиотека).
2. Ситников В. А. Русская печь // Ситников В. А. Это было недавно, это было давно... Киров: Триада плюс, 2008.

Т. А. Федяева

БУДУЩЕЕ КАК РЕТРОСПЕКЦИЯ ПРОШЛОГО: О РОМАНЕ А. А. ЛИХАНОВА «ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ»

Статья рассматривает новый роман «Оглянись на повороте» классика отечественной литературы А. А. Лиханова в литературно-критическом аспекте: дается характеристика основной проблематики романа и его жанровых особенностей, определяется место романа в современной литературе и его вписанность в отечественную традицию мемуарно-автобиографической литературы.

Ключевые слова: мемуарно-биографическая литература, хроника, автобиографический роман, ретроспекция, исповедальность.

В одном из откликов на новый роман А. А. Лиханова «Оглянись на повороте» (2016) написано, что он адресован в первую очередь поколению старшего возраста. Это, безусловно, верно, но лишь отчасти. Действительно, в романе речь идет, как в большинстве произведений А. Лиханова, о людях, «прикоснувшихся к войне своим детством», об их надеждах на «свободное от беды будущее». Вместе с тем книга является во многих смыслах итоговой: вбирает в себя основные мотивы творчества писателя и насыщена

обобщениями концептуального порядка. В этом смысле «Оглянись на повороте» обращено ко всем нам.

Ретроспективная направленность повествования заявлена в названии и в подзаголовке – «Хроника забытого времени». Повествование, по словам автора, соткано из «свидетельств забытого времени»: речь идет о 50-х годах прошлого века, о поре студенчества будущего писателя, которая прошла в Свердловске, в Уральском государственном университете, где он учился на кафедре журналистики. Несмотря на признание зыбкости воспоминаний и возникший в последних строках романа вопрос: «а было ли все это?», автор нигде не пишет об их условном характере, напротив, он ясно дает понять, что все описанное – правда без какой-либо попытки деконструкции прошлого, его необоснованного переосмысления и модных ныне игр временными пластами. Изображаемая эпоха представлена предельно реалистично: автор строго выдерживает хронологическую последовательность, не пропуская ни одного факта в изложении истории своей жизни и жизни своих современников.

Пространственные реалии романа также предельно детальны, каждая его страница – это машина времени, не отдающая забвению ни одной его черточки, ни одного имени. При этом отбор лиц и событий, на первый взгляд, не подчиняется какой-либо отчетливо выраженной идее, замысел романа весьма современен и декларирован в эпилоге – описать течение когда-то прошедшей жизни как ее естественный поток со всеми его особенностями: в книге много «случайных» для сюжетного развития лиц и событий. Это своеобразное «зеркало» прошлого, где важное и неважное отражаются с одинаковой четкостью.

В то же время новое произведение А. Лиханова выходит за рамки мемуарно-биографической литературы и представляет собой классический вариант автобиографического романа, включающий все его неизменные жанровые особенности: идентичность автора, повествователя и героя, а также сюжет, выстроенный как история индивидуальной жизни. Автор описывает

свой любимый возраст – переход из детства в юность, то есть период становления личности, когда формируется ее неразложимое ядро, остающееся навсегда.

Сохраняя, как в «Поэзии и правде» Гете и «Былом и думах» Герцена, соответствие описанной реальности фактам и придерживаясь во многом нраво- и бытописательного принципа в организации материала, имеющего целью дать образ ушедшей эпохи, повествование все же подчиняется более глубокому замыслу романного свойства: это касается и способа типизации главных героев романа, когда, по словам Г. Белинского, «каждое лицо есть представитель бесчисленного множества лиц одного рода» [1, с. 492], и высокого уровня художественных обобщений.

Эффект расширения времени в романе достигается и за счет того, что попеременно актуализируются два его основных хронотопа – времени рассказывания и времени рассказывающего. Автор романа предстает в двух лицах – он пишет о себе молодом с позиций прожитой жизни, что сопровождается оценками и размышлениями о сути когда-то произошедшего с ним и с его поколением в целом. Роман полон портретов, необыкновенно подвижных и живо написанных: будь то кассирша студенческой столовки тетя Дуся, бывшая фронтовичка, которая, рискуя быть уволенной, кормила в долг вечно голодных студентов, преподаватели или друзья главного героя – колоритнейшие Джурка Скок, Минибай, поэт Пудоль, Генка Шидрин и другие. В романе собрана поистине чеховская энциклопедия характерных лиц и событий того времени, прекрасно дан образ языка того времени.

Роман, таким образом, можно вполне рассматривать как оду памяти и утверждение казалось бы простой мысли – «прошлое существует». Оно действительно возвращается к нам, материализуется на страницах этого романа – семейного альбома поколения пятидесятых.

Новой книге А. Лиханова свойственна необыкновенная искренность и открытость, часто приближающаяся к исповедальности герценовского типа,

что отличает «Оглянись на повороте» от других произведений этого жанра, вышедших в 2000-е годы, к примеру, от романа-идиллии А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», в котором акцент на фактографичности повествования предполагает выдвигание на первый план внешней, событийной стороны жизни, тогда как в романе А. Лиханова отражение внешнего и внутреннего – развития личности главного героя – гармонично уравновешены. Высокая степень типизации образа главного героя проявляется в том, что имя его не названо. И это не случайно: сохраняя индивидуальные черты, он представляет собой обобщенный портрет своего поколения.

Среди трех моделей автобиографического романа, выделенных Е. М. Болдыревой в исследовании «Автобиографический роман в русской литературе первой трети XX века» (1999) – национально-религиозной (И. Шмелев «Лето Господне»), феноменологической (И. Бунин «Жизнь Арсеньева») и социально-политической (В. Короленко «История моего современника»), роман А. Лиханова несомненно принадлежит к последней, но вместе с тем вбирает в себя, согласно современной тенденции развития литературы, стремящейся к жанровому синтезу, черты первых двух разновидностей автобиографического повествования. Продолжая герценовскую и короленковскую традиции, писатель конципирует личную жизнь как часть истории страны, выходя при этом за рамки мемуарно-биографического романа за счет активизации концептуальной составляющей повествования. Этот роман не только, по удачной формулировке В. Солоухина, «рассказывает», но и стремится «сказать» [3, с. 3], то есть сформулировать важные мировоззренческие послы.

Главный сверхсюжетный образ романа – время, которое предстает в двух обликах – как конкретно-историческое – середина 50-х годов, и как философская величина. Замысел романа безусловно, во многом вырастает из стремлении автора заново прожить молодость, но главная задача произведения – написать о неподвластных времени константах жизни в их историче-

ских и нравственных первоосновах, поэтому «Оглянись на повороте» – это роман-размышление, роман-завещание, роман напутствие. Его сквозной пафос – «в том, что человек должен, реализуя различные возможности и, тем самым, выстраивая свою биографию, найти свое место в истории, прожить не случайную и для истории, и для себя самого жизнь» [2, с. 118].

А. Лиханов не использует свой текст как политическую трибуну, чтобы рассказать о своих взглядах, хотя и об этом тоже идет речь. Например, писатель нигде не употребляет расхожего определения своего поколения – «шестидесятники». Это слово скорее было приложимо к столичной жизни, а не к провинциальным центрам, об одном из которых он пишет. Автор явно не относит себя к тому лагерю, из которого позже сформировался либерально настроенный круг нашего общества. Маркером, разделившим наше общество, стало отношение к Сталину, достаточно подробно описанное. Эта тема поднимается в начальных главах и проходит через все повествование одним из лейтмотивов, но не педалируется и не обрастает лозунговыми заявлениями. Речь идет скорее о болезненной для юности проверке на прочность веры в идеалы и веры в свою страну, с которой было неразрывно связано это имя. Как и многие проблемные пласты романа, объединяющие то и наше время, «тогдашнюю» и нашу жизнь, тема Сталина и сталинизма не получает односложного решения.

Роман полон открытых финалов, это касается и того обстоятельства, что в нем нет публицистически высказанной магистральной идеи социально-политического порядка, есть острое ощущение родства ушедших пятидесятих и сегодняшних лет как поворотных в истории нашего отечества, желание оставить этическое завещание, передать эстафету времени новым поколениям, которые, может быть, узнают себя в героях романа, а если нет, то задумаются о том, почему в наши дни произошло отклонение от нравственных камертонов, о которых постоянно напоминает писатель в кратких полемических отступлениях. В романе ясно чувствуется ностальгия по утрачен-

ной личностной мировоззренческой цельности и тому типу сознания, который жил осознанием себя как части целого – коллектива, общества, страны. И конечно, «Оглянись на повороте» – способ компенсировать отсутствие той, родной и позитивной атмосферы пятидесятых, когда люди еще доверяли друг другу, когда понятия дружбы и любви были священны. Нельзя сказать, что в этом утверждении прошлого как положительной оппозиции настоящему энтропийному состоянию мира заключается последний смысл произведения. Нет, А. Лиханов не создает миф о Советской России как об идеальном мире и золотом веке, он далек от умиления по поводу ушедших лет. Учительное начало романа не агрессивно, оно пронизано лиризмом и надеждой на обретение нашим обществом утраченных смыслов человеческого существования и позитивной исторической перспективы развития России.

Описав времена своей молодости, А. Лиханов освободил их от власти времени и выстроил семиотический код сохранения русской ментальности, который стар как мир: не забывай своего прошлого, взглядишь в лица своих родных – родителей, бабушек, дедушек. Они жили верой в свою страну и в свой народ. Встань в этот ряд: только тогда у нас появится спасительное для всех будущее.

Примечания

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 томах. – М.: Издательство Академии наук СССР, т. X, 1954. – 806 с.
2. Савинков С. В. Мемуаристика / Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной, 2008. – 358 с.
3. Солоухин В. А. «Рассказать» и «сказать» / Литературная газета. – 1966, 11 июня.

ТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНА НАУМОВОЙ: ДИАЛОГ АВТОРА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Аннотация: статья раскрывает опыт прочтения книг Елены Наумовой, в которых автор обращается к теме памяти о войне. Анализ стихотворений и отзыв о прочитанной книге «Четверо из семьи Ермаковых» объединяет мысль «семейная».

Ключевые слова: творчество, проза, стихотворение, читательское восприятие, сквозная тема исторической памяти.

В творчестве кировской поэтессы и прозаика Елены Наумовой военная тема стала «мыслью семейной», потому что её мама и родные были участниками войны, и их судьбы становились источником творческих замыслов и сюжетов, документальных повествований и поэтических строк. День Победы отмечался в семье Елены Наумовой и как государственный, и как личный, семейный праздник. Неслучайно, в каждом новом поэтическом сборнике поэта стихотворения-размышления о войне и её истории находили своё место. «Память сердца» сохранила благодарность поколению защитников родины. Поэтическим образом рифмуется история страны, читательский опыт и жизнь семьи каждого человека с судьбой своего народа.

Памяти мамы Майи Андреевны Наумовой, участницы Великой Отечественной войны, посвящены три стихотворения. Они объединены не только военной темой, но главным мотивом – диалогом прошлого и настоящего, неразрывной кровной связью матери и дочери. Именно дочка, родившаяся после войны, нашла в своём сердце такие слова, которые выразили внутренний драматизм жизни девушек, ушедших на фронт народной войны, «перехитрив военспецов».

Лаконичное и пронзительное стихотворение:

По семьям были похоронки,
Когда за братьев и отцов
Вставали яростно девчонки,
Перехитрив военспецов.
И снились срезанные косы,
И пахла порохом земля,
И жизнь стояла под вопросом
Не раз

и мамы,

и моя [2, с. 28]

Автор обозначает сразу самую болевую точку каждой семьи в страшном слове войны – «похоронки». Оно вынесено в первую строчку, оно подчеркивает общность каждой семьи с горем народа, родство отражает лексический выбор – «братья, отцы, мама, девчонки». И молодость, и женственность в одном слове – «срезанные косы» – утрата юности и красоты девичьей. И простота повествования поднимается до философского обобщения – взгляда в будущее, когда «жизнь стояла под вопросом» каждый день и час. Переход строчек стихотворения в лесенку подчеркивает эмоциональную «силу» паузы, когда слезы стоят в горле и волнение прерывает дыхание.

Этот нерв военного времени, моментально определивший зрелость молодых лейтенантов и юных зенитчиц, переживается послевоенным поколением как личное горе и испытание, как история семьи, отраженная в тексте как рукотворном памятнике. И Елена Наумова его создает в художественно-документальной повести «Четверо из семьи Ермаковых» [3].

Стихотворение «У мамы пропала шинель» [2, с. 30] закольцовано одной строчкой, обозначающей силу конфликта двух эпох – памяти и беспмятства, ведь любому ясно, кто и когда носил шинель. «Хранила» шинель не как одежду, а как знак истории военной жизни, поэтому она и не вошла в перечень старых вещей. Стихотворение остается в памяти с первого прочтения, в нем слова как слезы обиды.

Тема женской судьбы на войне открывается перед новым поколением читателей со всей своей художественной силой, от стихотворений Юлии Друниной и повести Бориса Васильев «А зори здесь тихие...» до страшных списков погибших санитарок, снайперов, зенитчиц, партизанок, летчиц... и семейных архивов, хранивших фотографии и письма с фронта.

Стихотворение «Письмо с острова Ханко» [2, с. 30] – это ещё одно посвящение, но уже дяде Елены Наумовой, летчику-истребителю, который погиб в первые дни войны. А мама его бережет «стертый треугольник» и похоронку вместе с надеждой на свидание с сыном. В пересказе сюжета сухой факт, а в поэтических строчках слезы любви и верности материнского сердца.

В стихотворении «Сергуха» поэтический дар Елены Наумовой открывает читателю связь кровного наследства деда и внука: «оставил дед в наследство внуку характер, имя и глаза» [2, с. 31].

И плакал маленький Сергуха
На зеленеющей траве,
Но гладить жалостным старухам
Не дал себя по голове.

От темы прошедшей войны Елена Наумова переносит свой взгляд в семью послевоенного времени, размышляет о будущем сына в стихотворении «Не покупаю сыну пистолета» [2, с. 35]. Игра в войну и убийство разрушает покой матери и пробуждает тревожные мысли о хрупкости мира и жизни на земле.

Творчество Елены Наумовой обращено к молодым, к тем, кто войну знает по книгам и фильмам, поэтому так важно, чтобы новая художественно-документальная повесть Елены Наумовой «Четверо из семьи Ермаковых» [3] нашла своих читателей. Приведу пример отклика студентки филологического факультета Ершовой Евгении Сергеевны:

«Давно, ещё школьницей, я прочитала повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» [1] и была восхищена характерами девушек, их преданностью своей родине. Я всё думала, как бы сложились их судьбы, если бы они остались живы. И вдруг сейчас, когда я учусь в университете и уже работаю в школе, читаю со своими учениками книги о войне, мне в руки приходит документальная книга вятского автора Елены Наумовой, где она рассказывает о своей маме, прошедшей войну и вернувшейся живой из зенитного полка. Неожиданно сюжет повести Бориса Васильева получил своё «живое» продолжение, углубил впечатление от одноименного фильма и стал «ключом» к пониманию источника героических сил народа-победителя. Моя семья хранит как реликвию ордена, военные записи, юбилейные медали прадеда Санникова Александра Авдеевича. Героем он вернулся домой, потеряв зрение, рассказывать о сражениях не любил. До конца его жизни рядом с ним была его жена – Санникова Мария Петровна, которая с самого детства трудилась для фронта в колхозе. Прабабушка была награждена медалью за героизм в тылу, чем я безмерно горжусь.

Я поняла, что каждый солдат знал, за что сражается: за ним стояли дом, семья и Родина. Их ждали жены и матери, вопреки времени, обстоятельствам и похоронкам, облетевшим каждую семью в нашей стране. О войне мои ровесники и мои ученики знают только из книг и фильмов, но как важно, чтобы история семьи хранила память о своих героях. Поэтому и всенародно любимая книга Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» и книга Елены Наумовой «Четверо из семьи Ермаковых», и память о прадедушке в моей семье – это «бессмертные» страницы истории войны Великой, Отечественной, народной, о которой можно сказать словами Льва Толстого: «Всем народом навалиться хотят...»

Как спешит время залечить раны войны, в 1969 году была опубликована повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие», она открыла тему женской судьбы на войне. Читая страницу за страницей, читатель узнавал исто-

рию жизни и характер каждой из пяти самоотверженных девушек-зенитчиц: Риты Осяниной, Жени Комельковой, Лизы Бричкиной, Сони Гурвич, Гали Четвертак. Всем этим девушкам было не больше двадцати, всем им хотелось счастья, у каждой были свои мечты.

Финалом повести служат слова коменданта Васкова: «... Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли...» [1, с. 125]

Почему же «зори здесь тихие»? Возможно потому, что природа Карелии, такая тихая и благословенная, своей тишиной оберегает «вечный покой» пяти девушек, остановивших здесь фашистов. Автор повести помог каждому читателю пережить их горе и подвиг, благодаря силе и искренности своего слова, писательского дара, человеческого достоинства. Боюсь патетики, но героизм русских женщин, их сила и мужество в такие страшные для страны годы вызывают восхищение.

Оказалось, что подобная тема близка поэту родом из Вахрушей Елене Станиславовне Наумовой, ведь ее мама воевала в зенитно-прожекторном полку. История Великой Отечественной войны не обошла ни одного из «семьи Ермаковых». Каждая глава из одноименной книги: «Летчик», «Учитель», «Музыкант», «Мама» – раскрывает историю одного из членов семьи Елены Станиславовны. Книга дополнена стихами, семейными фотографиями, точными данными, полученными благодаря работам в архивах, письмам от людей со всей России.

«Летчик», Виктор Андреевич Ермаков, героически погиб над морем в одном из боевых действий над Балтикой. «Учитель» – Михаил Андреевич Ермаков – преподаватель физики и математики. Ему полагалась броня, он мог остаться в тылу. Но он стал добровольцем и погиб в концлагере. Родоначальником талантливых музыкантов в семье стал Аркадий Андреевич Ермаков. Вернувшись домой весной 1948 года, он узнал, что его любимая невеста Нина умерла. Боль со временем не прошла, «но притупилась».

Мама Елены Станиславовны, Майя Андреевна Ермакова, прибавив в документах свой возраст, в шестнадцать лет отправляется на фронт, не обсудив свое волевое решение даже с мамой. Она становится добровольцем и служит в 37-м зенитно – прожекторном полку. Более всего Майю поразило случаем, когда подбитый немецкий самолет был уничтожен самими же немцами. «У фашистов, видимо, так заведено: на земле, на воде и в воздухе убивать слабых. А у нас – советских воинов... всегда во главе угла была крепкая солдатская дружба, взаимовыручка и девиз: «Сам погибай, но товарища выручай!»

Тяжелое военное и послевоенное время вся страна переживала одной семьей, все работали на победу. Из поколения в поколение по сей день передаются истории, воспоминания, памятные вещи. Это и является нашим святым долгом, потому что подвиги героев Великой Отечественной войны живут до тех пор, пока живы воспоминания о них».

Память о своем прошлом является духовным наследством каждой семьи. И пусть оно будет нетленным и подлинным, сохраняется в семейных альбомах, преданиях, художественных книгах. Литературное краеведение дает возможность студентам расширить свои знания о писателях Вятского края и найти ответы на вопросы:

1. Какие темы в творчестве являются ведущими?
2. Какие произведения автора прочитаны и изучены?
3. Какие стихотворения остались в памяти и выучены наизусть?
4. Какие перспективы чтения определены?
5. С какими авторами в процессе изучения литературного краеведения прошли встречи и состоялись диалоги?

Елена Наумова внимательно вслушивается в «шум времени», герои её повестей и рассказов откликаются на проблемы современной молодежи, поэтому её книги интересны и студентам, и школьникам. Они как читатели откликаются на вопросы исторической памяти, нравственного выбора, сохра-

нения традиций семьи и народной мудрости. Именно поэтому её новые книги находятся в центре внимания научных исследований филологов и краеведческих семинаров [4].

Примечания

1. Васильев Б. А зори здесь тихие... – М.: ЭКСМО, 2015. – 126 с.
2. Наумова Е. С. Цветок папоротника. – Киров: О-Краткое, 2009. – 400 с.
3. Наумова Е. С. Четверо из семьи Ермаковых. – Киров: 2015. – 128 с.
4. Наумова Е. С. От земли до небес. – Киров: Кировская областная типография, 2017. – 236 с.

А. Е. Ануфриев

ЛИРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ НАДЕЖДЫ МОХИНОЙ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые мотивы и образы в стихах вятской поэтессы Надежды Мохиной. Показаны истоки ее творчества, доминантные лирические сюжеты. Особое внимание уделено последнему сборнику стихов «Эхо молчания», вышедшему в 2017 году.

Ключевые слова: композиция, мир повседневности, романтическое видение, пейзажные зарисовки, вечные темы, переходные состояния.

Творчество вятской поэтессы Надежды Мохиной стало известно читателям и многогранно раскрылось в 90-е годы прошлого века, когда в коллективных сборниках, вышедших в Кирове, Вологде, Москве были напечатаны ее стихи, а в 1993 году опубликована первая книга – «Мой жребий». За ней последовали и другие: «Любовь всегда права» (2000), «Исчезновение миражей» (2004), «На границе осени и лета» (2007), «Избранное» (2010), «Душа без грима» (2013), «Чтобы звезды сияли» (2015), «Эхо молчания» (2017).

Н. Мохина – член Союза писателей России (2002), лауреат и дипломант Всероссийских конкурсов поэзии в рамках фестиваля «Гринландия» (2011, 2012), лауреат Международной премии «Филантроп» (2014), Международного конкурса «Небесный гость» (2016).

Важнейшее место в творчестве Н. Мохиной занимают «вечные» темы: жизнь и смерть, любовь и ненависть, вера и безверие, смысл и назначение искусства, судьба поэта и его пророческий дар.

В облике поэта она выделяет прежде всего его самобытность, индивидуальность, особую неприкаянность, предназначенность жребию:

Подержала судьба на весу
И разжала ладонь – жребий брошен
Мне ниспослано, я и несу
Этот крест, эту боль, эту ношу [1, с. 92].

Однако это не отчуждает ее от мира повседневности с его природным великолепием и многообразием. Стихи Н. Мохиной органично вырастают из круговорота времен года, они насыщены природными образами и ассоциациями. Солнце «катится огромным красным блюдцем («Зима пришла на Масленой неделе»), март «куролесит» («Март»), «выходит заря в бледно-розовом платице» («Майские ночи»), дождь «буйно кудесит, шалит и кружит» («В грозу»), листья «шепчут тайну осеннего сада» («Праздник листопада»), ветви деревьев «закутаны в седые кружева» («Морозный рассвет»), а ветер «пересчитывает жадно золото монетное листвы» («Сентябрь»).

Природа в стихах Н. Мохиной – это не фон, не декорация, а сложный мир, который вбирает в себя человека, определяет его ценность и значимость. Но это не некая абстрактная природа, а суровый, северный провинциальный край, требующий от людей, живущих в нем, полного напряжения физических и моральных сил, терпения, нравственного здоровья. Поэтесса с благоговением относится к родному краю, противопоставляя его шуму и блеску столиц:

Там, где небо бездонной сини,
Где в узорах резных дома,
Там она и живёт, Россия:
Вятка, Вологда, Кострома.

Не в кипящем роскошном блеске,
Не в реклам золотых огнях,
А в берёзовых перелесках,
В васильковых живёт полях.

Если хочешь черпнуть ты силы,
Что-то сердцу дать и уму,
Отправляйся пешком в Россию:
В Вятку, Вологду, Кострому [1, с. 69].

Н. Мохину часто влекут к себе драматические, напряженные, переходные состояния окружающего мира, как, например, в пейзажных этюдах «Есть наш август», «Октябрьский полдень», «Осенний вальс», «Чтобы звезды сияли». Перед ее мысленным взором проходят дорогие сердцу приметы «малой» родины и ее люди («Родительский дом», «Моим родителям», «В бабушкином доме», «Любимой учительнице»).

Стихи Н. Мохинной начала XXI века отмечены естественностью и простотой, поисками гармонии и ясности. Вместе с тем она воссоздает противоречивую и сложную душу современника, пытается уловить и запечатлеть в слове глубинные оттенки переживаний, порой неясных, напряженных и тревожных:

Как мир изменчив, многолик,
В нем через край и бед, и смеха.
Все в жизни коротко, как вскрик,
И только долго бродит эхо.

Я этот краткий миг ловлю,
А он взлетает, словно птица,
И опоздавшее «люблю»,
Как отзвук юности, промчится [2, с. 44].

В творчестве Н. Мохиной возникает особый сплав обыденного и возвышенного, реалистического и романтического видения, простоты и сложности. При этом она всегда остается сама собой, не подражая чужому голосу, следуя своей дорогой:

Не сгибаюсь, ветрам вопреки,
На далекой тропе не теряюсь
И с течением бурной реки
Я справляюсь, пока что справляюсь

Так и жить: на любом витраже
Быть своим убеждениям верной,
У костра – обожженной душе,
На ветру – обнаженному нерву [4, с. 92.].

Новой книге стихов поэтесса дала, на первый взгляд, несколько странное и загадочное название – «Эхо молчания» (2017). «Как же так? – спросит читатель. – Разве может быть у тишины эхо?» И как это соотносится с рождающимся и звучащим словом?

Но когда вчитываешься в строчки ее стихотворений, то начинаешь понимать, что это метафорическое заглавие появилось отнюдь не случайно. Многие стихи (и в первую очередь из раздела «Взгляд в себя») посвящены тайному, напряженному, требующему нередко полной отрешенности и похожему на наваждение творческому процессу. А его истоки – в той тишине и молчании (нередко ночных), которые являются составной частью жизни поэта. Из беззвучия и немоты пробиваются звуки, воплощаясь в строки стихов, которые вызывают эхо в душах читателей:

Выплеснуться, вылиться, смешаться
С темнотой,
Крикнуть, эхо ждать и восхищаться
Немотой.

Выплеснуться в темень из комфорта
Наугад...
Небо из разорванной аорты
Льет закат [5, с.14].

Надежда Мохина не боится быть откровенной, рассказывая о муках творчества, о нерожденных стихах:

Нерожденные строчки нельзя удержать,
У несказанных слов не появится эхо.
И когда их нельзя
прошептать, прокричать,
То от них не случится
ни плача, ни смеха [5, с. 19].

Вместе с тем для нее таинство творчества состоит в победе вольного и свободного стиха над повседневностью и обыденностью. Такой стих лечит душу и помогает преодолеть невзгоды:

Вырываются на волю стихи –
В этом истина и в этом их соль.
Искупаются страданьем грехи
Исцеляется поэзией боль [5, с. 22].

Автор утверждает, что ей чужды высокопарный стиль, ложное изящество и гладкопись, а у каждого сказанного поэтом слова есть своя высокая цена.

У сказанного слова есть цена,
Порой она равняется надежде,
Решению судьбы.
В ней выбор между
Неведением
и знанием – до дна [5, с. 29].

В качестве заглавия для второго раздела книги Н. Мохина взяла строчки одного из стихотворений А. Ахматовой, в котором она назвала любовь «пятым временем года». Из этого, казалось бы, несуществующего времени увидены все остальные четыре, обычные. В состоянии любви мир видится по-иному, открывается заново. Поэт воспринимает действительность обостренно, обнажившимся сердцем, останавливая внимание на тех мгновениях, мимо которых равнодушно проходят другие:

Мгновений кратких – за волной
Помчаться к призрачной надежде,
Что снова рядом ты со мной,
И та же боль, и та же нежность.
И вот – то гирею ко дну,
То ввысь с волною окрылённо...
В тебе, как в омуте, тону
И не желаю быть спасённой [5, с. 32].

Любовь в стихах Н. Мохиной предстает как многоликое и загадочное явление, то озаряющее счастьем и вдохновением, то ввергающее в печаль и грусть:

И есть что вспомнить и перелистать
Стихи, как душу,
То в солнце искупаться, то опять –
В седую стужу

И удивляться: столько виражей
И так штормило!
...Вино любви несбывшейся моей
Перебродило [5, с. 26]

Но чаще всего любовное переживание проявляется в кризисном состоянии, связано с разлукой, расставанием и воскрешается лишь по каналам памяти:

Но счастья крупницы оплачены мукой
Как сладкую тайну, ее открывая,
По краю любви мы прошли до разлуки,
А ей ни конца не увидим, ни края [5, с. 41].

Третий раздел книги («Неразрывная нить») посвящен воспоминаниям о детских и юношеских годах, об отце и матери, об ушедших семейных праздниках и трудовых буднях. И вполне естественно, что эти воспоминания несут на себе печать идилличности и возвышенности. Н. Мохина говорит о пережитом в ранние годы с особым чувством нежности и причастности. Деревня в глубинке, дом на угоре в четыре окна, желтизна осенних березовых кос, льняное поле, расцвеченный золотом луг, озера сохранившихся стариц, небесная лазурь – все это воссоздается поэтом как светлый сон и сказочное видение.

Я помню картину цветущего льна
(Сейчас на полях этих – сосенки),
Как будто бы небо плеснуло сполна
На землю лазури и просини.

Пред взором видение древних времен
И воздухом прошлого дышится
И крошечных этих цветов миллион
При ветре, как море, колышется [5, с. 37].

В стихи же о современной деревне врываются иные мотивы и образы. Боль и жалость, сострадание и печаль овладевают душой поэта при виде забытых богом и властями деревень, заросших осинником полей, расхлябанных дорог. Поэт в отчаянии восклицает:

Да разве же он один, медвежий угол?
Таких углов в России – там и тут.
И пояса затягивают туго
Те, что еще в таких краях живут.

Края пустых полей, гниющих срубов
Да безнадегой истомленных лиц.
По всей стране –
сплошной медвежий угол...
Но жаль, углов не видно из столиц [5, с. 49].

Но вопреки всем бедам и невзгодам поэту хочется верить, что возродится родная сторона, напомнив миру о мощи и красоте России.

Ты сумеешь еще,
Разметнешься всей ширью,
Чуя славную силушку прошлых побед,
И расправишь
свои журавлиные крылья,
Разольешь на весь мир
свой березовый свет [5, с. 55].

Стихи Надежды Мохиной в высшей степени естественны. Рожденные ею образы – не плод ухищрений головного сочинительства или столь модного сейчас экспериментаторства. Они – эхо свободного и живого слова, чуткого ко всем радостным и печальным мгновениям бытия.

Примечания

1. Мохина Н. Чтобы звезды сияли. Стихи. Киров: Народная библиотека, 2015.
2. Мохина Н. Исчезновение миражей. Киров: Народная библиотека, 2004.
3. Мохина Н. Чтобы звезды сияли. Стихи. Киров: Народная библиотека, 2015, с. 92.
4. Мохина Н. Эхо молчания. Стихи. Киров, 2017.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭЗИИ АГЛАИ СОЛОВЬЕВОЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию роли литературных и кинематографических имён собственных в поэтическом сборнике А. Соловьёвой «Праздник номер ноль». Современная поэтесса использует много имён, отсылающих к другим литературным текстам и авторам – как русским, так и зарубежным, присутствуют в ее поэзии также имена героев известных фильмов. В исследовании выделены следующие группы имен собственных: антропонимы писателей, обращение к именам собственным, отсылающим к образам, воссозданным в литературе и в кино. Поэтонимы служат для поэтессы средством выражения её рефлексии и эмоций. В одних случаях поэтесса использует литературные и кинематографические имена, раскрывая собственные переживания через традиционное, известное читателю восприятие того или иного писателя или героя. В других случаях А. Соловьёва вступает в полемику с традиционными концепциями, выражая свой личный, далеко не всегда оптимистичный взгляд на такие традиционные ценности, как любовь, красота, мечта, вера в чудо.

Ключевые слова: поэзия XXI века, интертекстуальные связи, аллюзия, имя собственное, антропоним, поэтоним, функции имен собственных.

Аглая Соловьёва – поэтесса, актриса, сценарист. Родилась в 1985 г. в Кирове. Училась в 14 школе, закончила филологический факультет ВятГГУ, ВГИК. Она является лауреатом многих литературных конкурсов и фестивалей, победителем Волошинского конкурса в номинации "киносценарий", проходившего в 2016 году в Коктебеле. Соловьёва – постоянная участница поэтических слэмов в Москве и других городах, участница проекта «ВСЛУХ» телеканала «Культура».

Поэзия А. Соловьёвой привлекает широким культурным фоном, что предопределяет присутствие в ее творчестве интертекстуальных отсылок к «чужому» тексту. Одним из приемов подобных отсылок является широкое использование прецедентных (литературных и кинематографических) имен собственных.

Данное исследование посвящено выявлению функций прецедентных имен в поэзии А. Соловьёвой. Выбор материала обусловлен малой изученностью творчества поэтессы, обилием имен собственных в её произведениях и их культурной маркированностью.

Имена собственные появились ещё в каменном веке. Исследованием имен собственных занимались философы и ученые с античных времён. Особенности антропонимов и их функции рассматривались многими исследователями. Например, А. Соломоник отмечал, что имена собственные всегда соотносятся с отдельными предметами, а имена нарицательные обозначают целый класс однородных предметов, обобщая их в единое понятие [9, 280]. Современная антропонимика среди всех имён собственных выделяет в отдельную группу имена собственные, используемые авторами в художественных произведениях, – поэтонимы. В «Словаре ономастической терминологии» дается следующее толкование: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [7, с. 152]. Образуя особую группу, эти имена собственные имеют свой функционал. Так, Ю. А. Карпенко пишет: «В языке основной функцией собственных имён является функция дифференциальная (она же – номинативная или идентификационная). Функциональная трансформация собственных имён в художественной литературе прежде всего и заключается в том, что приоритет дифференциации (номинации) отступает под натиском стилистики. И главную функцию собственных имён в художественной литературе можно назвать стилистической» [5, с. 36–37]. При этом стилистическая функция, по мнению всё той же Карпенко, может быть информационно-стилистической (национальная, социальная, идеологическая принадлежность и другие параметры) или эмоционально-стилистической (вызывает у читателя определённые чувства, формирует его отношение к изображаемому [5, с. 37]. Похожей точки зрения придерживается и С. И. Гарагуля: «В многочисленных исследованиях, посвященных изучению поэтонимов, отмечаются их огромные экспрес-

сивные возможности, способность служить одним из важнейших средств создания образной ткани произведения, воплощения авторского замысла.» [1, с. 24]. Так, среди прочих художественных задач, мы, вслед за В. В. Гуревичем, отмечаем, что «слыша собственное имя, мы «переводим» его для себя, связывая с каким-то заранее известным конкретизирующим описанием или зрительным образом» [2, с. 16]. Такое имя, являющееся знаком-символом, хранящим культурно-историческую информацию, принято трактовать как аллюзивный антропоним или прецедентное имя.

При анализе поэтонимов в лирике А. Соловьёвой мы будем опираться на референтивную функцию языка, которая сориентирована на контекст и представляет собой отсылку на объект, о котором идет речь в сообщении. Отбор и анализ единиц исследования осуществлялся с использованием метода сплошной выборки из последнего сборника стихов А. Соловьёвой «Праздник № 0». Анализируя имена собственные в поэтическом сборнике «Праздник номер ноль», мы выделили следующие группы: образы, воссозданные в литературных произведениях; поэтическая трактовка образов, являющихся персонажами известных кинофильмов.

Так, привлекает современную кировскую поэтессу известная сказка о мальчишке, умеющем летать. «Питер Пэн» – одна из самых известных западных сказок в России. Но у Соловьёвой эта сказка получает новое прочтение. Аллюзия к сказке усиливает антитезу между реальной жизнью и волшебным миром. Питер Пэн – мальчик, который не хочет взрослеть. Он вечно остается юным. Лёгкость, беззаботность, непохожесть на всех – его главные качества. В одном из своих стихотворений, обращенных к Питеру Пэну, лирическая героиня Соловьёвой противопоставляет реальный мир и сказочной мечте, этот контраст подчёркивается в том числе и частицей *ли*: «Хороший мой, едва *ли* / Моя ванна глубже твоих глаз...» [8, с. 18]

В поэзии Аглаи Соловьёвой возникают также аллюзии с творчеством Н. М. Карамзина. Так, современная поэтесса в одноименном стихотворении упоминает «бедную Лизу», девушку, любовь которой предал её возлюбленный. Поэтому:

...рана никак не становится шрамом.
И сказочным принцам
Придётся разбиться
О стену её нелюбви. [8, с. 33]

Ещё одна аллюзия к литературным персонажам звучит в стихотворении «ХЛАМ». Обращаясь к художникам, литераторам, артистам и музыкантам, поэтесса говорит: «Вы вымышленный персонаж./ Забарахлившая Суок» [8, с. 71]. С одной стороны, Суок – это реальная женщина, жена Олеси, и в то же время это имя девочки-циркачки из сказки «Три Толстяка», прототипом которой стала сестра жены писателя. С другой стороны, Суок – кукла, но в сказке звучит мысль, что Суок – вся жизнь.

Включается в сферу поэтического мира А. Соловьевой и баронесса Мюнхгаузен. Реальное историческое лицо, но известно о ней мало. Дочь рижского судьи, жена всеми известного барона Мюнхгаузена, имя которого стало нарицательным. Барон – персонаж многих литературных произведений. Впервые о нём написал Рудольф Эрх Распе, по мотивам книги которого в 1980 году в СССР был снят фильм «Тот самый Мюнхгаузен». Центральным персонажем в нём является баронесса Якобина Мюнхгаузен. Это волевая, целеустремлённая женщина, всегда знающая, что она хочет. Она не смогла жить с бароном, который верит в чудеса и рассказывает удивительные истории, похожие на сказки. Так, сама фамилия Мюнхгаузен настраивает читателя на неправдоподобность истории, сказочность, что усиливается образом лирического героя-принца. Образ Якобины Мюнхгаузен соединяется с образом лирической героини и раскрывается в строчках:

«Я видел Вас в лесу, я Вас спасу, –
Он говорит мне алым ротом. –
И на руках до замка донесу.»...
...Я баронесса, принц,
Мюнхгаузен [8, с. 25].

Лирическая героиня стихотворения А. Соловьевой «Мюнхгаузен» соотносит себя с образом баронессы Мюнхгаузен, тем самым подчеркивая свою неспособность верить в чудо, бездумно доверяться тому, кто выдает себя за принца. В то же время в этом образе возникает ассоциация с извечной дисгармонией мечты и действительности, разумных практических планов и чудесных фантазий. Дисгармония мира мечты и реальности предопределяется обращением к образу, воссозданному в известном кинофильме режиссера М. А. Захарова.

Другое известное произведение, к которому присутствует отсылка у Аглаи Соловьёвой, трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта». В стихотворении «Я так ждала... Какого черта!» имя Джульетты соседствует с именем другой известной самоотверженно влюблённой женщины: «Ни Пенелопа, ни Джульетта / Такой не ведали любви» [8, с. 84]. Пенелопа – образец верности и преданности. Она в течение двадцати лет ждала возвращения своего мужа и отказывала всем женихам, коих было, согласно Гомеру, более ста. Данные аллюзии усиливают ощущение ожидания единственного возлюбленного. И тем интереснее тонкая ирония Соловьёвой, когда возлюбленным, разочаровавшим лирическую героиню, оказывается холодное лето:

Три месяца сплошного лета!
Двенадцать градусов жары! [8, с. 84]

С образом Джульетты мы встречаемся еще в одном стихотворении А. Соловьевой, где также упоминаются и другие героини Шекспира:

Есть Джульетты, Офелии и Гекубы.
В списках этих девочек где-то я. [8, с. 63]

Образ Офелии, героини шекспировского «Гамлета», традиционно воспринимается как трагический, подчёркивающий обречённость любви в зем-

ном мире. Гекуба – в мифологии вторая жена Приама, после взятия Трои её муж был убит, сама она попала в плен. Не желая быть пленницей, превратилась в собаку и окаменела. Все указанные шекспировские героини испытали любовное отчаяние, преждевременно закончили свою жизнь из-за любовной тоски. Встраивание лирической героини Аглаи Соловьевой в один ряд с этими тремя литературными образами позволяет нам понять всю любовную тоску «хрустальной девочки», готовой разбиться из-за любви.

Кроме Пенелопы, в творчестве Аглаи Соловьевой присутствуют и другие отсылки к древнегреческой мифологии. Так, например, в стихотворении «Кем ты работаешь? Печь топлю...» упоминается Галатея. Галатея – журнал, статуя, мифологический персонаж. Интересна игра омонимами:

Я и твою Галатею сжѐг.

Хорошо горела.

Ты не сердись на меня, дружок [8, с. 24].

Галатея – журнал, издававшийся в Москве в 1829–1830 годах С. Раичем (Амфитеатровым) еженедельно. Стихотворения в журнал давали Пушкин, кн. Вяземский, Баратынский, Тютчев, Шевырев и др. Строка «Но напрасно ты свою душу в её тело вложил» [8, с. 24] отражает следующую мысль: душу вкладывают все создатели в свои творения, будь то журнал, или статуя:

– Вы, должно быть, тоже были в неё влюблены?

– В кого? В статую с белой кожей? [8, с. 24]

В стихотворении возникает аллюзия к мифу о Пигмалионе и Галатее. Пигмалион был скульптором, который вырезал из слоновой кости статую и полюбил её. Тронутая такой любовью Афродита оживила статую, которая стала женой Пигмалиона. Герой же стихотворения Соловьёвой несчастлив в любви, поэтому его собеседник без сострадания сжигает любовь и воспоминания в печи: «Я и твою Галатею сжѐг./ Хорошо горела» [8, с. 24].

Дальше в стихотворении продолжается аллюзия к мифам Древней Греции. Собеседник, готовый исцелить героя, испытывает удовлетворение от собственной неспособности к чувствам, называет себя Нарциссом, способным любоваться, но не любить. Человек, названный Нарциссом, избавляется от всего, что может тревожить душу: «жгу без оглядки складки / Королевского платья / и воспоминания о том, о сём» [8, с. 24]. Через образы мифологических персонажей Соловьёва показывает, что, разочаровавшись в том, во что вложил всю душу, спасаясь от боли, человек становится печником-Нарциссом.

Возникает в поэзии А. Соловьёвой и образ Дон Кихота в одноименном стихотворении [8, с. 70]. Образ этого литературного героя Сервантеса ассоциируется с необыкновенным чудаковатым персонажем, готовым бесстрашно сражаться со всем мировым злом ради торжества справедливости. И в этом контексте строчки: «Убил. И в мире глупых женщин / На Дон Кихота стало меньше» [8, с. 70] воспринимаются как отказ лирической героини совершать подвиги во имя возлюбленного.

Для передачи трагичности, невозможности любви Аглая вводит имена Франциски и Джакомо:

Мы в степень близости не возводимы, не работают
Законы умноженья. Попробуй перемножь
На ветер мельницу, Франциску на Джакомо... [8, с. 70]

Эти имена отсылают к драме Цветаевой «Феникс». Франциска любит Джакомо и он любит Франциску, но между ними года: ему 75, ей 13. Она становится его последней любовью, от которой он вынужден отказаться. Одна из причин: «...я не муж, Франциска,/ Тебе, а дед, и даже уж не дед, /А прадед...». Однако уезжая, он возвращается и «...сняв с руки кольцо, извечным жестом надевает ей его на палец» [13, с. 535].

Булгаковская Маргарита встречается нам в стихотворении «Мансуровский переулоч, дом 9. Подвал» [8, с. 78]. На роман «Мастер и Маргарита» указывает авторская сноска. В традиционном литературоведении принято считать, что Маргарита помогла Мастеру обрести себя, дописать свой роман, найти покой в домике с венецианскими окнами, который дарит ему Воланд. Однако Аглая изменяет концепцию осмысления булгаковских героев, считая, что лучше бы они не встречались: «Я пьяный мастер... Так и не встретивший, по счастью, Маргариты» [8, с. 78].

Литературные образы и персонажи фильмов позволяют нам как проанализировать настроение лирической героини и сравнить силу её любви с силой чувств других героинь, так и раскрыть её душевные качества. Лирическая героиня как будто проживает свою судьбу через судьбы литературных персонажей, переносит жизненный опыт описанных в произведениях людей в наше время, на свою жизнь. Она примеряет разные маски: ангела, баронессы Мюнгхаузен, Джульетты, Пенелопы и других.

Проанализированный материал позволяет выделить в стихотворениях А. Соловьёвой следующие функции имен собственных: номинативно-изобразительную, эстетическую и текстообразующую; среди дополнительных функций мы можем выделить: эмоционально-оценочную, апеллятивно-экспрессивную, культурно-историческую, обобщённо-символическую. Поэтонимы служат для поэтессы средством выражения её рефлексии и эмоций. У Соловьёвой много имён, отсылающих к другим литературным текстам, как русским, так и зарубежным. В одних случаях поэтесса использует прецедентные имена, раскрывая собственные образы через традиционное, известное читателю восприятие того или иного героя. В других случаях А. Соловьёва вступает в полемику с традиционными концепциями, выражая свой личный, далеко не всегда оптимистичный взгляд на такие традиционные ценности, как любовь, красота, мечта, вера в чудо.

Примечания

1. Гарагуля С. И. Антропонимическое пространство романа Э. Э. Пру «Грехи аккардеона»: аспекты идентификации и социализации / С. И. Гарагуля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 5. – С. 24–30.
2. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В. В. Гуревич. – 7-е изд. – М.: Флинта: наука, 2012. – 168 с.
3. Данилов А. А. История России XX – начало XXI вв.: Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2006 – 381 с.
4. Ивашко В. А. Как выбирают имена / В. А. Ивашко; Под ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., доп. – Минск : Вышэйш. шк., 1988. – 237 с.
5. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. – 278 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.
8. Соловьева А. Праздник номер ноль. Киров: О-Краткое, 2016. – 96 с.
9. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
10. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 367 с.
11. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1990. – 104 с.
12. Харченко В. К., Черникова Е. М. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных. М., Либроком, 2010 – 192 с.
13. Цветаева М. И. Сочинения в 2-х т. Т. 1: Стихотворения, 1908-1941; Поэмы; Драматические произведения. / Сост., подгот. Текста, вступ. Статья и коммент. А. Саакянц. – М.: Худож. лит., 1988. – 719 с.

РЕЧЕВАЯ СРЕДА ПРОШЛОГО: УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В ПОВЕСТИ И. А. ШИШКИНА «ХЛЫНОВЦЫ»

Аннотация. Статья содержит описание устаревшей лексики в тексте исторической повести кировского литератора И. А. Шишкина «Хлыновцы». Анализируются функции, выполняемые устаревшими словами; тематические группы историзмов и архаизмов, способы введения автором устаревшего слова в художественное произведение. Приводится материал, который может быть использован в школьном преподавании русского языка и литературы, на занятиях по краеведению.

Ключевые слова. Устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, историческая повесть «Хлыновцы», И. А. Шишкин.

История Отечества, родного края одинаково интересна и мастерам слова, и читателям. Изображение прошлого, «дела давно минувших дней» находят отражение в жанровой форме исторической прозы. Обращаются к исторической тематике и писатели вятского края. В данной статье мы исследуем особенности языка повести кировского литератора, актера и драматурга Ивана Александровича Шишкина «Хлыновцы». И. А. Шишкин (1905–1991), приехав в город Киров в 1947 году, почти полвека жил и творил на вятской земле. На сценах кировских театров шли спектакли по его пьесам «Герцен в Вятке», «Утерянная слава», «Уходили комсомольцы»; в местной периодике печатались рассказы и повести. В своих произведениях он писал об истории вятской земли, ее людях.

Повесть «Хлыновцы» (1990) – последнее произведение И. А. Шишкина [1]. Составители «Энциклопедии земли вятской», в том, посвященный литературе, включили следующие сведения о повести: «... автор, обращаясь к истории Вятки XV века, периода присоединения ее к Москве, показывает взаимоотношения вятчан с соседями, воссоздает облик как простых, безымянных людей, так и подлинных лиц, героев, упомянутых в различных летописных источниках» [2, с. 309]. Писатель рассказывает о далеком прошлом

вятской земли, когда великий князь московский Иван III ведет борьбу за объединение раздробленной удельной Руси, за создание единого Русского государства.

Повесть отражает жизнь средневекового Хлынова и хлыновцев и содержит значительное количество лексики, ненужной с точки зрения современного общения, обозначающей понятия и реалии конкретного исторического времени.

Использование слов, семантическая структура которых характеризуется наличием временного компонента, закономерно в исторической прозе: они необходимы для воссоздания быта и языкового колорита эпохи. Насколько нам известно, функционирование устаревших слов в исторической повести «Хлыновцы» специально никем не изучалось. Перед И. А. Шишкиным стояла непростая задача отобрать необходимые лексические средства и при этом избежать возникновения «барьера» между текстом и читателем, поскольку неверное *толкование* слов, выпавших из активного употребления, может привести к непониманию художественного смысла произведения в целом.

В зависимости от причин архаизации лингвисты традиционно выделяют в составе устаревших слов два разряда: историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий [3, с. 540] и архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами [4]. В повести «Хлыновцы» устаревшая лексика представлена примерами обоих разрядов. В количественном отношении преобладают историзмы (всего 439 словоупотреблений), архаизмы встретились в 354 контекстах.

Используемые писателем устаревшие слова объединяются в тематические группы, разнообразные по содержанию. Наиболее значимой оказалась группа «наименования людей». Это обозначения человека по за-

нимаемому положению: боярин, князь, купец, смерд, холоп, мурза; по роду деятельности: баскак, тысяцкий, толмач, воевода, оратай, дружинник, гонец, писец, холоп-воротник, крупорушница, дворецкий, ушкуйник; по родственным и возрастным признакам: чадо, отрок; по месту проживания: москвиты; по национальности: черемис; вероисповеданию: латынянин. Отметим частотность употребления отдельных слов в тексте. Так, лексема «воевода» встречается более 200 раз и является, на наш взгляд, центральной внутри данной тематической группы. Это объясняется тем, что все основные события связаны именно с этим персонажем, воевода – один из центральных героев повести («Воевода не выдержал и крикнул властно»; «Лицо воеводы Арефий не видел, но по спине его угадывал – слушает Иван Анিকেич»).

Среди устаревших наименований лиц есть целый ряд мужских и женских имен собственных, практически не встречающихся в наши дни: Ангел, Пахомий Лазарич, Сидор Митрофаныч, Парамон Лукич, Гервасий, Арефий (Арефа), Перфилий, Серафимий (Серафиша, Серафишка), Симеон, Микита, Касьян, Северьян, Силантий, Якунька, Епиша, Улита, Акулина (Акуля), Марфута, Матреша, Феколка. Их употребление усиливает изображение картины жизни людей XV века.

Описание жизни горожан, их занятий предполагает использование в тексте повести лексики, представляющей наименования жилища, помещения, одежды, предметов быта, денежных единиц. Приведем из множества примеров отдельные контексты: «Спали горожане в палатах, в избах, во дворах, на погребцах, на огородах в холоде»; «В покоях воеводы Ивана Аникеева, в большой трапезной горнице, собрался свет»; «Воевода молча показал на жбан в поставце»; «И уплатил великому князю «окуп» в пятнадцать тысяч рублей серебром – на восемьдесят пудов с лишком чистого веса»; «Подпустив к себе зверя пяди на три, парень сдернул с головы тяжелый валяный колпак и с маху кинул его в разверстую медвежью пасть»; «С задней лады ему молча погрозили кулаком»; «На столе появились тяжелая ендова, чары,

глиняное блюдо с морковным пирогом». Благодаря точному отбору писателем нужного слова, читателю не трудно представить особенности быта того времени. Создается впечатление об описываемых событиях как реально происходивших.

Единичными примерами представлены названия частей тела человека: «Перекрестился, помолчал, сколько требовало приличие, возвел очи горе и начал». Встретилось переносное употребление слова *выя*: «Не имея воинской силы, не ожидая помощи из-за рубежа, преклонил свою *выю* гордый Новгород перед сильной Москвой». Используя слово *плечи* в творительном падеже, писатель отдает предпочтение устаревшему варианту: *наездники* «с парчовыми колчанами за плечьми».

В повести И. А. Шишкина «Хлыновцы» мы выделили также историзмы, связанные с организацией общественной жизни. Это названия государственных учреждений, органов власти, территориальных единиц, видов налогов и т. п.: *вече*, *княжение*, *посад*, *слобода*, *правёж*, *удельщина*, *волость*, *вотчина*, *ясак* и др.

Основные события повести разворачиваются вокруг военных действий: «А к войне Вятке не привыкать стать. На ратное мясо парней да мужиков хватит. Воины исправные и дело свое знают подходяще». Писатель использует военную лексику: *дружина*, *рать*, *сеча*, *пищаль*, *рогатина*. После окончания «усобицы» военные реалии используются хлыновцами в хозяйстве. Развернутый тематический ряд таких обозначений представлен в следующем отрывке: «В избах на подволоке, в чуланах, в хламе, валялись обломки копий, сулиц, рогатин, заржавленные шишаки... Бабы отломышем иззубренной сабли щепали лучину. Железным чеканом хозяин, крепя изгородь, забивал колья в землю. В рваные, изгвазданные боевые тегилеи наряжали чучела на гряды».

Приведенный контекст очень показателен. Он иллюстрирует неоднородность устаревшей лексики по степени устарелости в современном языке:

слова, понятные большинству носителей языка, несмотря на квалификацию «устаревшее»; слова, знакомые по звучанию, но непонятные по смыслу; слова, неизвестные большинству носителей языка. Наименования сулица, шишак, тегилея – лексические явления отдаленной эпохи истории русского языка. Контекст помогает понять значение такого рода слов («Холоп-воротник открыл большие ворота»; «Баскаки уже не рыскали по деревням и селам с плетью и ханской тамгой о дани»; «...ясак везли к ханской ставке исправно, караванами»; «Персы в полосатых халатах ...разворачивают на прилавках ткани тонкие и нежные, как лепестки цветов, плотный аксамит, тканый золотыми и серебряными розами...»; «Принесли мед в братине с подвешенным к краю черпальцем»). Однако без обращения к материалам толковых словарей или словарей устаревших слов их понимание практически невозможно.

Отжившие реалии, но известные современному читателю, называют слова копьё, рогатина, лучина. В произведении И. А. Шишкина мы находим и другие примеры «понятных» или «знакомых» историзмов и архаизмов: «Оглянемся вокруг и что же мы узрим?»; «И не сесть теперича ему, ни лечь, а токмо бегать»; «...дабы не смущать начальство»; «Из похода возвращается с обильной добычей и полоном»; «Костя Юрьев задвинул раму, в горнице тихо сидели бояре»; «Чегой-то там, тятенька?»; «Идет дружина в битву»; «...Ахмат-хан велит Ивану-князю в короткий срок собрать и поднести хану дани за все года, трижды по шестьдесят алтын»; «Благое расположение духа не покидало боярина»; «Под будничным поношенным кафтаном нараспашку простая рубаха из беленой новины расстегнута по грудь»; «Княжеская рать на левом берегу, ордынцы на правом». Такие наименования многие исследователи относят к разряду исторических терминов русской старины. Часть слов, хотя и устаревших, понятна современному читателю, так как встречаются и в других произведениях. Следует отметить, что некоторые из слов данной группы могут быть известны сегодняшнему читателю «Хлыновцев» в силу того, что с 90-х годов прошлого века наблюдается тенденция активизи-

зации отдельных архаичных явлений, прежде всего в языке СМИ, например, лексем мздоимец, чадо, отрок, очи, местоимений типа сей, оный.

Существуют различные способы введения автором устаревшего слова в художественное произведение: в виде сноски (словарного толкования) либо краткого авторского комментария. И. А. Шишкин не ставил задачу представить значение слова непосредственно в тексте повести, возможно, для того, чтобы не разрушить целостность восприятия художественного текста. Поэтому во многих случаях необходима дополнительная словарная работа.

Архаизмы и историзмы употреблены как в авторской речи, так и в речи персонажей. Примечательно, что автором они используются гораздо чаще, чем героями: авторская речь пронизана устаревшей лексикой. В речи героев повести устаревшая лексика, независимо от принадлежности к той или иной тематической группе, является *средством стилизации, речевой характеристики*. Писатель знакомит читателя с особенностями речи хлыновцев, при этом вводит в текст повести не только вышедшие из употребления слова, но и фонетические черты, народно-разговорную лексику – диалектизмы, просторечия. Вот фрагмент речи простолюдина (мужика–«рыбника»): «Завезли третьеводни рыболовы, ничего, свежая была. Но тут Бог жару послал, никуда не денешься... Вот она, сирота, под утро и тронулась. Да ничего, отец боярин, просолим, прокоптим покруче – съедят людишки за милую душу! Судак, милостивец, он ведь розаном и не должен пахнуть!»; боярина Ангела Иваныча: «— И ты будь здоров, ватаман-батюшко! Милости прошу за стол, не побрезговай!... Малиновый медок-то у меня, ставленный! Прямо с погребца! Не отказывай, голубь!»; Марфуты, жены боярина: «Гляжу я на тебя, соколик мой... И так гляжу, и исподтишка гляжу – сумятно мне. Все-то у тебя тоска в очах, все-то морщины на лбу, туга не сердце... И уж холопство в дому шепчется, головы повесило, что-де с отцом-воеводой, с хозяином деется?» И. А. Шишкин имитирует язык далекой эпохи, передает ее колорит, при этом старается избежать обилия устаревших слов, чрезмерной архаизации языка.

Писатель находит возможность ввести в текст произведения своеобразное авторское отступление, посвященное красному цвету, которое придает языку повести особое поэтическое звучание:

«Ах, красный, нарядный месяц – июнь, червень.

Есть в лесу травка малая, ничем не примечательная, схожая с земляничкой, но собирают ее старательно, с усердием. На корнях водятся маленькие червячки. Тех червячков обирают, сушат, кипятят в воде – получается багровая червлень, яркая, солнцем горящая краска. Красят ткани, пряжу, кожу-сафьян, расписывают посуду...

Идет дружина в битву, впереди колыхается червленый стяг – хоругвь. У воинов червленые кожаные щиты, на конях – сбруя червленая.

А у девушек, у молодухек румяна – червлень.

Искони самый чтимый, любимый цвет у русского человека – красный цвет».

Многообразие употребленной И. А. Шишкиным лексики, принадлежащей языку русской старины, – это яркий и выразительный материал, который может использоваться в школе на уроках русского языка (в частности, является хорошей методической базой при изучении темы «Устаревшая лексика»), на уроках краеведения – для знакомства с текстами художественной литературы родного края, а также при комментированном чтении на уроках литературы.

Учащиеся должны научиться находить устаревшие слова в тексте, отличать их от других речевых единиц, уметь истолковать лексические значения, опираясь на толковые словари. Для решения этой задачи можно использовать предложения из повести «Хлыновцы», например:

1. Теплая, мягкая ночь окутала город. На темно-фиолетовой, усыпанной крупными алмазами небесной крыше ослепительная, как начищенный серебряный поднос, луна. Чуткая тишина стояла в посадах, в слободах. Монотонно, скучно стучали деревянные колотушки сторожей.

2. В поисках воеводы Ивана Аникиева, в большой трапезной горнице, соби́рался совет.

3. В дальнем углу сидел ближний боярин Пугвин, опираясь на резной, отделанный серебром посох. Тучный, одетый в ездовой долгополый кафтан из доброго сукна, с рукавами, собранными в тяжелые толстые складки, он страдал от духоты.

4. В Орде, прибедняясь и скорбя, жаловались князья: удел в упадок приходит, бедность одолела... оскудела и обесхлебилась вотчина. Княжьи чада обносились: в праздник в церковь выйти не в чем...

5. А наш кнезь жив и здоров, стоит у красного крыльца, чишше всякого молодца.

6. – Самое главнее, почестные рыба́ри, – не надо думать, что рыба́ глупее вас!

7. – *Все-то у тебя тоска в очах, все-то морщины на лбу, туга на сердце...*

8. *Вместе с послом вошли и его советники, мурзы.*

9. И смерд уж в седле не смерд, а воин.

10. Засвистал лихой Арефий да на кобыле с рогатиной на мужика – славу Вятчине добывать!

Поскольку текст может быть сложен для восприятия из-за обилия устаревшей лексики, задача учителя – помочь разъяснить его смысл, корректировать ответы учащихся.

Подобное упражнение может быть осложнено заданием, связанным с разграничением архаизмов и историзмов, их разновидностей (данные сведения отражены не во всех учебных комплексах по русскому языку). Из предложений с устаревшими словами можно выбрать примеры для повторения орфографических правил и выполнить задание типа:

Вставить пропущенные буквы, подобрать проверочные слова.

1. Г..нец выпрыгнул из с..дла и поб..жал к крайней ходовой к..литке. Он хрипло дышал, ноги в коленях подламывались. Он (не) наш..л колотушку и нетерпеливо загр..х..тал в доски обоими кулаками.

2. – Думайте, дружно, б..яре! – внушал воевода, мягко шагая по горнице. – В таком деле сумятицы в г..л..вах быть не д..лжно!

Актуальным является также выяснение функций устаревших слов в анализируемых примерах из текста исторической повести (*воссоздание реальной исторической обстановки и речи героев того времени*).

Подобные задания не только обогащают словарный запас школьников, но и воспитывают любовь к родному языку.

Перед началом выполнения заданий учитель обязательно рассказывает о писателе и о событиях, происходящих в повести.

Подводя итог исследования особенностей употребления архаизмов и историзмов в повести И. А. Шишкина «Хлыновцы» отметим, что языковая основа романа – современный русский литературный язык. Уместно вплетенные в канву повествования устаревшие слова сообщают неуловимый колорит эпохи. Создавая речевое единство повести, автор не занимается калькированием старинных слов и оборотов, идёт не от лексики, а от мысли и чувства человека, жившего в ту эпоху, словно он сам был очевидцем описываемых событий.

Примечания

1. Шишкин И. А. Хлыновцы: Повесть. – Н. Новгород, 1990. Далее текст цитируется по этому изданию.

2. Энциклопедия земли вятской. Т. 2. Литература. Киров, 1995. С. 309.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 540.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. С. 540.

РАЗДЕЛ 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Н. Ю. Проскурнина

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье приводится опыт работы учителей русского языка и литературы Калужской области по привлечению учащихся к чтению краеведческой литературы. Описываются совместные формы работы с учителями негуманитарных предметов, предлагаются примеры региональных мероприятий.

Ключевые слова. Культурные традиции Калужского края; работа с УМК; краеведение на предметах негуманитарного цикла; региональные фестивали, акции, конференции; продвижение литературного краеведения.

«Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать», – писал крупнейший отечественный филолог Д. С. Лихачёв. И со словами учёного нельзя не согласиться. Без обращения к краеведческому материалу в школе, без чтения литературы по краеведению сегодня невозможно воспитывать учащихся, готовить их к будущей роли гражданина своей страны.

Калужский край... Как и в других регионах России, это богатейшая история, знаменитые земляки, культурные и художественные традиции. Земля Калужская сыграла значимую роль в истории нашего государства: битва под Козельском – «злым городом» (1146 г.), Великое стояние на реке Угре (1480 г.), становление династии Романовых (1613 г.), Отечественная война 1812 г., битва под Москвой (1941 г.) и др. Здесь жили и писали свои произведения А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, М. И. Цветаева и т. п. [3]. Что знают современные школьники о своём родном крае? Как можно дополнительно заинте-

ресовать учащихся краеведением? Возможно ли знакомить школьников с краеведческим материалом на основе чтения различных текстов? Может ли краеведческий материал приобщать учащихся к чтению? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Чаще всего занимаются краеведением в школе учителя истории или русского языка и литературы. Именно поэтому в области и была организована творческая группа учителей русского языка и литературы, которая разработала и предложила коллегам разнообразные формы работы по литературному краеведению. Остановимся на некоторых.

Прежде всего были *проанализированы все учебники русского языка и литературы* с точки зрения наличия в них материалов, связанных с Калужским краем. Например, в тексте упражнения по русскому языку говорится о президенте двух академий Е. Р. Воронцовой-Дашковой. Учащимся тут же может быть предложен материал о последних годах жизни Екатерины Романовны в с. Троицкое Калужской губернии. Или на уроках по развитию речи после проведения работы по подготовке к написанию сочинения «Описание памятника или храма» предложить учащимся описать памятник К. Э. Циолковскому, памятник на Зайцевой горе или храмы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. На уроках литературы при изучении рассказов из сборника И. С. Тургенева «Записки охотника» школьников следует познакомить с историей создания рассказа «Хорь и Калиныч», а при чтении стихотворений Н. А. Заболоцкого дать материал о пребывании поэта в г. Тарусе [2]. Была составлена методическая таблица – рекомендации для учителя – при изучении какой темы с 5 по 9 классы какой краеведческий материал можно использовать на уроках русского языка и литературы.

Проанализировав учебники по *предметам негуманитарного цикла*, словесники рекомендовали коллегам также использовать тексты краеведческой направленности на своих уроках. Учителя других предметов могут сообщать отдельные факты из истории края, которые соответствуют теме изу-

чаемого материала. Коллегам было предложено на предметах негуманитарного цикла читать со школьниками тексты о знаменитых людях региона. Например, о советском учёном-биофизике Александре Леонидовиче Чижевском (на уроках физики, биологии, химии), или о крупнейшем математике Пафнутии Львовиче Чебышове (на уроках математики), или об изобретателе русского телефона Павле Михайловиче Голубицком (на уроках физики), об исследователях Таймыра Василии и Марии Прончищевых (на уроках географии) и т. д. [1, 3].

В результате этой работы в области был проведён *Фестиваль увлекательных наук* на основе совместной деятельности учителей русского языка с учителями других предметов. Большой интерес у школьников вызвало самостоятельное составление задач, уравнений, различных игровых заданий по предметам негуманитарного цикла на основе прочитанных текстов по краеведению. Например, на уроках математики на основе текста о пребывании А. С. Пушкина в Полотняном Заводе, имении Гончаровых (ныне Дзержинский район Калужской области), учащиеся составляли задачи: рассчитать расстояние от Москвы (или Санкт-Петербурга) до Полотняного Завода, определить количество дней (времени), потраченных поэтом на эту дорогу. Это сегодня мы едем от Калуги до Москвы 2–2,5 часа. А сколько дней ехал поэт? С какой скоростью бежали по дорогам Калужского края лошади? Или на основе текста о Введенской Оптиной Пустыне (ныне Козельский район Калужской области) был подготовлен проект «Расчёт основных построек монастыря»: высота главного купола храма, площадь монастыря и т. п.

На уроках биологии был составлен буклет о лекарственных растениях Калужского края, которые упоминал во время своего пребывания в губернии Н. В. Гоголь (на основе воспоминаний современников и самого писателя), или справочник о деревьях, что росли в саду у учёного-селекционера Н. П. Ракицкого. На уроках информатики школьники составляли таблицы в Excel на основе статистических данных о развитии города Калуги в 60-е –

90-е годы XX века [1]. На уроках технологии готовили еду на основе воспоминаний жителей края в годы Великой Отечественной войны [4]. Такие и подобные им задания заинтересовывали учащихся, помогали им лучше узнать край, где они живут, развивали общую культуру и эрудицию учащихся, привлекали к чтению.

Материалы о проведенной работе были представлены на краеведческих секциях *региональных конференций*, которые проходили в течение 2015-2016гг.: ежегодной областной научно-практической конференции памяти народного учителя России А. Ф. Иванова и научно-методической конференции «Читательская культура учащихся: формирование и поддержка».

В 2016г. в области проходил *Фестиваль современной отечественной поэзии*. Это была большая акция, в рамках которой выпускались газеты и буклеты, проводились конкурсы чтецов и буктрейлеров, показывались открытые уроки и внеурочные мероприятия, работали постоянно действующий семинар и круглый стол по приобщению к чтению современной отечественной поэзии и т. п. Обращалось особое внимание на чтение лирики современных калужских поэтов: С. Куняев, А. Золотин, В. Терехин, М. Улыбышева, Л. Филатова и др. Фестиваль показал, как мало ещё знают учащиеся о своих знаменитых земляках.

По итогам Фестиваля решено было на основе «Календаря знаменательных и памятных дат по Калужской области на 2017г.», подготовленного Калужской областной научной библиотекой им. В. Г. Белинского (составитель Т. Ф. Трегубова), провести *региональный проект «Писатели Калужского края – юбиляры 2017 г.»*. В течение года педагоги и школьники познакомятся с произведениями Ю. В. Холопова (60 лет со дня рождения), И. С. Синицына (100 лет), А. Л. Чижевского (120 лет), К. Г. Паустовского (125 лет), М. И. Цветаевой (125 лет), С. Ю. Куняева (85 лет) и других авторов. Главная цель проекта – привлечение внимания учащихся к творчеству писателей и поэтов, писавших о Калужском крае; расширение знаний о родном крае. При

этом читать произведения (или тексты) надо на всех предметах, а не только на уроках литературы. Например, в МКОУ «СОШ № 2 им. И. С. Унковского» пос. Воротынск Бабынинского района все педагоги и учащиеся в феврале месяце на всех предметах читали тексты о Чижевском или стихотворения самого учёного. В школе выпускались стенные газеты, проводились уроки по математике, физике, иностранному языку, ИЗО, литературе, русскому языку, литературному чтению, уроки внеклассного чтения, прошёл конкурс чтецов среди учащихся начальной школы и среднего звена, литературно-музыкальная композиция в старшем звене, конкурс рисунков, выставка в библиотеке. На базе школы проводился областной семинар «В науке я прослыл поэтом, среди поэтов – я учёный...» (А. Л. Чижевский). Подобная работа развивает учащихся, способствует формированию читательской культуры, приобщению школьников к чтению краеведческой литературы, а опосредованно воспитывает и формирует любовь к родному краю.

Все материалы проекта «Писатели Калужского края – юбиляры 2017 г.» систематически публикуются на сайте Калужского регионального отделения ООО «Ассоциация учителей русского языка и литературы». В следующем году планируется осуществить ещё один проект – «Современные отечественные писатели и поэты Калужского края: произведения для внеклассного чтения в 5–9 классах».

Перечисленные выше некоторые формы работы, конечно, не смогли охватить всё богатство литературы по краеведению, однако подобная работа не только развивает учащихся, приобщает их к чтению, но и формирует их интерес к истории и традициям родного края. Как писал Н. А. Рубакин: «Выбирать книги для своего и чужого чтения – не только наука, но и искусство». А особое искусство – это чтение краеведческой литературы.

Примечания

1. Калужский край в XX веке: исторические очерки [Текст] – Калуга, Калужский государственный институт модернизации образования, 2014.

2. Ксенофонтов И. В. Литературное краеведение: калужские страницы [Текст] / И. В. Ксенофонтов. – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2012.

3. Образовательные маршруты Калужского края: информационно-методическое пособие / сост. И. А. Евченко, Г. А. Леонтьева [Текст] – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2011.

4. Право на исповедь / сост. Ю. В. Холопов [Текст] – Калуга: Золотая аллея, 2015.

О. А. Полякова, М. О. Полякова

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ОБНОВЛЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ
ПОДДЕРЖКИ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ РЕДАКЦИЕЙ ГАЗЕТЫ «Я РАСТУ»**

Аннотация. В статье рассказывается о творческом опыте детской областной газеты «Я расту», концепция которой была основана на идее поддержки юных журналистов, писателей и поэтов; подчеркивается роль этого издания в объединении усилий представителей педагогической и творческой интеллигенции города Кирова и Кировской области, направленных на выявление и развитие юных талантов, а также прослеживается творческая судьба юнкоров газеты, которые состоялись как признанные поэты и прозаики.

Ключевые слова: региональная литература, газета «Я расту», детские творческие объединения города Кирова и Кировской области, проблемы обновления региональной литературы, поддержки начинающих писателей и поэтов, концепция печатного издания для детей и о детях.

Следует признать, что понятие «региональная литература» в отечественной и зарубежной науке находится в стадии формирования и уточнения. Не случайно А. Н. Николукин называет этот термин условным и приводит иные номинативные его варианты – «областническая литература», «литература местного колорита», «литература родной стороны», подчёркивая, что все они «определяют произведения писателей, концентрирующих своё вни-

мание на изображении определённой местности и людей, её населяющих».
[2, с. 864–865]

Учёные говорят о специфичности эволюции литератур разных регионов, о том, что их пути и темпы развития разнообразны [4, с. 366–367], предлагают разделять произведения «строго ограниченного локального геопространства», на тексты, имеющие общее, неместное значение, и тексты, обслуживающие только определённую местность и фактически не актуальные за её пределами [3, с. 382], а также подчёркивают значение произведений писателей-регионалистов в воспитании патриотических чувств, любви и привязанности к своей малой Родине. Это лишь малая часть проблем, связанных с обсуждаемой темой, среди которых хотелось бы особо выделить вопрос о преемственности и обновлении региональной литературы, в частности о поддержке молодых талантливых писателей и поэтов, живущих в провинции. Казалось бы, сейчас, в эпоху интернета, легко стать замеченным: можно опубликовать свои произведения на различных специализированных сайтах, например «Молодая русская литература», получить замечания критиков, отзывы читателей и, может быть, свою долю славы. Однако этого недостаточно: молодому автору необходима творческая среда, круг единомышленников и особенно – советы опытных наставников, их конструктивная критика и помощь.

В городе Кирове и Кировской области существуют давние традиции поддержки юных дарований. Педагоги-энтузиасты, представители творческих союзов, состоявшиеся поэты и писатели, осознавая значимость подобной деятельности, создавали и создают клубы, кружки, объединения, студии, участниками которых становятся пробующие свои силы представители молодого поколения. Достаточно вспомнить знаменитый на всю страну литературный клуб «Молодость», руководители которого на протяжении многих лет не просто открывали и открывают новые таланты, но и способствуют публикации их произведений, выпуская альманахи и сборники.

Большой вклад в это важное дело внесла редакция детской областной газеты «Я расту», которая почти два десятилетия, начиная с 1993 года, вдохновляла школьников на творчество. Определиться с концепцией издания Г. А. Сауровой, бессменному его редактору, помогло творчество писателя-земляка А. С. Грина. «С именем Грина под парусом мечты!» – таков был девиз газеты, которая выполняла высокую миссию открывать и поддерживать юных авторов. Особое внимание журналисты газеты уделяли популяризации творчества Александра Грина, тем более что редакция располагалась в здании, где учился будущий писатель-романтик. С его именем было связано немало творческих акций. В частности, ежегодно в день рождения А. С. Грина начинающие поэты и любители стихов встречались на литературных вечерах в музее писателя, в библиотеке его имени или же в библиотеке А. А. Лиханова, первого лауреата Всероссийской премии А. С. Грина. При газете действовала студия «Алый парус», участники которой обсуждали стихи и рассказы друг друга, знакомились с рукописными книгами и журналами, которые создавали сами школьники. О том, как искать новые краски и темы в творчестве, как важно стремиться своим словом вносить в жизнь гармонию и радость, говорили с ребятами гости студии, такие как кировская поэтесса, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Заболоцкого Маргарита Чебышева, а также автор многочисленных поэтических сборников, секретарь Союза писателей России Светлана Сырнева.

Сотрудники редакции устраивали поэтические праздники, собирая учащихся школ города и области в учреждениях культуры. Так, в марте 2007 г. состоялся праздник «Капели звонких стихов», на котором начинающие поэты читали собственные сочинения. Каждый участник смог выразить себя, почувствовать духовное единение с ровесниками. Как написала в своём стихотворении ученица школы № 70 Татьяна Вятчанина, «пусть молоды и зелены поэты, и рифма не всегда у них верна», это не отменяет главного: «Не погасить в сердцах огонь желаний, и вновь на свет рождается поэт».

Стимулом к творчеству становились многочисленные конкурсы, проводимые газетой. Это были масштабные, поддерживаемые государственными, общественными коммерческими организациями акции, например, конкурс «Дом, в котором мы живём», посвящённый 200-летию со дня образования Вятской губернии и 60-летию Кировской области, проведённый в 1996 г., или же локальные творческие задания, например, конкурс «Зимушка-зима», когда предлагалось сочинить рождественскую сказку, историю, стихотворение. Не случайно появился слоган, выражающий самую суть этого издания:

С «Я расту» растём мы вместе,
Нам с газетой интересно!

Редакция газеты «Я расту» не только сама пестовала юные дарования, но и знакомила с центрами детского творчества, которые проявляли активность в городе Кирове и области, предоставляя возможность публикации лучших произведений школьников. Так, в одном из номеров газеты о своих воспитанниках рассказал руководитель детско-юношеской мастерской «Пёрышко» при Свечинской центральной детской библиотеке Эдуард Кулаков. Юные поэты отражают свой школьный мир, и пусть их стихотворные строчки пока нельзя назвать высокой поэзией, приобщение к творчеству, пробуждение таланта – всё это способствует духовно-нравственному развитию личности.

В школе № 28 г. Кирова издавался сборник поэзии и прозы «Кастальский ключ», редактором которого долгие годы был Борис Викторович Бокарев. Педагог-энтузиаст так прокомментировал на страницах газеты «Я расту» цель своей деятельности: «Наш альманах, присвоив себе столь звучное название, хотел бы уподобиться священному источнику муз на горе Парнас в древней Элладе, чьи воды питают талантами поэтов, живописцев, музыкантов. Издание признано развивать гимназические традиции, заложенные ещё в античности: свободу мышления и уважение к мнению каждого. Вместе с

тем оно постоянно отстаивает гуманистические идеалы. Редколлегия рассматривает публикации в альманахе как ещё одно средство общения школьных друзей». [1, с. 20]

Ещё одно творческое объединение под названием «Весёлое перо» возникло в г. Уржуме благодаря Лие Васильевне Сурушкиной, которая организовала выпуск детской странички в районной газете, а также выход сборника стихов «Уржумские роднички».

Свой дружный коллектив ребята представили на страницах областной детской газеты:

«Весёлое перо» – чудесная страна,
Талантливых детей приветствует она.
Нам всем здесь хорошо,
Мы счастливы с друзьями
И радуем ребят рассказами, стихами,
Мы творчеством полны,
И пишем обо всём,
О мире, о стране, о чём-то о своём...

В творческой атмосфере редакции газеты «Я расту» выросло не одно поколение юных авторов. Это издание стало стартовой площадкой для Марии Ботевой. Сейчас она известна как автор рассказов и сказок, за которые стала обладателем российской премии «Молодёжный триумф». Её книга «Световая азбука. Две сестры, два ветра» населена удивительными героями, наполнена добром и гармонией. Произведения талантливой кировской писательницы публиковались в журналах «Урал», «Новый мир», «Октябрь», «Волга», «Дружба народов» и др. В 2008 г. увидела свет книга стихов «Завтра к семи утра», а в 2013 г. вышли собрание прозы «Фотографирование осени» и книга «Мороженое в вафельных стаканчиках».

В школьном возрасте подружилась с газетой «Я расту» и Наталья Пяткина, стихи которой, печатавшиеся на страницах газеты, свидетельствовали

о незаурядном поэтическом таланте. После окончания гимназии она поступила в Литературный институт им. М. Горького и продолжила творческую деятельность.

Учащийся ВГГ Георгий Тихомиров проявил себя как один из самых ярких талантов, открытых газетой «Я расту», визитной карточкой которой стало стихотворение юного поэта «Страна Гринландия»:

Я рисую карту Гринландии.
Есть, ребята, такая страна.
Всем мечтателям, юным романтикам,
Я уверен, известна она.
Здесь герои новелл и романов
Для нелёгкой судьбы родились,
Здесь уходят в блеск океана
Корабли, покидая Лисс...

Начав писать стихи с восьми лет, он одновременно стал сотрудничать с областной детской газетой. Георгий Тихомиров не раз становился победителем различных конкурсов юных поэтов, а в 2008 г. получил особенно значимую награду – Международный детский литературный грант Владислава Крапивина, причём награду ему вручал сам писатель.

Состоялись как яркие самобытные поэты и бывшие юнкоры газеты «Я расту» Маргарита Чикалина и Наталья Панишева, ныне члены Союза писателей России. В дебютном сборнике стихов М. Чикалиной «Лихолетье» звучат ритмы сегодняшнего дня и в то же время явно ощущаются традиционные для отечественной поэзии мотивы:

Ночь темна, и не уснуть,
И устали ноги.
Впереди – далёкий путь,
И душа в тревоге.
Посиди и помолчи,

Посиди, послушай,
Что там прячется в ночи,
Что тревожит душу...

Стихи Н. Панишевой, публиковавшиеся на страницах детской газеты, свидетельствовали об уже состоявшемся, зрелом таланте. С тех пор Наталья окончила филологический факультет ВятГГУ, стала кандидатом филологических наук, зарекомендовала себя как серьёзный журналист, а главное – всё это время продолжала заниматься творчеством: печаталась в местной периодике, журнале «Москва», завоевала Гран-при конкурса «Чем жива душа...» (Ярославль, 2011), выпустила сборники «Как идёт ладья по Ладоге» (2008), «Совершеннозимие» (2011), «Любительские снимки» (2012).

К сожалению, проблемы недостаточного финансирования повлияли на судьбу газеты, которая в итоге перестала выходить. Тем не менее за годы своего существования она проявила себя как творческая лаборатория, открывшая немало новых имён, вдохновлявшая юных кировских поэтов, писателей, журналистов на активную творческую деятельность, придававшая литературной жизни региона свежий импульс.

Примечания

1. Бокарев Б. В. «Кастальский ключ» // газета «Я расту», № № 4–9 (254 – 259) март – апрель, 2009 г. С. 20.
2. Николукин А. Н. Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб. С. 864–865.
3. Строганов М. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. № 64. 2003. С. 282.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. – М., изд-во «Высшая школа», 1999. 398 с. С. 366–367.

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ВЯТСКОЙ КНИГИ И АВТОРСКОГО ЧТЕНИЯ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ РУКОВОДИТЕЛЯ «АРТ-ЦЕНТРА»
БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА ГАЛИНЫ КУСТЕНКО)**

Аннотация. В данной статье представлен анализ опыта работы «Арт-центра» Кировской библиотеки имени А. И. Герцена, руководителем которого является член Союза писателей России Г. А. Кустенко. Рассматриваются наиболее популярные социокультурные проекты, реализованные Центром за последние годы. Выявлено, что основными задачами сотрудников Центра являются не только сохранение и изучение культурного наследия Вятского края, но его актуализация и популяризация – донесение его значимости до широкой аудитории. Изучение и анализ библиотечной деятельности позволило охарактеризовать основные направления популяризации вятской книги и авторского чтения. Библиотекари ведут активный поиск нестандартных форм продвижения книги и чтения, внося в традиционную работу новые идеи; разрабатывают интересные программы событийных мероприятий, направленных на продвижение книги, на сам процесс чтения; привлекают людей, входящих в различные читательские группы и формируют позитивный образ библиотеки.

Ключевые слова: продвижение вятской книги, арт-темы, партнерские отношения, гуманистическая позиция.

Основными задачами библиотеки имени А. И. Герцена являются не только сохранение и изучение культурного наследия Вятского края, но его актуализация (раскрытие смыслов) и популяризация – донесение его значимости до широкой аудитории. Сегодня библиотекари ведут активный поиск нестандартных форм продвижения книги и чтения, внося в традиционную работу новые идеи; разрабатывают интересные программы событийных мероприятий, направленных на продвижение книги, на сам процесс чтения; привлекают людей, входящих в различные читательские группы и формируют позитивный образ библиотеки.

В данной статье представлен анализ опыта работы «Арт-центра» Кировской областной научной библиотеки, руководителем которого является поэт, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ Галина Александровна Кустенко. Рассматриваются наиболее популярные социокультурные проекты, реализованные Центром за последние годы. Особое внимание уделяется событийным мероприятиям, в которых участвовали студенты и преподаватели факультета филологии и медиакоммуникций Вятского государственного университета, в частности, кафедра русской и зарубежной литературы и методики обучения.

Работа сотрудников «Арт-центра» по продвижению вятской книги и авторского чтения носит систематический характер и представляет собой ряд традиционных направлений: изучение жизни и творчества местных писателей; изучение творчества писателей-классиков в аспекте регионально-краеведческого начала; исследование литературной жизни в регионе: деятельности литературных объединений, материалов периодических изданий, встреч с писателями и т. п.

Несколько лет существует долгосрочный монопроект «Художник и время». Проект предполагает разработку ряда арт-тем, включающих издательскую и выставочную деятельность, создание новых художественных продуктов, синтез различных видов искусства, использование современных технических средств. Самыми заметными событиями за последние шесть лет явились проекты, посвящённые творчеству вятских художников: живописца Николая Жолобова («Романтик у мольберта»), фотомастера Юлии Бакулиной и художника Анатолия Пестова («Художник в объективе»), графика Ольги Качаловой («Художник и время») и других мастеров.

Созданные тематические проекты ориентированы в первую очередь на уникальность и индивидуальность авторов. Содружество с вятскими деятелями литературы и искусства носит глубоко профессиональный характер и требует от организаторов вдумчивого и креативного отношения к выбран-

ным арт-темам. Подробный анализ особенностей этой работы, выявление основных принципов сохранения культурного наследия вятского края представлены в ряде методических публикаций Г. А. Кустенко.

Эффективным способом популяризации вятской книги является применение элементов интерактивности в процессе организации общения профессиональных художников, обеспечение доступности культурного пространства для всех слоёв населения города Кирова и области. Самым значимым событием библиотечной деятельности прошлого года стало открытие первой Вятской выставки «Книга художника» (ArtBook) «Вятка. История и современность глазами художника», организаторами которой выступили Валерий Буров, Галина Кустенко и Евгений Мусохранов.

Гости событийного мероприятия смогли собственными глазами увидеть уникальные рукописные книги, сравнить с их «сестрами», изготовленными типографским способом. Для многих посетителей было неожиданно узнать, что книги могут иметь необычный и даже странный вид: в форме шара, куба, цилиндра. Или состоять из свернутых в рулоны листов с разбитым на строфы текстом. А автором книги может быть не поэт или сказочник, а самый настоящий ветер.

Для создания книг художники используют различные техники и материалы в зависимости от идеи. Книга может быть сделана полностью вручную или выпускаться ограниченным тиражом, с использованием печатной графики, принтера, цифровой печати и других малотиражных техник. С этой точки зрения несомненный интерес вызвала книга художницы О. Ф. Барышниковой по рассказу А. С. Грина «Струя». Именно её опыт показал, что занятия творчеством – это процесс увлекательный, в то же время очень трудоёмкий, требующий разносторонних знаний, навыков, воображения и терпения. Чтобы создать небольшую рукотворную книгу и продемонстрировать её на выставке, автору необходимо было найти в архивах Герценки оригинальный текст рассказа, опубликованный в 1917 году. Пришлось глубоко осмыс-

лить содержание гриновского текста и найти свой неповторимый стиль изобразительного комментария. Параллельно нужно было познакомиться со статьёй преподавателя Е. А. Кобелевой, чтобы в данном «вордовском» формате создать макет будущей книги, «отрисовать» гелевой ручкой на некоторых страницах символических рыбок, обработать в фотошопе, наложив на палитры. Придумать технологию «скользящей» по страницам книги художественной мысли Грина: «Говорят вам, что от света светло».

Много лет фотохудожник О. Ф. Барышникова занимается изучением жизни и творчества Александра Грина, иллюстрирует его произведения, устраивает выставки своих многочисленных работ (в том числе в Герценке), даёт интервью в газеты, выступает перед студентами различных вузов, рассказывая о значении творчества вятского писателя в её жизни. Это говорит о том, что подвижниками вятской книжной культуры являются не только сотрудники библиотек, но принимают участие люди разных профессий и возрастов – художники, издатели, преподаватели, учителя, журналисты, музыканты, учёные, студенты, – объединённые общей любовью к книге.

Многофункциональность библиотечной деятельности позволяет одновременно участвовать в партнерских отношениях, создавать проекты многостороннего характера; даёт возможность сотрудничать с различными учреждениями, организациями, движениями. Очень интересен и популярен, например, проект «Студенческий концерт», который осуществляется совместно с колледжем музыкального искусства при активном участии студентов этого учебного заведения.

При помощи руководителя Арт-центра Г. А. Кустенко и студентами готовится программа концертов, ведется тщательная организационная подготовка, впоследствии сотрудником библиотеки пишется пространственный отзыв в учебную часть колледжа. Так осуществляется «культурный досуг» молодёжи и привлечение их к великому литературному творчеству и музыкальному искусству. Следует назвать наиболее удавшиеся концерты, проведён-

ные в библиотеке: вечера камерной музыки (творческий проект Марии Пешниной), «Прощание с Вяткой» (организатор Мария Крикун), «Классический репертуар концертной домры» (подготовлен Татьяной Королевой и Евгением Скурихиным); музыкально-литературная композиция «Мистерия «Ад». Отрывки из Данте» (автор идеи студент 4 курса Евгений Скурихин). На концерте присутствовал композитор, лауреат нескольких международных конкурсов Максим Бабинцев, принимали участие вокальный и инструментальный ансамбли колледжа музыкального искусства, текст читал актер Александр Карпов.

Опыт сотрудничества библиотекарей и преподавателей не ограничивается лишь культурно-досуговыми мероприятиями. Общность взглядов на необходимость популяризации литературы и чтения позволяет находить новые формы совместной деятельности. Впервые библиотекари Герценки и преподаватели факультета филологии и медиакоммуникаций ВятГУ создали площадку для начинающих учителей и журналистов.

В рамках проекта «Сила слова» состоялся Открытый урок на тему «Самая прекрасная из женщин – женщина с ребенком на руках», приуроченный к Дню матери. Урок провели студенты четвертого курса Ирина Вершинина и Екатерина Рябова. Выступив в качестве авторов сценария и ведущих, молодые учителя раскрыли тему урока на примере анализа стихотворений классиков русской литературы, использовали интересный видеоряд (серию фотографий), разработали мультимедиа-презентацию и раздаточный дидактический материал. В ходе урока звучали стихи и песни (в том числе вятских поэтов) в исполнении студентов-филологов.

Для эффективного проведения урока ведущие выбрали формат литературной встречи. В зале Арт-центра присутствовали студенты других факультетов ВятГУ, сотрудники библиотеки им. А. И. Герцена и читатели – люди старшего возраста, представители творческих профессий, мамы с детьми. Студенткам удалось выстроить диалог с публикой на темы «Образ матери в

произведениях для детей», «Качества материнской души», «Мать в художественном мире литературы и искусства» и др. В диалоге приняли активное участие читатели библиотеки, автор нескольких поэтических сборников Людмила Багаева рассказала о своей маме и прочитала посвященные ей стихи.

Для проведения урока сотрудником Арт-центра были подготовлены технические средства, организована выставка литературы по данной теме из фонда музыкально-нотного сектора, разработан, распечатан и распространён рекламный материал в виде афиши, на сайт библиотеки отправлен анонс о мероприятии, приглашены читатели разных поколений. В ходе урока была проведена репортажная фотосъемка, которая использовалась для составления новостного материала на сайт Герценки. Приглашённые «начинающие журналисты», студенты второго курса, подготовили фотографии с места события и материалы для публикации в Студенческой учебной газете факультета филологии и медиакоммуникаций «Ф. Студия».

Проведение урока вне стен вуза позволило обучающимся по-новому взглянуть на проблемы восприятия литературы современными читателями, послужил хорошим образовательным позывом, приобщающим студентов к искусству преподавания. В результате обсуждения урока, последующей беседы библиотекарей, преподавателя и студентов были сделаны существенные выводы: читательскую потребность в качественном чтении нужно культивировать, заставить читать очень сложно, а вот «заразить» чтением можно. Именно поэтому основной задачей всех российских библиотек становится сегодня не просто продвижение самих книг (авторов, тем, библиографических списков), но продвижение самого процесса чтения, формирование у людей отношения к чтению как удовольствию.

Организация творческих вечеров, авторских чтений всегда была популярна в областной библиотеке. Сейчас такая форма встреч приобретает социальную необходимость: в электронную эру открыть книгу как ценность – есть способ возродить интерес к ней, воспитать вкус, повысить культурный уро-

вень читателя. Здесь необходимо отметить, что руководитель Арт-центра Г. А. Кустенко прежде всего сама является образцовым подвижником чтения. Она, автор нескольких поэтических книг, имеет свою особую задушевную интонацию, которая располагает к себе слушателей. Имеет такие профессиональные и человеческие качества, которые способствуют раскрытию и совершенствованию начинающих авторов, самореализации профессионалов.

В рамках литературного проекта Арт-центра «Литературные вечера на Вятке. Авторское чтение» свои новые произведения показал публике известный вятский художник Сергей Горбачёв. Его первая книга «Ни за что. Маленькие рассказы о призах и наградах» поразила слушателей психологической глубиной характеров героев.

В литературных встречах приняла участие Людмила Суворова, автор нескольких поэтических сборников, публикаций в центральной и местной печати. Достаточно известна также её автобиографическая проза: узнаваемые реалии вятского быта 50-х годов прошлого века, городские пейзажи, речевая характеристика вятских жителей.

Многим запомнились выступления вятского поэта и прозаика Надежды Перминовой. Разнообразны интересы и пристрастия автора: глубокие раздумья о законах бытия, сложных людских судьбах, внимание к проблеме сохранности всего живого, пристальное внимание к вопросам социального плана. В её произведениях много любовной лирики, которую хорошо воспринимает читатель умный, тонко чувствующий и находящий созвучное переживаниям своей души.

Особую популярность среди читательской аудитории имели событийные мероприятия, состоявшиеся в рамках проекта «Год литературы». Активно проходили литературные вечера, встречи с поэтами и прозаиками, вечера памяти, презентации новых изданий (в частности к юбилею Великой Победы). Презентации новых книг традиционно проводили Кировские писатели – члены Союза писателей России, воспитанники литературного клуба «Моло-

дость», члены группы Арт-центра «Встреча», литераторы из районов области. Свои новые книги представили Н. Мохина, Г. Кустенко, Н. Пересторонин, В. Пономарев, О. Чупракова, А. Чупраков, поэты г. Нолинска, города Зуевки и др. Был подготовлен вечер памяти поэта М. П. Чебышевой, вечер памяти поэта и музыканта А. Страузова.

Коллективом Арт-центра в сотрудничестве с писателями и поэтами вятского края накоплен богатый опыт по популяризации книги и чтения, активно используются как ставшие традиционными, так и новые формы, и методы работы. Например, акции «Подари книгу» и «Час чтения» направлены на поддержку культуры чтения и пропаганды образа читающего человека. Проекты имеют конкретные цели и задачи для создания условий эффективной работы: привлечь внимание общества к чтению и библиотекам; организация цикла публичных выступлений известных личностей в учреждениях культуры; формирование в библиотеках книжных коллекций качественной рекомендованной литературы; пропаганда чтения через обмен читательским опытом.

Анализ материалов реализованных проектов, собственное сотрудничество автора статьи с руководителем Арт-центра позволяют охарактеризовать библиотечную деятельность как чрезвычайно многообразную, имеющую ярко выраженную гуманистическую позицию, в соответствии с которой ценность чтения заключается в развитии личности.

ИГРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Л. А. КАССИЛЯ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ ПИСАТЕЛЯ

Лев Абрамович Кассиль (1905–1970) – известный детский писатель двадцатого столетия. Его жизнь и творчество неразрывно связаны с «малой родиной», городом Энгельсом Саратовской области. Большой запас творческой энергии позволял ему работать в разных направлениях: тридцать лет он посвятил журналистике; писал рассказы и повести, сценарии к художественным и документальным фильмам; вел передачи на радио.

Кассиль был талантливым педагогом, выразившим свои идеи не в виде монографий, а в художественных и публицистических произведениях.

На книгах Л. А. Кассиля выросло не одно поколение наших соотечественников. Своим творчеством он преподавал юным читателям бесценные уроки нравственности. Главную цель писатель видел в гармоничном развитии человека, в оптимальном соотношении интеллектуального, нравственного, трудового, физического и эстетического воспитания.

Игра стала одной из основных тем в творчестве Л. А. Кассиля. Почти во всех его произведениях есть второй – игровой – план. Среди них особого внимания заслуживает повесть «Кондуит и Швамбрания», в которой писатель рассказывает юным читателям о своем детстве, «долгие годы расхваченном гимназическим кондуитом и Швамбранией, выдуманной страной, которую мы открыли для себя с братишкой, чтобы скрываться в ее утешительных просторах от тех многих обид, что наносил нам старый мир взрослых» [1, 21]. Ценность этого произведения, не в последнюю очередь, заключается в его автобиографичности.

Известно, что жизненный стиль личности кодируется в воспоминаниях о ранних годах. Поэтому автобиография, этот «рефлексивный жанр»

(Б. М. Бим-Бад), может многое объяснить в характере человека. Автобиографии многих знаменитых людей уже давно стали объектом изучения психологов и психоаналитиков. Причем, особенно их привлекают «автобиографии детства». Остается справедливой мысль В. В. Зеньковского о значительности детских воспоминаний: «Они (детские воспоминания – О. М.) имеют очень глубокое влияние на наше понимание детства, развивая в нас непосредственное, интуитивное вживание в душевный мир ребенка. Не сообщая нам точного материала, будучи неполными и отрывочными, наши воспоминания из времени детства сохраняют в нас способность конгениальной отзывчивости на то, что переживают наблюдаемые нами дети» [2, 24].

Вот почему «озорная и мечтательная игра» (Л. Кассиль), которую придумал в детстве писатель со своим младшим братом, позволяет объяснить не только особенности его характера, но и его отношение к детям, которое он пронес через всю жизнь.

Какие же причины побудили героев автобиографической повести Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» Лельку и Оську создать страну, «которой нет на карте»? Во-первых, мальчики были в том замечательном возрасте (5 лет Осе и 9 лет Льву), когда маленький человек постигает предметный мир, ему все интересно и ново, непривычно, хочется что-то сделать и в чем-то принять участие – словом, «ребенок бурлит творчеством». Игра в этом возрасте – ведущая форма познания. Именно в игре дети лучше сосредотачиваются и больше запоминают, у них развивается способность мысленного манипулирования предметами, пробуждается творческое начало, развивается воображение. Для детей игра естественное состояние, понятный им язык, способ участия в жизни, способ ее познания. Это не изоляция детей от большого мира, а приобщение к нему. Игра позволяет снять ребенку внутренние «зажимы», она дарует ему внутреннюю свободу.

И все же была непосредственная причина для появления игры – обида на взрослых, вызванная строгим наказанием отца за детскую шалость (Ося и

Леля потеряли шахматную фигуру из папиных шахмат): «Всеми пятью частями света безраздельно владели взрослые. Они распоряжались историей, скакали верхом, охотились, командовали кораблями, курили, мастерили настоящие вещи, воевали, любили, спасали, похищали, играли в шахматы... А дети стояли в углах» [4, 6]. По сути дела, дети испытали на себе давление со стороны старших, в результате которого родился некий протест в виде игры. Об этом в свое время писал зарубежный исследователь В. Штерн: «Маленький ребенок, который в своей беспомощности всюду натывается на препятствия, который так зависит от взрослых в своей реальной деятельности, может, конечно, испытать глухое чувство этого давления и освобождается от него посредством бегства в мир фантазий, где он сам господин и повелитель, даже творец и создатель. Но чем сильнее иллюзия, с какою он погружается в это созданное им самим призрачное существование, тем сильнее чувство освобождения и тем больше радость» [3, 107]. А радость, действительно, была безмерной:

« – Оська, земля! – воскликнул я задыхаясь. – Земля! Новая игра на всю жизнь! Оська прежде всего обеспечил себе будущее.

– Чур, я буду дудеть... и машинистом! – сказал Оська. – А во что играть?

– В страну!.. Мы теперь каждый день будем жить не только дома, а еще как будто в такой стране... в нашем государстве. Левое вперед! Даю подходящий.

– Есть левое вперед! – отвечал Оська. – Ду – у – у!!!» [4, 42].

«Страна» в детской игре – это поэтический символ, вобравший в себя детскую потребность необычного, неизведанного, яркого. Это убежденность, что жизнь создана для радости и счастья. М. Пришвин, говоря о памятнике, который он поставил бы детским мечтам, называет его страной «такого незабываемого счастья, куда мы в детстве бежим». Страна, к которой человек стремится в детстве и «творит свою сказку о действительности», – это осу-

ществление мечты о мире, где, по представлению М. Пришвина, человек умножает красоту жизни. Это страна духовной свободы и детской чистоты. Это страна счастья и радости [5, 166].

По мнению С. А. Шмакова, спрос на игру наиболее возрастает в переломные периоды жизни общества. Это происходит потому, что, играя, дети моделируют мир настоящий и будущий, улучшая, идеализируя его условия [6, 145]. Это отмечал и Я. Корчак, считавший, что в детских играх много «сознания недостатков подлинной жизни», «мучительной по ней тоски» [7, 73].

«Швамбрания», как известно, появилась на рубеже двух эпох: царской и советской. С помощью игры Кассиль сумел удачно соединить эпохальные события, которые затронули и провинциальную жизнь: «Игра отмечала всё, что происходило в действительности, всё, чем были полны ребячьи головы: войну, ложную героику, идеалы мещанской доблести, уродливое воспитание, революцию, рождение новой школы, ломку старой семьи» [8, 46–47]. Действительность, разумеется, служила благодатным материалом для игры, но кроме нее было еще одно главное условие, которое позволило Швамбрании переключаться из книги обратно в жизнь. Герои повести обладали способностью творчески мыслить. Творческое начало помогло героям кассилевской повести сублимировать негативную реакцию, вызванную наказанием отца, в замечательную игру. Функция сублимации, т. е. высшей реализации неосуществившихся возможностей, выпадает на долю воображения: «Творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прежнего опыта человека, потому что этот опыт представляет материал, из которого создаются построения фантазии. Чем больше ребенок видел, слышал и пережил, чем больше он знает и усвоил, тем значительнее и продуктивнее при других равных условиях будет деятельность его воображения» [9, 10–11].

Выдуманная страна появилась благодаря развитому детскому мышлению. Для воспитания реальных детей – Льва Кассиля и его брата – были соз-

даны, действительно, благоприятные условия: «Нам было оборудовано классическое «золотое детство» – с идеалами, вычитанными из книжек «Золотой библиотеки». У нас была специальная гимнастическая комната, игрушечные поезда, автомобили и пароходы. Нас обучали языкам, музыке и рисованию. Мы знали наизусть сказки братьев Гримм, греческие мифы, русские былины» [1, 16].

Природа такой игры, как Швамброния, представляет собой «творческую переработку пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой действительности, отвечающей запросам и влечениям ребенка» [9, 103]. Л. С. Выготский определяет воображение и фантазию как творческую деятельность, основанную на комбинирующей способности мозга.

В работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина моделирующая и ориентирующая функция игры объясняются способностью ребенка оперировать символами. Это мы и наблюдаем в повести Л. Кассиля: *«Наш дом – тоже большой пароход. Папин врачебный кабинет – капитанский мостик... Гостиная – рубка первого класса. В столовой – кают-компания»* [1, 12]. В основе игровых символов – синтез вымысла и жизненных впечатлений, наблюдений, образов предшествующего опыта. В игре идет вечный процесс их чередования, «перетекания» одного в другое. Вымысел в игре всегда амбивалентен, с одной стороны, это подражание реальности, с другой – ее фантастическое переосмысление. Способность оперировать символами также проявлялась у детей Кассилей, когда они брали в руки шахматы: *«Пешки, например, могли отлично нести обязанности солдатиков и кеглей. Туры могли сойти за рюмки, король за самовар или генерала. Особенно же были удобны обе королевы: блондинка и брюнетка. Каждая могла работать за елку, извозчика, китайскую пагоду, за цветочный горшок на подставке и за архиерея»* [1, 6].

Б. М. Бим-Бад так объясняет стремление детей заменять традиционные игрушки различными предметами: *«Игрушка «работает» в игре лишь то-*

гда, когда она не мешает, а способствует игровой фантазии ребенка. Легче всего в игру включается простая игрушка, наделяемая детской фантазией самыми разнообразными, изменяющимися возможностями и свойствами» [10, 167].

Фантазия ребенка создает причудливые картины. В них осмысление действительности идет через реальное и условное, в них детьми экспериментально выверяются истинное, пародийное и даже как бы бессмысленное (нелепицы, перевертыши, речевые забавы, розыгрыши): «Вечером в честь нашего посещения было устроено большое гулянье с фейверком в Таинственном саду. Там гуляли Голубые Цапли и летали Синие Птицы. Там пели Золотые Петушки и неслись Курочки Рябы. А белки насвистывали «Во саду ли, в огороде». И мы там были и мед пили. А так как усов у нас не было, то все в рот попало» [4, 60].

Швамбрана обладала одним важным свойством: она была страной-тайной: «*Страна наша стала называться «Швамбрана», а мы – «швамбранами»*. Все это должно было сохраняться в строжайшей тайне» [4, 7]. Этот факт является типичным для детей предпубертативного периода. Желание владеть тайными языками, шифрами и кодами возникает у ребенка этого возраста не случайно – оно знаменует собой появление у юной личности новых потребностей и новых возможностей их удовлетворения. Появление личной тайны становится для ребенка важным моментом, который позволяет ему прочувствовать свое «я» как отграниченное, выделенное из окружающего мира вместилище своей внутренней жизни, напрямую недоступной для других людей.

Часто тайна появляется, когда ребенка начинает томить неуверенность, одиночество, тревога, отсутствие понимания со стороны старших. Он далеко не всегда может разобраться в самом себе. Именно в этот момент «свой» мир и приходит на помощь, а одиночество скрашивает появляющийся воображаемый или игрушечный друг.

В педагогической литературе существует множество классификаций игр. На наш взгляд, наиболее полно это сделал С. А. Шмаков. Ученый предлагает взять за ее основу человеческую деятельность, которую игры отражают и моделируют. С. А. Шмаков условно делит человеческую деятельность на сферы досуга и собственно интеллектуально-творческую и социальную деятельность. Эти две взаимопроникающие сферы имеют свои структуры, функции, элементы, результаты. С этой позиции исследователь делит все детские игры на следующие виды:

1. *Физические и психологические игры и тренинги*: двигательные (спортивные, подвижные); экстатические, освобождающие игры и забавы; игротерапия;

2. *Интеллектуально-творческие игры*: предметные забавы; сюжетно-интеллектуальные игры; дидактические игры (обучающие, познавательные; строительные, технические; электронные, компьютерные;

3. *Социальные игры*: творческие сюжетно-ролевые (подражательные, режиссерские, игры-драматизации); деловые игры (ролевые, имитационные).

4. *Комплексные игры* (коллективно-творческая, досуговая деятельность) [11, 102–103].

Если принять данную классификацию, то игру в Швамбранию можно отнести к разряду *комплексных игр*, соединяющих разнородные творческие занятия и действия. Они, как правило, длительны и объединяют ролевою игру и игры с готовыми правилами. Они также могут иметь единый сюжет, основанный на реальной или сказочной основе. В повести Кассиля дети придумывают страну со своими законами и традициями, со своей «флорой и фауной», со своей символикой: «Швамбрания была страной высокой справедливости. Все блага, даже географические, были распределены симметрично. Налево – залив, направо – залив. Эта симметрия осуществляла ту высокую справедливость, на которой зиждилось Швамбранское государство и которая лежала в основе нашей игры. Швамбрания была страной сладчайшего благополучия и пышного совершенства» [4, 47].

Л. Кассиль подробно описывает историю и географию Швамбрании (главы «География», «История»). Комплексная игра подразумевает также обособление детей во времени и пространстве. В случае с кассилевской Швамбранией мы имеем дело, скорее, с тем, что называют эскапизмом – бегством за рамки скучной обыденности. Не случайно Кассиль предлагает полные контраста картины провинциальной утробной слободы Покровской и романтической неунывающей Швамбрании: *«В открытые окна рвалась визгливая булга торговков. Пряная ветошь базара громоздилась на площади. Хрумкая жвачка сотрясала торбы распряженных лошадемок... Вozy молитвенно простирали к небу оглобли. Снедь, рухлядь, бакалея, зелень, галантерея, рукоделье, обжорка...». В «Швамбрании» же «мир для нас – бухта, заставленная парходами, жизнь – сплошная навигация, каждый день – рейс. Все швамбраны, само собой понятно, – мореходы и водники. У каждого во дворе ошвартован свой парход» [1, 10–11].*

Разумеется, фантастический яркий мир кассилевских героев был гораздо интереснее и привлекательнее монотонного существования реальной слободы. Самое главное, что в своей придуманной стране мальчишки имели большой выбор игровых ролей и положений, дающих возможность самореализации. В своей выдуманной стране мальчишки выполняют ответственные миссии: Леля – адмирал и капитан Арделяр Кейс, командующий эскадрой кораблей; Ося – вице-адмирал и главный матрос.

Таким образом, Леля и Ося – искатели приключений – выходят за пределы своего настоящего «я», за пределы своего повседневного мира. Разыгрывая выбранную роль, они в своем воображении изменяют окружающее, и оно получает тот вид и смысл, который в данный момент требуется для этой роли.

Роль и связанные с ней действия представляют собой основную, неразложимую единицу развитой формы игры. Все виды и подвиды игр (игра-поиск, игра-театрализация, подвижные игры, дидактические) так или иначе базируются на этой форме игры: в онтогенезе она является хронологически первой.

Ролевая игра – форма моделирования ребенком социальных отношений в тех проявлениях, которые ему доступны. В этом заключается ее основная функция и значение для развития личности ребенка. Содержание ролевой игры имеет важнейшее воспитательное значение. На это указывал И. М. Сеченов: *«Свою особу ребенок ассоциирует со всеми происходящими через его сознание героями и со всеми их свойствами, сначала, разумеется, чисто внешними... Сливая себя с любым образом, ребенок начинает любить все его свойства; а потом путем анализа любить, как говорится, только последние. Здесь вся моральная сторона человека»* [12 , 106].

Ролевая игра помогает и взрослому человеку преодолевать свои комплексы, обогащает эмоциональный опыт, позволяет испытывать чувства, которые в жизни могут быть недоступны. Так, советский психолог А. Н. Лук приводит пример из собственной врачебной практики, хорошо иллюстрирующий значение ролевой игры в жизни человека: молодой педагог пришел с жалобой на заикание, которое начиналось, когда к нему на занятие приходила комиссия. Психолог посоветовал ему представить себя важным баринном с властным голосом. Совет врача дал положительный результат: преподаватель, пусть не сразу, но перестал заикаться. А. Н. Лук так прокомментировал ситуацию: *«Выступая в роли взрослого, человек еще по-настоящему не почувствовал себя взрослым. «Взрослое самоощущение» приходит к нему лишь в результате перевоплощения в кого-то другого»* [13, 76–77].

Итак, игра в Швамбранию, описанная Кассилем, обладает всеми свойствами комплексной игры: она длительна («Мы играли с братишкой в Швамбранию несколько лет подряд»); имеет увлекательный сюжет, игровые роли и положения.

Взрослый писатель не только не забыл о фантазиях своего детства, наоборот, он активно пробуждал свое собственное воображение и воображение своих читателей: *«Я хотел лишь одного – пусть воображение ваше откликнется, заиграет и признает существование моих выдуманных стран»* [14, 2].

Желание Кассиля было исполнено при его жизни, исполняется оно и сегодня. В 1995 году в г. Энгельсе Саратовской области открылся музей Л. А. Кассиля. Его нельзя отнести к категории только «детских». Ведь неперемненное качество детского музея – деятельность самих юных посетителей, которые или непосредственно участвуют в создании экспозиции, или получают возможность «работать» с музейным предметом, исследовать его, или заниматься творчеством – мастерить, рисовать, играть на музыкальных инструментах. Оригинальная концепция кассилевского музея и его экспозиции («Три страны, которых нет на карте») была задана творческим феноменом писателя.

Игровая природа творчества Л. Кассиля стала основой культурно-образовательной деятельности музея. Творчество писателя дало импульс для множества игровых музейных программ, которые сейчас вызывают большой интерес не только среди детей младшего школьного возраста, но и среди старших подростков и даже среди взрослых посетителей. Хотя основная аудитория музея – дети младшего школьного возраста. Игровой метод является ведущим в этом возрасте. Развивающийся в игре ребенок обогащается не только новыми действиями с окружающими предметами, но и усваивает правила социализации, нормы существующей морали. Перемещаясь в игровом пространстве, рассматривая предметы с разных сторон, перевоплощаясь в других людей, обнаруживая разное отношение к предметам, ребенок расстается с центрацией, или эгоцентризмом – одним из ограничений детского мышления.

При этом психологические особенности младшего школьного возраста способствуют приобщению к музею и музейным формам обучения. Формирование знаний и развитие личности младшего школьника происходит при рациональном соответствии двух процессов: непосредственного восприятия и усвоения словесного описания тех или иных предметов и явлений. Известно, что младший школьный возраст сохраняет еще некоторые особенности

дошкольного возраста: острое восприятие, ярко выраженные эмоциональные реакции на окружающее. При этом развивается словесно-образное мышление, познание окружающего мира становится более осмысленным, хотя внимание отличается неустойчивостью. Исходя из психологических особенностей возраста, можно утверждать, что ребенок усваивает и запоминает все яркое, интересное вызывающее эмоциональный отклик. У детей появляется способность переживать не только сюжет, но и внутреннюю атмосферу изображенного события, а также состояние природы в пейзаже или настроение в портрете, о которых они готовы судить и выразить свое отношение в словесной форме.

Таким образом, детская аудитория стала своеобразным стимулом для перестройки сложившихся представлений современного музея о сущности образовательной деятельности. Она открыла пространство для эксперимента и творчества – поиска новых методик. Именно это и произошло с музеем Л. А. Кассиля. Поэтому можно утверждать, что музей Л. А. Кассиля очень многим обязан именно детям.

Какие же формы работы, основанные на игре, предлагает музей Л. А. Кассиля?

Музейное занятие с элементами театрализации для учащихся младших классов «Путешествие в неведомые страны» проводится в экспозиционном пространстве музея. Цель этого занятия – познакомить ребят с жизнью и творчеством знаменитого земляка и при этом раскрыть творческие способности учащихся. Экспозиционный комплекс помогает ребятам восстановить атмосферу дома, в котором родился и вырос Кассиль («работают» залы «Старый Покровск» и «Кабинет А. Г. Кассиля»). В зале «Швамбрания» экскурсовод в роли Черной Шахматной Королевы сначала рассказывает юным посетителям о происхождении страны Швамбрании, а затем предлагает им придумать свою страну, назвать ее, нарисовать ее карту, герб; рассказать о ее традициях, обычаях, о людях, населяющих ее, – словом, проявить максимум

выдумки и смекалки. Если группа большая, дети делятся на три команды и творят коллективно в течение 20–25 минут. В итоге каждая команда или ребенок в отдельности презентуют свой проект.

Почти все дети в этом возрасте (6–10 лет) – творцы. Они легко погружаются в мир своих фантазий, и вскоре все участники экскурсии совершают мысленное путешествие в страны, которых нет на карте: Дельфинию, Швамбранию, Сахарную страну, Страну Лето, Веселикобританию. После этой игры дети знакомятся с двумя другими странами писателя – Синегорией и Джунгахорой – в одноименных залах музея.

Предлагаемая форма занятия (*игра-фантазирование*) решает одновременно несколько задач: формирует интерес юных посетителей к музею как сокровищнице истории и культуры, прививает навыки и умения восприятия музейных ценностей, которые не могут быть девальвированы со временем, и, наконец, раскрывает творческие способности посетителей.

Другая программа называется «Виват, Швамбрения!». Она представляет собой множество игр: игру-поиск, игру-театрализацию, игру-путешествие, подвижные игры. На эту программу, наряду с младшими школьниками, приглашаются учащиеся 5–6 классов. В конечном итоге в пространство праздника «погружаются» практически все возрастные категории посетителей, включая родителей детей, их старших братьев и сестер.

День рождения Л. Кассиля сотрудники музея называют днем Швамбрании. Каждый год 10 июля все участники праздника собираются на набережной г. Энгельса. Сюда в сопровождении своей свиты приплывает на корабле ее Величество королева Швамбранская, или Черная королева. До встречи Королевы ребята соревнуются в умении читать старинные карты, на которых начертаны маршруты их прибытия на набережную. У каждой из трех команд (швамбраны, синегорцы, джунгахорцы) свой маршрут. Команды проходят по памятным местам, связанным с именем Л. А. Кассиля: это его музей; гимназия, где учился писатель; библиотека им. Л. А. Кассиля и др. Команды имеют свои отличительные знаки: герб, девиз, знамя.

После встречи Королевы красочная кавалькада шествует через весь город с оркестром в Дом культуры, где всех ожидает театрализованное представление. Черная королева открывает ребятам свои тайны и приглашает их в путешествие по страницам произведений Л.Кассиля. Юным участникам приходится преодолевать морские рифы, помогать кассилевским героям бороться со злодеями, демонстрируя при этом эрудицию и знание книг писателя-земляка.

С 2003 года программа вышла на новый уровень. Городской парк г. Энгельса превратился в Парк Швамбранского периода, где было множество полян (поляна Добра, Уморительная поляна, Космическая поляна), на которых участники соревновались в смекалке, находчивости, смелости и выносливости.

Отметим также, что музейный праздник имеет свою специфику. Он представляет собою комплексную форму культурно-образовательной деятельности, в которой единой темой объединены элементы экскурсии, тематического вечера, театрализованного представления. Для музейного праздника обязательно присутствие музейных предметов, активное участие посетителей, использование элементов театрализации и игровых эпизодов, соблюдение ритуальности и праздничности атрибутов, то есть необходимо сочетание двух условий – «музейности» и «праздничности».

Следует заметить, что атмосферу праздника в своей собственной жизни любил создавать и сам Л. Кассиль. Его дочь Ирина вспоминала, что в этот процесс с удовольствием включались и дети. Желание играть, что-то создавать, придумывать культивировалось в этой семье. Любили дни рождения, Рождество, Пасху. Ирина помнит счастливое ощущение детства, когда дом непоколебимо оставался надежной осью всей жизни. Она глубоко уверена в том, что именно в детстве ее родителями был заложен тот оптимистично-радостный настрой, не позволяющий опускать руки, когда жизнь порою преподносит не совсем приятные сюрпризы.

Л. А. Кассиль был инициатором «Книжкиных именин» – Недели детской книги (с 1944 года). В архиве писателя хранится очень много сценариев различных праздников, среди которых есть и новогодние сценарии к «Главной елке страны» – празднику, который собирал в Кремле детей со всего Советского Союза.

В педагогике природа праздника является предметом научного изучения. Так, немецкий педагог-антрополог О. Ф. Больнов [15, 36–37] полагает, что праздники, организованные правильно и умело с педагогической точки зрения, имеют существенное значение для интеллектуального и эмоционального развития воспитанника. Именно в праздники, считает ученый, у человека меняется отношение к миру, людям. Праздник способствует единению людей, в эти моменты четко проявляется коллективное начало в природе человека. Кроме этого, природа праздника органична природе ребенка, его врожденному умению воспринимать мир в радужных цветах, его способности быть восторженным и радостным без всякой видимой причины. Праздник способствует проявлению различных талантов ребенка: певческих, танцевальных, актерских. Праздник восстанавливает душевное равновесие, которое подчас исчезает в потоке монотонных будней.

О. Ф. Больнов подчеркивает важные свойства праздника – дарить человеку внутреннюю свободу, гармонично включать его в мир человеческих отношений, освободить от комплексов.

Вот почему и некоторые школьные уроки должны проходить в праздничной атмосфере, потому что она способствует лучшему усвоению материала.

Бесспорно, праздник является действенным воспитательным и образовательным средством. Он органичен природе ребенка, поэтому не стоит пренебрегать тем, что доставляет ребенку радость и удовольствие. Важное свойство праздника отмечено в культурологическом словаре: «Праздник соединяет, исцеляет, т. е. делает «целой» раздираемую конфликтами человеческую общность. В жерновах праздника перемалываются все социокультурные различия и

противоположности. Цель праздника – достижение определенного оптимального душевного состояния участвующих в нем людей. Праздник органически связан с игрой. Игра составляет его сердцевину» [16, 134–135].

Очевидно, что роль игры, в том числе литературной, в детстве велика. Кассиль-педагог, писатель и сегодня сумел найти с детьми общий язык. Вот почему актуальным представляется обращение к литературно-педагогическому опыту Кассиля, который активно использовал в своем творчестве игру – важнейшую и неотъемлемую часть учения, досуга и культуры в целом. Игра писателя вышла за рамки литературы. Опыт музея Л. А. Кассиля свидетельствует о том, что и сегодня она востребована детьми, поскольку содержит в себе большой развивающий потенциал. Игра Кассиля «подходит» как для детей младшего школьного возраста, так и для подростков. По своей природе она динамична и креативна. В ней ребенок чувствует себя автором и исполнителем. Модель данной игры может использоваться как в стенах музея, так и за его пределами, в частности, в дошкольных и школьных образовательных учреждениях.

Примечания

1. Кассиль Л. А. Ваше здоровье, дорогой читатель / Л. А. Кассиль // Лит. Россия. – 1965. – № 1.
2. Зеньковский В. В. Психология детства. М., Академия, 1996.
3. Цит. по: Эльконин Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. М. 1999.
4. Кассиль Л. Конduit и Швамбрана. // Л. А. Кассиль. Собр. соч: В 5 Т. М., Детская литература, 1965. Т. 1.
5. Пришвин М. Собр. соч.: В 6 т. / М. Пришвин. М.: Гослитиздат, 1956. Т.2.
6. Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры / С. А. Шмаков. М.: Новая школа, 1994.
7. Корчак Я. Избранные педагогические произведения / Я. Корчак // Пер. с пол. К. Э. Сенкевич. М.: Педагогика, 1979.
8. Белов В. Будет завтра лучше, чем вчера (Лев Кассиль о детях) / В. Белов // Дошкольное воспитание. – 1972. – № .5.

9. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский М., 1991.
10. Природа ребенка в зеркале автобиографии: Уч. пос. по пед. антропологии / Под ред. Б. М. Бим-Бада и О. Е. Кошелевой. М.: Изд. УРАО, 1998.
11. Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры / С. А. Шмаков. М.: Новая школа, 1994.
12. Сеченов И. М. Избранные произведения / И. М. Сеченов. М., 1953.
13. Лук А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. М.: Знание, 1982.
14. Кассиль Л. А. Увидеть будущее. Сборник статей о воспитании и о детской литературе / Л. А. Кассиль. Сост. е. А. Таратуга. М.: Педагогика, 1985.
15. Bollnow Otto Friedrich: Die pädagogische Atmosphäre: Untersuchungen über die gefühlsmässigen wischenmenschen Voraus-setzungen Erziehung/Otto Friedrich Bollnow. Essen: Verl. Die Blaue Eule, 2001.
16. Пигалев, А. И. Праздник / А. И. Пигалев // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. – Спб.: Университетская книга; 1998.

Н. А. Тупицына

МЫ ГОРДИМСЯ СВОИМИ ПИСАТЕЛЯМИ-ЗЕМЛЯКАМИ!

(ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ)

Аннотация: статья раскрывает опыт работы учителей литературы школы № 14 г. Кирова по изучению творчества писателей Вятского края. Многие из них были выпускниками этой школы и стали гостями встреч с юными читателями.

Ключевые слова: проект, писатель, встречи-общение, публичный урок, литературное краеведение.

В наш активный XXI век, век информационных технологий, не выходящих и не выпускаемых из рук гаджетов, среди которых и электронная книга, перед учителем – словесником стоит непростая задача: возвращение читателя, любящего книгу, умеющего читать, желающего познать мир и себя в этом мире. С этой целью в нашей школе, МБОУ СОШ № 14 города Киро-

ва, в 2015 году был разработан проект **«Ими гордится Вятка, ими гордится наша школа»**, в рамках которого мы знакомили учеников нашей школы с выпускниками, посвятившими свою жизнь литературе, ставшими признанными, известными писателями и поэтами. А их немало! Это и Маргарита Чебышева (в прошлом учитель 14-ой школы), и Владимир Ситников, и Евгений Мильчаков, и Аглая Соловьёва, и Ирина Краева!

Стартовал проект 10 марта, когда в гости к нам приехала детский писатель, выпускница школы – **Ирина Краева** (Ирина Ивановна Пуля), о встрече с которой и хочется более подробно рассказать.

Ирина Ивановна – удивительный, разносторонний человек, яркая личность. Она педагог (работала преподавателем кафедры литературы XX века в Вятском государственном гуманитарном университете, деканом факультета журналистики в филиале Московского гуманитарно-экономического института), учёный (защитила диссертацию по русскоязычным романам В. Набокова), журналист (писала для газеты «Труд», затем для «Российской газеты», стала лауреатом Премии города Москвы в области журналистики). Наконец, Ирина Краева – талантливый детский писатель, чьё мастерство признают как коллеги, так и читатели:

в 2007 г. она стала лауреатом Международной литературной премии имени В. Крапивина за сказочную повесть **«Тим и Дан, или Тайна разбитой коленки»**, в 2013 г. – победителем в номинации «Истории сказочные и не только...» конкурса

«Новая детская книга» за повесть «**Колямба, внук Одежды Петровны**». С 2014 г. широко обсуждается её новая повесть «**Баба Яга пишет**», не вившая равнодушными на юных читателей, ни более искушённую взрослую публику.

Так произошло и во время наших встреч – общения с Ириной Краевой. Именно встреч – общения, так как писатель с ребятами и взрослыми (а среди слушателей и благодарных читателей были не только ученики 14-й школы, но и их преподаватели) разговаривала, что называется, на равных, играла, много шутила, делилась своими наблюдениями.

А ребятам 2–3 классов повезло больше всех! Они вместе с писателем сочинили сказочную историю про кота Мурзика и, прикоснувшись к лепестковому барабану, загадали заветное желание! И оно не может не сбыться, потому что это прикосновение к чуду!

После звонка с урока никому не хотелось расходиться – ребята и взрослые брали автографы, фотографировались, обменивались адресами, просто общались, делились своими ощущениями, мыслями, переживаниями.

Из отзывов ребят (авторский стиль сохранён): «Общение с необычным человеком – всегда радость!», Полина М., 12 л. «Когда я увидела Ирину Краеву, то сразу поняла, что именно таким и должен быть настоящий детский писатель. Ирина Ивановна весёлая, живая, общительная». Ткаченко, 12 л. «Знакомство с Ириной Краевой произвело на меня неизгладимое впечатление. Я даже начал мечтать о том, как стану писателем, как мои книги будут пользоваться популярностью», Денис, 10 л. «Во время встречи с нами Ирина Краева говорила с какой-то детской ноткой в голосе. Именно такая нотка может пробудить в угрюмом взрослом человеке детскую любозна-

тельность, тронуть за сердце и подарить кусочек детства», Широкова, 14 л. «У Ирины Ивановны Краевой за сорок минут общения с нами рассказать о своих я заметила три таких качества: оптимизм, присущий далеко не каждому, стремление к бескорыстной отдаче любимому делу и умение так рассказать о своём творчестве, что это будет интересно абсолютно всем», Трубина А., 14 л. «После встречи с Ириной Краевой я была в таком одухотворённом состоянии, что хотела обнять весь мир! Ирина Ивановна очень открытый, весёлый и умный человек, которого приятно слушать. Яркие эмоции, улыбка, добрые глаза – вот так и нужно вести разговор! Именно такой человек может написать замечательные произведения, которые интересно читать», Валерия, 16л. «После выступления Ирины Краевой я начинаю гордиться своей школой, тем, что в ней учились такие интересные и талантливые люди, как Ирина Ивановна Краева!», Яна, 12 л. «Это оказался очень солнечный человек, с которым хочется встречаться ещё и ещё!», Алексей, 16 л.

За 4 дня Ирина Ивановна встретила с разными «категориями» своих читателей: это были ученики 2, 3, 6, 8, 9, 10, 11 классов, учителя школы и ветераны педагогического труда, те самые, которые учили девочку Иру Краеву читать, писать, считать и о которых она никогда не забывает и рассказывает в своих интервью.

Ребята писали отзывы о встрече и прочитанных произведениях, ученики начальной школы рисовали иллюстрации к книгам Ирины Краевой. Душевным порывом старшеклассников стало создание видеофильма о писателе. Всё это мы передали Ирине Ивановне.

Отзыв о книге И. Краевой «Баба Яга пишет» ученицы 10 класса Кривошеиной Дарьи (в настоящее время студентке 2 курса филологического факультета ЛГУ им. А. С. Пушкина, С-Петербург):

«Есть книги, которые с упоением читаешь от корки до корки. Лёгкие строчки мечтательно выплывают с пыльных библиотечных или свеженпечатанных страниц и проносятся мимо, подобно табуну мустангов или во-

индивидуальному кличу индейцев. Есть и другие: над ними целую жизнь можно размышлять, лёжа на диване и разбираясь в том, что за преступление совершили их герои и были ли наказаны, в чём нашли они смысл жизни и где – любовь.

Книга Ирины Краевой не относится ни к первым, ни ко вторым. Но с первых её строк внутри что-то сжимается, мешая дышать. С последней точкой берёшь себя в охапку и, наконец, делаешь вдох. Чувствуя, как воздух наполняет лёгкие, понимаешь: ничего нет нужнее и правдивее этого вдоха. Эта книга учит дышать. Почему-то людей нужно учить самому элементарному.

Мы забываем свои корни. Спеша за тридевять земель, расстаёмся с близкими и дорогими людьми. Но если мы так любим своих родителей, почему считаем «нерациональным» писать им, звонить, навещать тех, кому так нужны, хотя бы иногда? Понимать, прощать, любить, делать друг друга капельку счастливее... Это как дышать – необходимо. Финал повести ещё раз напоминает, что счастье хрупко. Самолёты иногда падают, а бабушки – ягушки умирают. «Рационально» беречь то, что имеешь, потому что прошлое есть и оно жадно проглатывает то, что мы беспечно видим настоящим.

Переписка русской бабушки и её внука из Колорадо утверждает настоящие ценности. У «Бабы яги» есть чему поучиться: жизнелюбию, жизнепониманию, жизневедению и жизнеулыбанию. Только хорошая книга даёт такие уроки».

А после были встречи, тоже яркие, сильные по своим эмоциональным откликам, интересные как тем, с кем встречались, так и приглашённым выпускникам 14-ой: **В. А. Ситникову, Аглае Соловьёвой.**

Подтверждением вышесказанного являются следующие факты.

Старшеклассники после «официального», в рамках проекта, общения с Аглаей (Ариной) Соловьёвой попросили, чтобы она провела ряд занятий по современной поэзии. Мы вдохновились идеей, Арина составила план факультатива, который был поддержан и одобрен педагогическим коллективом

школы, – и работа началась! Ребята не только изучали теорию, но и сами сочиняли, создавали, творили. Планируемым результатом станет совместный сборник стихов. А выпускники 2016/17 уч. г. в качестве подарка САМИ (!) попросили книги В. А. Ситникова

«Русская печь» и «Золотой час эскулапа». И Владимир Арсентьевич каждому подписал свои произведения, и автограф у всех начинался словами: «Дорогому (ФИО) от однокашника Володи Ситникова с пожеланиями ...».

Встреча с авторами удивительных и захватывающих историй вдохновила и учителей школы на создание **публичных уроков** (автор идеи и разработчик технологии «публичный урок» Е. О. Галицких, профессор, д.п.н., зав.кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ), после проведения которых, уверены, у писателей появилась целая «армия» поклонников – читателей уже не только среди педагогов и учеников, но и среди их родителей. Учителя-словесники: Клабукова У. А., Меньшикова Л. Г., Слободина И. В., Соколова Н. В., Третьякова М. В., Тупицына Н. А. – приняли участие в Фестивале публичных уроков чтения, стали лауреатами Фестиваля. В спецномере «Литература в школе: г. Киров и Кировская область» № 9/2015 опубликованы статьи педагогов, авторов проведённых публичных уроков: «Время всегда хорошее» (Меньшикова Л. Г., Слободина И. В.), «Золотая полка» (Тупицына Н. А.), «Как письма сохраняют время, опыт жизни и чувства?» (Кла-

букова У. А.), «Современная книга: что сегодня читают?» (Соколова Н. В., Третьякова М. В.).

Проект «Ими гордится Вятка, ими гордится наша школа» был связан с объявленным в 2015 году Годом литературы. Но это вовсе не означает, что работа по приобщению к чтению, развитию интереса к художественному слову завершилась. Наша 14-ая школа действительно гордится своими выпускниками, в том числе и писателями. Литература Вятского края интересна и многообразна. И в настоящее время мы занимаемся разработкой программы внеурочной деятельности по литературному краеведению для учащихся 5-7-х классов, в рамках которой будем рассказывать о писателях, прославивших землю Вятскую, посетим места, связанные с их творчеством, проведём серию библиотечных уроков.

Е. О. Галицких

У НАС В ГОСТЯХ ПИСАТЕЛЬ ИРИНА ДРУЖАЕВА

Журавль понял, что это и есть счастье:
когда ты – на своём месте.
И рядом есть друг,
и у друга – всё в порядке!

Ирина Дружаева

Аннотация: статья раскрывает разнообразие жанров и ведущие темы творчества писателя Ирины Дружаевой. В поле зрения автора статьи впечатления от литературной встречи читателей с Ириной Дружаевой.

Ключевые слова: писатель, темы творчества, литературные жанры, художественное мастерство, впечатления читателей.

В работе Всероссийского семинара по региональной литературе приняла участие писатель и поэт из Городца Нижегородской области Ирина Валентиновна Дружаева (1957 г.). В ряду знаменитых фамилий: Г. Державин,

А. Дружинин, Ю. Дружников – фамилия Дружаева не потерялась, а заняла своё место среди авторов, которые пишут для детей и о детях талантливо, радостно, современно.

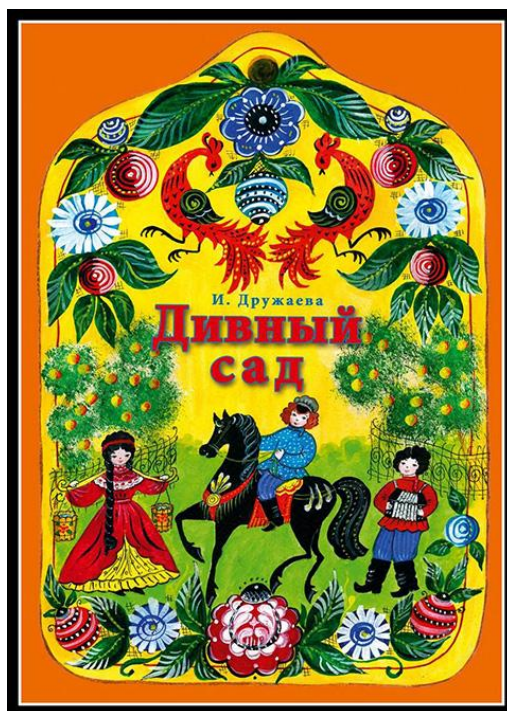
Студенты и все участники семинара сразу откликнулись на её эмоциональную, искреннюю и артистичную манеру чтения стихотворений. Сам облик поэта вдохновлял на творчество, на радость, на живое волшебство, которое создавала своим чтением Ирина Валентиновна. Её голос стал ярким примером воплощения художественных образов в речи, интонации, паузе. От её стихов шла энергия счастья, творчества, жизни особенной – счастливой, праздничной, яркой, весенней. Не случайно стихи и проза Ирины Дружаевой обращены к детям и их родителям. Мир детства наполняется яркими впечатлениями, солнечными картинками, встречами с любимыми людьми и незабываемыми событиями. Ирина Валентиновна, как человек оркестр, обладает множеством талантов, она лауреат областных, Всероссийских и Международных конкурсов декоративно-прикладного искусства. Сама иллюстрирует свои книги рисунками, владеет техникой городецкой росписи, организует работу арт-галереи в г. Городце, создаёт художественные игрушки такого мастерства, что они словно оживают в её руках: греет спинку крыса Кларисса, улыбается хитрый кот бабушки Яги, приглашает в гости осиротевший Домовой, кокетничает мышка Мишель и водит по лесу Леший. Вот такие у неё золотые руки: работает в разных техниках: картины «глина на холсте», авторская керамика, авторская кукла.

Одна из её книг стихотворений называется «Дивный сад» [1], книга, как райский сад, раскрывает перед читателями сюжеты народной городецкой жизни: котики, петушки и курочки, снегири и лошадки так и просятся в руки читателей-малышей. А какие сюжеты на каждой странице-расписной городецкой досочке, они как иллюстрации к этой волшебной жизни – вот танец, а здесь чаепитие, на другой странице – прогулка гармониста. Ирина словно играет с детьми в народные потешки, и так это у неё ловко получается, что хо-

чется выучить наизусть все стихотворения, чтобы самим рассказывать их наизусть внукам и внучкам, дочкам и сыночкам. Игровые, весёлые, динамичные, неожиданные в своих концовках, с юмором, прибауточкой-шуточкой:

Две подружки

Две весёлые подружки,
Хохотушки да болтушки,
За водой пошли с утра,
Прихватив по два ведра.
У колодца разболтались –
До обеда не расстались.

Ирина Дружаева обладает умением превращать всё увиденное и замеченное в художественные образы, оживлять явления природы своей фантазией и добрым талантом поэта. Помогает детям, читающим её стихи и рассказы, сказки и сказы, жить дружно, интересно, содержательно, в ладу с родителями и всем живым на земле.

Про тучу

Туча по небу плыла.

Туча грустная была.

Но...

Всплакнула дождичком,

Стала

Светлым облачком.

Облако игривое

Машет белой гривую,

Над зелёной рощицей

Строит солнцу рожицы!

Книга прозы «Предчувствие любви» состоит из рассказов о детстве 40-х и 60-х годов [4]. Автор раскрывает свой талант рассказчика бережно по отношению к судьбе каждого героя: мы услышим, как стучит палка по лесному посёлку древней старухи Енафы, которая все ягодные места в лесу знала и берегла от жадного глаза, как повзрослеет от горя маленькая Люська, похоронив слепую Степаниду; и как будет хранить свой «секрет» «весёлая, гордая Люся», как подружится кошка Мурка и заяц Труска, как маленький Костя победит искушение сладким сахаром; как мальчишки лещей наловят...

Главное в этом детстве – опыт дружбы, умение друг другу помогать и прощать обиды, верить хорошим людям и беречь память о них. Лучший совет – это слово матери, а лучший приказ – это завет отца. Народные семейные ценности – трудолюбие, лад в семье, забота о животных, уважение к старшим, любовь к лесу и его обитателям – это нравственный потенциал книги. Традиции рассказчика Льва Толстого: уважение к народной жизни, родному языку и мудрости стариков – сохраняет в этой книге Ирина Дружаева.

Вторая часть книги рассказывает о детстве 60-х годов, наполнена она моментами взросления, постижения жизни эмоциональной, подростковой,

противоречивой. Меняется возраст героев рассказов, но характер повествования сохраняет свою интонацию доверительного разговора с читателем: «Ох, и нравится Ирке русская печка! Даже дома, в городе, снится ей иногда, что она лежит на тёплых, отполированных временем кирпичках или смотрит на алые языки пламени в жарком печном брюхе. А здесь, в деревне, можно погреться даже на двух печах – то у бабушки, то у тётушки. Бабушкина печка выше и больше. Наверху, на бурой площадке, у Иринки целый кукольный домик. Печка нравится Ирке даже на вкус! Она проковыряла целую выемку в одном из кирпичей трубы и съела глиняные крошки. Вкусно.

А сегодня, вместе с подружкой Зиной, Иринка забралась на печь в тётушкиной избе посекретничать и поболтать о своём, «о девичьем» [4, с. 92]

Вот об этом «девичьем» взрослении, героическом в характере Ирки и повествует рассказ «Тревожное лето» [4, с. 126], страшен лесной пожар для поселка, который лесом окружен со всех сторон, этот пожар грозит гибелью всем его жителям и зверью лесному. Такие острые переживания тревоги, беды, испытания переданы в сюжете, что рассказ этот становится кульминацией, знаком любви к родному краю и просьбой его хранить: «А у рустайских лесов и болот со всей их живностью появились надежные помощники и защитники. И танцуют теперь на болотах непуганые журавли, оставляют следы на песках медвежьих выводки и летают над бобровой речкой редкостные бабочки.

Храни, Господь, заповедный лесной край!» [4, с. 134].

Детство учит прощать и расставаться с летом, играми, деревней: «Кончилось лето. И детство плавно перетекало в юность – кто знает, где она, эта невидимая граница? Начиналось время надежд, ожидания счастья и предчувствия любви...» [4, с. 158].

Книга рассказов «Кто включает утром солнце?» [3] уже о детстве нашего времени, нового века, написана в 2015 году и рассказывает о жизни двух братьев – младшем Сеньке и старшем Вовке. Автор поможет читателям поверить в то, что именно в детстве задаются самые интересные вопросы и

делаются удивительные открытия. Мир полон приключений, интересных случаев и забавных историй. В детстве принимается точное решение: кем стать! И если стать писателем вам покажется интересным, то книгу Ирины Дружаевой прочитать нужно непременно. Лаконичные и живые диалоги, забавные сюжеты, детские конфликты, ясность повествовательного рисунка дают возможность отнести книгу к детской прозе, но и взрослым её будет читать нескучно. Они узнают в героях себя, вспомнят о таком интересном занятии как родительское творчество и память детства.

Есть ещё один писательский «клад» у Ирины Дружаевой – это книга легенд и сказов под названием «Змеиный царь. Сказы лесного Заволжья» [2].

А чтобы читатель мог окунуться в стихию этих старых рассказов краеведов и старожилов, в сказовый лад книги, в тайны лесной жизни, откроем главу о «Белом волке»: «Леса, леса, леса... На многие, многие километры от Ветлуги до Вятки протянулись смешанные хвойно-лиственные леса, переходя местами в светлые березовые рощи, сосновые боры на ягельных коврах, дремучие замшелые рамени и моховые болота.

Сёла и деревеньки раскиданы больше по берегам рек и речушек. И чем глубже в зеленые дебри, тем меньше там человеческого жилья.

Край этот, бездорожьем хранимый, ленивых не любит, не принимает. Да и они сюда бежать не торопятся. Много сил и труда надо приложить, чтоб с земель здешних прокормиться. Зато красотами природы и богатствами лесными одаривают эти места сполна» [2, с. 93].

Так и Ирина Дружаева «одаривает» своих читателей волшебными сказками. Что ни сказка, то «добрым молодцам урок» доброты, душевной щедрости, бережной любви к природе и верности родине. Особенно хороши сказки в исполнении автора. Ирина Валентиновна просто завораживает своей интонацией слушателей, увлекает в мир сказки, помогает вслушаться в смысл каждого слова. Как из чистого колодца народной русской речи черпает она вдохновение для своего творчества, внимательно всматривается в ли-

ца своих соотечественников, вслушивается в их разговоры и любит их мастеровитостью. Её сказка «Колодезный журавль» – это лирическая проза, раскрывающая поэзию человеческих отношений, наполненная любовью к каждой детали деревенского быта, к мудрости бытия для других [5].

Разнообразие жанров, сквозная тема детства, любовь к родному краю привлекают читателей к творчеству Ирины Дружаевой, она не только член

Союза писателей России и Товарищества детских и юношеских писателей России, но и лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого, конкурса сценариев Московского Международного кинофестиваля «Лучезарный Ангел», международного творческого конкурса «Вечная память!», литературной премии «Золотое перо Руси». Она неоднократно отмечена Приволжскими литературными премиями, активно публикуется в журналах России, участвует в литературных фестивалях России, Крыма и Черногории.

Книги: «Дивный сад», «Под парусом мечты», «Иди на свет», «Крошка на ладошке», «Весёлая семейка», «Минуют тебя печали», «Годичное кольцо», «Тормоза для башмаков», «Лунное озеро», «Предчувствие любви», «Кто включает утром солнце?» – не тоскуют на книжных полках магазинов и библиотек, у них есть свой читатель – любознательный и благодарный. Ирину Дружаеву всегда с радостью встречают в библиотеках и школах нашей страны.

Писатель Ирина Дружаева в центре с коллегами Овченковой О. Ю. (слева)
и Галицких Е. О. (справа)

Примечания

1. Дружаева, И. Дивный сад. – Нижний Новгород: Изд-во ООО «Кварц», 2005. – 21с.
2. Дружаева, И. Змеиный царь. Сказы лесного Заволжья. – Н. Новгород: БИКАР, 2016. – 192 с.
3. Дружаева, И. Кто включает утром солнце? – Нижний Новгород: БИКАР, 2015. – 74 с.
4. Дружаева, И. Предчувствие любви. – Нижний Новгород: БИКАР, 2014. – 160 с.
5. Дружаева, И. Колодезный журавль. Код доступа <http://www.stihi.ru/2014/02/26/4662>

**РЕШЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЕМИНАРА
«РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ»**

Обсудив проблемы региональной литературы и литературного краеведения,

участники приняли следующее решение:

1. Считать, что обсуждение проблем региональной литературы является важной составляющей в вузовском и школьном образовании.

2. Продолжить традицию приобщения студентов и школьников к литературному краеведению.

3. Поддерживать проведение школьных и вузовских олимпиад, конкурсов, фестивалей, посвященных творчеству местных писателей и поэтов.

4. По мере возможностей освещать в средствах массовой информации новинки вятских писателей.

5. В рамках областной ежегодной книжной выставки «Вятская книга года» проводить семинар «Региональная литература: проблемы изучения и функционирования».

6. По итогам семинара 2017 года «Региональная литература: проблемы изучения и функционирования» издать сборник научных трудов.

г. Киров

СПИСОК АВТОРОВ

Ануфриев Анатолий Евдокимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета, (г. Киров).

Богданова Людмила Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко (г. Глазов)

Быкова Екатерина Васильевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры Вятского государственного университета (г. Киров).

Валова Ольга Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

Возмищева Ксения Александровна, учитель русского языка и литературы МБОУ Гимназия № 46 г. Кирова.

Галицких Елена Олеговна, доктор педагогических наук, профессор, зав.кафедрой русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров)

Ершова Евгения Сергеевна, учитель русского языка и литературы МОАУ СОШ с УИОП № 10 им. К. Э. Циолковского (г. Киров)

Загвоздкина Татьяна Евдокимовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник КОКМ (г. Киров).

Клевошкин Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

Маслова Анна Геннадьевна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета, доктор филологических наук (г. Киров).

Метелева Олеся Андреевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 45 (Киров). Научный руководитель Маслова Анна Геннадьевна.

Молитвина Ольга Павловна, научный сотрудник Энгельсовского краеведческого музея (г. Энгельс).

Овченкова Ольга Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко (г. Глазов)

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

Поляков Олег Юрьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

Полякова Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).

Полякова Маргарита Олеговна, магистрант Вятского государственного университета (г. Киров).

Трушкова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Вятского государственного университета (г. Киров).

Михеева Г. А. – кандидат исторических наук,

Титова Е. И. – кандидат исторических наук, доцент, сотрудник научной лаборатории «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе», ВятГУ и Удмуртского Института истории, языка и литературы УрО РАН) (г. Киров)

Юферева Яна Александровна, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров)

Проскурнина Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, методист отдела развития общего образования ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт развития образования» (г. Калуга)

Прокуратова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и общей филологии Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар)

Тупицына Наталия Анатольевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 14 (г. Киров)

Федянина Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вятского государственного университета (г. Киров).

Федяева Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и культуры речи СПбГАУ (Санкт-Петербург)

Научное издание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Сборник материалов

Компьютерная верстка *К. А. Ашихмина*

Подписано в печать 28.09.2017 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,16.

Тираж 100 экз.

Заказ № 4762.

Научное издательство
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vyatsu.ru

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36